

Галина Чернецкая

Лисий путь

Тяжела жизнь в царстве Минском, и вдвойне тяжела, коль угораздило тебя родиться женщиной. Слово твое ничего не значит, всерьез никто не воспринимает. А уж коли ты еще и лисица, так вообще, каждый встречный святой убить норовит, или хотя бы демоном обозвать. Но случается, что и женщина порой может помочь переломить ход сражения. А вот может ли она суметь стать счастливой?

ЧАСТЬ I. УЧЕНИК. ПРОЛОГ

Парень появился перед Адилем неожиданно, словно соткался из воздуха прямо перед перебитым большим носом. Адиль, что значит справедливый, от неожиданности поперхнулся пивом, прокашлялся, нелюбезно буркнул:

— Чего тебе?

— Слыхал, вы с обозом в столицу следуете? А охраны вроде бы маловато, места-то глухие... — Немного вкрадчиво произнес он. Парень был страшен: невысок, худ, и его короткие, собранные в высокий растрепанный пучок волосы были непотребно рыжи, словно палая листва. — 'Как только Аллах терпит подобные несуразные создания?'- мрачно подумал купец, но вслух произнес:

— Тебе-то что?

— Да, вот, свои услуги по охране предложить хочу...

Смеялся Адиль долго и со вкусом.

— Мальчик, ты-то хоть с какой стороны за меч хвататься знаешь?

Парень пожал плечами, не став настаивать.

— Лично против тебя я ничего не имею. — Примирительно произнес купец. — Просто у нас уже был наемник не нашего роду- племени. Ох, и намучились мы с ним.

— Да? — Удивился парень. — А что с ним не так?

— Ну, воин-то он был хороший, сильный, выносливый, но дураааак. — Вздохнул купец. Парень нахмурился, словно в голову его пришла неожиданная мысль.

— А как он выглядел? — Парень почесал застарелую полоску шрама на щеке.

— Светлый, высокий... — задумался купец. — И, вообще, что это я тут перед тобой отчитываюсь. — Спыхватился он. — Ты меч-то хоть умеешь в руках держать?

— А как же... Может, диплом посмотреть хотите?

— Грамотный никак?

— Диплом выпускника Цяньшань. — С нажимом повторил парень. Купец удивленно прищурился. Военная Академия Цяньшань находилась на востоке, но слава о ней гремела на весь мир. Набирали в нее детей лет с шести и обучали десять лет. Выпускники поступали в охрану, разведку, военные отряды и прочие военизированные структуры нескольких сопредельных государств. Еще их охотно нанимали в личные телохранители, или в учителя своим отпрыскам. Один выпускник Академии стоил отряда обычных солдат, так что без работы выпускники, как правило, не сидели, ибо оплачивались их услуги соответственно.

Купец присмотрелся повнимательнее. На парне был ватный потрепанный халат, под которым виднелась некогда расшитая яркими птицами рубаха. Со временем вышивка здорово поблекла, но и сейчас было видно, что шила женщина с любовью и старательно. Рукава были прихвачены широкими наручами, чтобы ничего не мешало в бою. Повязка невнятного цвета, надвинутая на самые брови, реденькие, рыжего цвета, из-под которых с ехидным прищуром смотрели серые глаза в обрамлении коротких, словно опаленных ресниц. Лицо обветренное, немного приплюснутое, словно недавно встретилось со сковородкой, но не сильно, на щеке застарелая полоска шрама, нос маленький и в целом милостивый, в общем, противное лицо неверного.

— Ну, давай, посмотрю грамотку. — В целом, удовлетворившись осмотром, произнес

купец. — Хотя тот мне тоже грамоткой потрясал. — Буркнул купец себе под нос. Парень опять почесал шрам, но ничего не произнес.

Диплом был подлинный, печать ярко светила красным цветом, слабо светясь в полумраке постоянного двора. Так, так, диплом получил почти год назад, обучался почти два года. В этой Академии ужасно сложно считали время, и не всегда было понятно года это или месяцы, или же дни. Но Адиль научился разбирать эти каракули, чем несказанно гордился.

— Два года? Всего? — Вслух удивился Адиль, невольно поглаживая печать. В его руках лежало то, что мечтал хотя бы подержать в руках любой мальчишка, а уж тем более муж. Подлинный диплом Цяньшань.

— Так получилось. — Виновато пожал плечами парень. Купец и не настаивал. Порядки Академии не обсуждаются. Два года, так два. Им виднее. Тем более что послужной список внушал уважение.

— Имя почему написано иероглифами?

— А чем еще писать-то? Академия же в Царстве находится.

Купец вернул свиток.

— Годится. Как звать-то нормально?

— Ша.

— И все?

— Этого достаточно. — Твердо ответил парень.

— А в Академии как звали? — Не отставал дотошный купец.

— Ша и звали. — После некоторой заминки ответил охранник. Адиль поморщился. Как правило, прозвища давались по наиболее характерной черте характера, но и здесь его постигла неудача в попытке узнать больше о новом охраннике.

— Ладно, змееныш, иди к обозу. Пока в конце пристроишься. — Адиль вернулся к недопитому пиву. Что-то его смущало в новом охраннике. Но диплом был подлинный. Купец еще раз глянул вслед парню. Тот, чуть прихрамывая, потянул на себя тяжелую дверь.

— Стой! — Озарение посетило купца внезапно. Парень не высказывая удивления, послушно повернулся. — Покажи мне татуировку.

— Вы же знаете, что выпускникам дают дипломы. Вот он. Нет необходимости в татуировках. — Он опять поскреб щеку. Странно, шрам давно уже зарубцевался и никак не должен был беспокоить.

— Это так, но лучшим татуировки продолжают ставить. После экзамена.

— Что ж, вы хорошо осведомлены о традициях Академии. Интересно, откуда. — Ответил колкостью на колкость наемник, сбрасывая халат и закатывая широкий рукав. Причем вначале пришлось избавиться от наруча, держащего рукав на левой руке. Купцу показалось, что проще было бы распустить шнуровку на горловине и обнажить плечо так. Татуировка уже зажила, не смотря на недолгое время, черный меч вверх двух раскиданных палочек в разные стороны. Надо же такой молодой, а уже мастер меча.

— Чего хромаешь? — Уже дружелюбнее поинтересовался Адиль, чьи черные подозрения не оправдались.

— Ногу, кажется, подвернул. Я пойду? — Вновь запаковался в одежду парень. — И, кстати, Ша — это не змееныш- это «дурак».

Ему очень понравилось выражение лица Адила, перед тем как его скрыло захлопнувшейся дверью.

ГЛАВА 1. ХРАМ СЫЧАНШАНЬ

Честно, это был не лучший день в моей жизни. Как всегда, не было ни денег, ни какого-либо занятия, для сравнительно честного заработка этих денег. Но я не унывала, и моя лошадь уверенно брела по бездорожью вперед, — в светлое будущее...

Опадали листья, устилая еще зеленую траву, живописным ковром, мелкий осенний дождичек добавлял заряд хорошего оптимизма, и желания этим самым оптимизмом поделиться с окружающими, желательно в оптимистичной матерной форме. Правда, вот с окружающими мне не везло, за последние сутки путешествия по Зеленому Лесу, отделяющему дорогу к Дельгскому храму Сычаншань, что значит «Храм на западной горе», близ города Далун, мне не встретилось ни одной более-менее пристойной физиономии. Действительно, не считать же таковой парочку крестьянок с хворостом, пару высокомерных господ, не пожелавших со мною общаться, да мужика с топором, с которым на этот раз не пожелала общаться я.

Лошадь тихо ступала по опавшим желто-красным листьям. Я мирно покачивалась в седле, намотав поводья на луку седла, и умиротворенно слушала пение птичек, журчание водопада, одной из достопримечательностей храма, звон мечей и чьи-то вопли. Стоп... Похоже на битву. Я же воин, демоны меня раздери, по крайней мере, собираюсь стать им и как минимум прославиться и разбогатеть! Надо посмотреть на это и, может быть даже поучаствовать. Но для начала я решила не бросаться в самую гущу драки, как, несомненно, сделала бы еще неделю назад, а тихо и мирно понаблюдать из кустов, чтобы по крайней мере, определить, кому помогать...

Свое средство передвижений я оставила за выступом водопада и подобралась к месту событий с пустыми руками, оружия на тот момент у меня еще не было.

Моему взору предстала удивительная картина. Живописная парочка отмахивалась плечом к плечу от семерых ребят, несмотря на жару одетых в теплые стеганные халаты. И что самое удивительное, эти двое побеждали! Один из них- благообразный старец с черными, как смоль волосами, и явно солидными годами за плечами, ловко орудовал тяжеленным посохом чань-бо. Его более чем молодой помощник из-за спины наставника ловко тыкал копьем. Оригинальная манера ведения боя, что и говорить. Я уже собиралась, было, с воплем появиться из-за кустов и нагло примазаться к славе победителей, как чей-то меч, отлетев в мою сторону, пригвоздил мне юбку к земле, так, что я уже красочно представила отрезанную ногу и лужи крови, и уж определенно почувствовала холод стали возле колена. У меня богатое воображение, что и говорить.

Пятясь назад, я кое-как выбралась с обратной стороны кустов, исключительно с тем, чтобы попасть в объятия того самого старца.

— Ой, кого это я нашел! Дева, что делаете вы в столь неурочный час, одна и... — Он запнулся, внимательно рассматривая мое лицо.

— С таким лицом мне не нужна охрана. Верно? — Зло спросила я его.

— Я собирался сказать совсем не это. — Смутился старец. — В этих краях редко можно встретить лисицу.

После этих слов я, подхватив юбки, сделала попытку сбежать. Именно что сделала. Не понимаю, как, но моя юбка оказалась намотана на кулак старца.

— Ну, куда же ты, лисонька. — Он усмехнулся как-то беззлобно, напомнив мне этим моего дедушку. И неожиданно для себя самой я перестала вырываться.

— Учитель, кто здесь? — С другой стороны кустов показалась чумазая мордашка пацаненка. Его глазки-щелочки лучились любопытством, а четные волосы топорщились в разные стороны, и я с удивлением узнала в нем того самого парнишку с копьем.

— Ты убрал за собой? — Строго обратился к нему старец.

— Разумеется, учитель. Все в порядке. — Закивал он. — А, кого это вы держите?

— А, это наша гостья. Ее зовут...

— Ша. — Закончился я за него.

Парнишка захихикал:

— Ой, вот умора, вот прямо так тебя и зовут? Вот, в самом деле? Ты не шутишь? Тебя, наверное, очень не любили родители. — С сочувствием закончил он.

— А ты и, правда, учишься в самом Сычаншане? — Я с удивлением рассматривала этого пацаненка. Он же такой маленький.

— Конечно! Кстати, меня зовут Хао. — Он степенно, как взрослый протянул мне ладошку, которую я серьезно пожалала. — А это мой учитель, Сунлинь. Хотя, вы уже, наверное, знакомы. — Неожиданно смутился он, глядя на усмехнувшегося старца.

— Ну, что ж, раз уж мы все тут знакомы, тогда я предлагаю пройти в нашу скромную обитель. — Серьезно произнес Сунлинь, крепко держа меня за руку, и тем самым не оставляя никакого выбора.

У учителя Сунлиня была богатая келья, состоящая из череды просторных комнат, зала для тренировок и медитаций. И даже клетушка Хао, куда я, признаюсь в праздном любопытстве, заглянула, была обставлена с удобством.

— У нас не бедный храм. — Признался Сунлинь, самолично наливая мне чашку прозрачного чая.

— А вы берете учеников? — Наконец решилась спросить я, грея руки об чашку. Чай оказался так себе, жиденько заваренным.

Старец тяжело вздохнул.

— Понимаешь, Ша, у нас вообще-то мужской храм. И все послушники мужчины. И боюсь, что смирать плоть здесь могут далеко не все.

Я погрустнела, и, кажется, не смогла скрыть свою грусть.

— Впрочем, издавека ты вполне похожа на мальчика. А мой ученик умеет держать язык за зубами, ведь так, Хао?

Тот усиленно закивал, явно предчувствуя приключение.

— Пожалуй, пожалуй, из этого мог бы получиться неплохой эксперимент. — Задумчиво протянул старец. Оглаживая гладкий подбородок.

— Что я должна буду делать? — Спросила я, ставя чашку с недопитым чаем на столик.

— Ты умеешь смотреть в корень. — Одобрительно усмехнулся Сунлинь. Он помолчал, потом тяжело вздохнул и продолжил. — Хао, мальчик, мой, тебя бы не сильно затруднило принести из подвала курицу? Я задумал на ужин курицу в кисло-сладком соусе, и надо бы начать подготовку.

Хао поднялся, усердно кивая. Мне показалось, что он даже ничего не понял.

— Я смотрю, вы здесь еще и не голодаете. — Заметила я.

— У нас не типичный храм. Мы действительно не голодаем, не смиряем плоть и не бьем своих учеников. Но слава наша не гремит на всю страну, в отличие от той же Цяньшань. Иногда я думаю, что нашим ученикам не помешают палки. — Снова вздохнул старец и, почесав подбородок, продолжил:— Так, вот, я предлагаю тебе сделку. Еще давно, когда я был молод и красив, я начал писать трактат про хули, но большую его часть составляют легенды. А кто же может рассказать про оборотня, лучше него самого?

— Мастер, — осторожно начала я. — Боюсь, вы ошибаетесь.

Сунлинь вскочил, вытаращив глаза.

— Как? Нет! Не может этого быть! — Он протянул руки, торопливо ощупывая мою голову. — Все пятнадцать признаков присутствуют. Я не мог ошибиться. Уши. Покажи мне уши.

Взгляд его стал полубезумным, и это еще больше усилило его сходство с дедушкой, когда он был чем-то крайне увлечен. Я покорно убрала волосы за уши, позволив длинным, узловатым пальцам вцепиться в мои уши.

— Ты обманываешь меня. — Наконец изрек он. — Ты- хули. Самая настоящая.

— После рождения дочери я ни разу не смогла обернуться. — Стыдливо призналась я. — Моя Мэйли родилась мертвой.

Сунлинь вновь сел, подперев подбородок кулаком, и задумался.

— Возможно, ты растратила всю энергию. — Наконец произнес он. — Я все же предлагаю тебе сделку. Ты обучаешься у меня. Но три часа в день мы будем тратить на медитации. И тогда я смогу дописать свой трактат.

Перед таким выбором я не смогла устоять. Так я стала учеником Сунлиня.

Вечер мы провели в тесном, почти семейном кругу. Учитель сам взялся готовить курицу, впрочем, ощипывал, разделывал на куски и мариновал ее Хао. Меня к готовке не подпустили вообще, посоветовав пока разобраться с одеждой. А сам учитель лишь бросил в самом конце в сковороду горсть приправ, и с гордостью заметил, что сегодня блюдо у него вышло как никогда вкусным. Хао понимающе усмехнулся. А я промолчала.

Рис Хао варил самостоятельно, а пресные лепешки вообще принес с кухни.

— В целом неплохо. — Критически оглядел меня с ног до головы Сунлинь. К ужину я вышла в полотняных мешковатых штанах и свободной рубаше. Видавшие виды сапоги мои, учитель посоветовал спрятать подальше и непонятно откуда достал мягкие тапки.

С лошадью я простилась. Оказалось, что конюшни в храме нет, и ученикам не полагается иметь собственных лошадей. А потому мне пришлось оставить ее в ближайшей деревне. Прощание с ней вышло скомканным. Признаться, я никогда не была для нее хорошей хозяйкой, но при расставании испытала странное сожаление. Сама лошадь, впрочем, не выглядела несчастной, она спокойно потянулась губами к присоленной лепешке и позволила себя увести.

После плотного ужина мы еще долго сидели, ведя отвлеченные разговоры, но учитель больше спрашивал, Хао болтал без умолку, а я же, напротив, старалась взвешивать каждое свое слово.

— Что есть удар двумя ладонями? — Спросил Сунлинь.

— Это легко. — Наконец ответила я, когда повисло молчание. — Это хлопок.

— А что тогда хлопок одной ладонью? — Ехидно ухмыльнулся старец.

— Пощечина. — Пожала плечами я. Все равно ответа на этот вопрос не существовало. А меня уже приняли в ученики, и терять мне было нечего.

— Что есть каждый момент жизни? — Задумчиво спросил учитель.

— Это то, что содержит сам себя и неподвижен? — Уточнил Хао.

Я почувствовала, что схожу с ума. Все, что было мне привычно с детства, вдруг перевернулось, а слова потеряли свое первоначальное значение.

— Прошлое находится в прошлом и не проистекает из настоящего. — Зачем-то сказала я.

— Допустим? — Поощрительно улыбнулся учитель, наливая себе еще чая.

— Настоящее находится в настоящем и не проистекает из прошлого. — Добавила я.

Учитель хлопнул одной ладонью по столу и выплеснул на меня чай.

Стало холодно и липко.

— Ты еще не достиг сатори, Ша. — Учитель поставил на столик опустевшую чашку. — Но глина податлива. И время еще есть.

После он положил передо мной три кривые ветки, цветок, розовую ленту и колючку. Я отодвинулась, чтобы чай, стекающий с моих волос, не накапал на них.

— Тебе надо составить из этого праздничный букет. — Произнес старец, поднимаясь, и разминая затекшие ноги. — Иди, Хао. У тебя вечерняя медитация. Надеюсь, ты будешь занят делом, а не уснешь, подобно никчемной песчаной крысе. — Он осуждающе покачал головой, а я же неожиданно задумалась не о своем задании, а о том, кто такая песчаная крыса.

Учитель ушел, ушел и Хао, на прощание ободряюще подмигнувший мне, я же осталась сидеть перед грязным столиком, созерцая выданные мне предметы и думая о крысах. Сунлинь не сказал, сколько у меня времени, но я думала, что не очень много. Меж тем, приложив к веткам цветок, я пришла к выводу, что это хорошо, но колючка и лента здесь были явно лишними. Да и поставить этот букет мне было некуда.

Недолго думая, я воткнула получившуюся композицию в грязную чашку из-под чая. Та подумала немного и перевернулась под тяжестью получившейся композиции. Пришлось ее подпереть другой чашкой, и для верности сковородой. Колючку я выбросила, а лентой помыла стол.

— Я вижу, ты не справился с заданием. — Тихо произнес учитель, неслышно возникая за моим плечом. От неожиданности я вздрогнула.

Старец отодвинул одну чашку, и вся композиция некрасиво упала на стол.

— Учись видеть сердцем. — Покачал он головой. — В твоей комнате есть ведро воды. Тебе сейчас лучше умыться и лечь спать.

Учитель сгрэб все в охапку и выбросил за дверь. Там раздался чей-то возмущенный вопль, но Сунлинь даже не поморщился.

Я посчитала за лучшее удалиться.

Ночью, стоило мне только закрыть глаза, как моего плеча коснулась чья-то рука.

— Вставай. У нас мало времени. — Учитель только и позволил мне надеть штаны и тапки, сразу же велел следовать за собой.

В зале медитаций было темно и прохладно. Впрочем, мне почти сразу стало жарко. Учитель гонял меня немилосердно, заставляя то застыть в непонятных позах, то быстро перемещаться, выжимая из моего негибкого тела невозможное.

— Расслабься! — Требовал Сунлинь, заставив меня балансировать на одной ноге, задрвав вторую под потолок. — А теперь перемести центр тяжести в дань-тянь.

Я сопела, даже не пытаясь представить себе этот загадочный дань-тянь.

— Ты даже не стараешься! — Учитель подтянул мою ногу повыше, не обращая внимания на мои возмущенные пiski. — Перемещай, перемещай, Ша! Ты и впрямь полный ша.

Менялись позы, менялись задания, менялись обидные прозвища. Впрочем, этого добра за свою жизнь я уже наслушалась изрядное количество.

— Вот, послушай, — учитель, прошелестел бумагами, пока я старательно тянула руки в стороны, наклонив корпус вперед, — девятихвостая лиса, живет она тысячу лет, и лишь после этого обретает способность становиться человеком. Существо это приносит несчастья, а каждая часть его тела способно творить чудеса. Ударом одного из хвостов по земле, способно оно вызвать пожар, а также, хули способна предсказывать будущее. Ты чувствуешь в себе эти способности? — Сунлинь строго посмотрел мне в лицо. Правда для этого ему пришлось наклониться и пролезть под мои сцепленные в замок руки.

— Увы, учитель, я плохая лиса. Родилась сразу человеком. — Как можно более скорбно произнесла я, между вздохами. — И мать моя родилась человеком. И ее мать.

— Хм... или вот еще, — Старец вновь принял благообразную позу, и зашелестел бумагами, — Лиса находит удовлетворение в мелких хитростях и бурях. Хотя это ты как женщина и так должна любить. — Он хмыкнул и перевернул страницу. — Отличить лису в человеческом обличье можно по хвосту. — Он поднял указательный палец вверх и строго им погрозил, после чего хлопнул меня по заду, поправляя. — Плохая ты хули, плохая.

Я согласно дышала, не пытаясь отвечать, из страха потерять равновесие и рухнуть на пол лицом вниз. Учитель же ходил кругами и продолжал зачитывать особо полюбившиеся места из трактата.

— Как думаешь, стоит ли писать, что тысячелетняя лиса обретает способность общаться с Небесами? — Задумчиво спросил мою склоненную спину старец. — Стоит, не буду вымарывать. А более молодая лиса лишь способна узнавать, что творится в тысячи ли от нее. Да, это, пожалуй, тоже важно.

И, только когда забрезжил рассвет, учитель отпустил меня. Я провалилась в пустоту без сна.

Утром нас с Хао ждал плотный завтрак и отработка в большом зале малых форм, это когда ты плавно перемещаешь свое неуклюжее тело в пространстве, периодически замирая в неудобных позах. Дедушка тоже очень любил гонять своих учеников подобным образом. Мне показалось, что мальчик тоже не выспался, но он держался молодцом, и я старалась не отставать.

Обед мы встретили, натирая полы в общем обеденном зале. Мимо наших склонившихся фигур слонялись другие ученики, с полными тарелками, и совершенно не замечали нас. Так, что мне под конец начало казаться, что я не существую, являясь посланником мира духов, чья чаша грехов так расстроила Владыку Подземного Царства Янь Ло, что он отправил нерадивого слугу отрабатывать карму для нового перерождения в мир людей.

— Не переживай, — тихо прошептал мне Хао, — это только поначалу тяжело. Потом тебе даже понравится.

Я только вздохнула, с усердием возя тряпкой по грязному полу. И, занятию этому не было конца, потому что по свежепомытой части шли новые и новые послушники в грязных

сандалиях.

Перед моим внутренним взором плясал кувшин с водой. Почему-то он никак не хотел стоять неподвижно, как полагается добропорядочному сосуду. Он приплясывал, подпрыгивал, и даже подмигивал выщербленным краем.

Весь вечер я провела, бездумно вглядываясь в его материального коллегу, сидя на полу в зале для медитаций, и постаравшись освободить свои мысли от всего земного.

— Если ты вдруг на улице встретишь Будду, то ты сможешь пройти молча, и не сможешь ни о чем спросить его ни о чем, что ты сделаешь в такой ситуации? — Спросил меня учитель, неслышно входя в комнату, где я тщетно пыталась заснуть.

— Ударю его. — Мрачно пробормотала я, и сжалась, застыдившись своей дерзости.

— Спи, грозный воин. — Учитель, усмехнувшись, ушел. А я легко провалилась в сон.

В эту ночь я прекрасно выпалась. А на рассвете меня разбудил учитель вопросом:

— Бери лопатку и следуй за мной.

— Я... — Я смущенно потупилась. — Учитель, я потеряла ее

Тот с размаху сел на мою разобранную постель, после чего сам какое-то время сосредоточенно созерцал стену, а после спросил:

— Ты потеряла человеческую лопатку, ту самую, что надо положить себе на голову в момент превращения? Вот просто так взяла и потеряла?

Его голос звучал ровно, но тем острее чувствовалась моя никчемность. Ответа у меня не было, и я просто кивнула. В ту ночь я много чего потеряла, и вещевой мешок, где и лежала злополучный кусок кости, на тот момент мне казался не самой суровой потерей.

— Ты очень плохая хули, просто ужасная. — Заключил учитель. — Собирайся. Мы идем на кладбище.

Рассвет только занимался, край неба уже покраснел, но все остальное было еще черным. Идти до кладбища оказалось недалеко. Я, молча и, по возможности, бесшумно шла следом за учителем. Почему-то мне казалась плохой идея раскапывать чью-нибудь могилу и отрывать у покойника лопатку. Ко всему прочему я забыла сообщить учителю маленький нюанс, надеясь, что он сам вспомнит. Ведь я была женщиной, а значит и лопатка должна быть женской. И вряд ли на кладбище при мужском храме были захоронены женщины.

На кладбище было тихо и свежо. Могилы безмолвно стояли ровными рядами. Учитель неспешно шел между холмиков, изредка постукивая лопатой по особо понравившимся надгробиям.

— Ходят, тут, ходят, — из-под одного надгробия на четвереньках выполз мужичок, в надетом наизнанку ватном халате, — спать не дают честным могильщикам. — Он шумнодохнул перегаром.

— Ой. — Тихо произнесла я.

— Чего ищите-то? — Подозрительно спросил мужичок, смачно почесываясь. — Может, я знаю?

Учитель не удостоил его ответа, продолжая двигаться вперед. Но тот оказался настойчивым и схватил меня за край штанов, продолжив тащиться следом за нами.

— Учитель! — Тихо позвала я.

— Ты должен быть быстр и текуч. И решать свои проблемы сам. — Не оборачиваясь, ответил мне Сунлинь.

— Понимаете, уважаемый... — Начала я, старательно импровизируя.

— Ма. — Услужливо подсказал мне пьяница.

— Понимаете, уважаемы Ма, — послушно повторила я. — Дело в том, что у нас сегодня намечается практическое занятие по откапыванию из могилы. Сейчас меня закопают, а я должен буду сам выбраться.

Мужчинка от удивления выпустил край моих порток.

— Совсем озверели. — Потряс он головой. — Дите живьем закапывать. А ну как не сможет? — Обратился он к учителю.

— Ну, значит, освободится место для нового. — Не соизволил повернуться к собеседнику учитель. — И я тут подумал, что выбираться из могилы одному слишком просто. Надо бы двоих сразу закопать, чтобы мешали друг другу и панику наводили.

Пьяница икнул.

— А не знаете ли, уважаемый...

— Ма. — Вновь услужливо подсказал мужичок, но учитель не обратил на это внимания.

— Нет ли тут женской могилы? Не хочу осквернять кости собратьев. — Он обернулся к мужичку, строго глянув на него, и вдохновенно помахал лопатой.

— Не было тут женщин. Еще чего, бабье разводить в благословенных стенах храма. — Досадливо замотал головой пьяница, почесывая покрытую струпьями голову. — Не было, и нет.

— Жаль, жаль. — С искренним сожалением признал учитель. — Тогда, раз уж вы сами предлагали нам помощь, то не согласитесь ли быть закопанным вместе с моим учеником в одной могиле? Подскажите нам самую свежую. Обязуюсь самостоятельно испросить разрешения у Духов Предков, и вымолить у них потом прощения для всех нас.

— К сожалению, сегодня не могу. — Сделал шаг назад мужичок, судорожными движениями оглаживая свой халат. — Сегодня я обещался быть в другом месте. Если уважаемый, шифу, простит меня, то я завтра непременно обязуюсь быть.

— Боюсь, завтра будет поздно. Братья мои могут придумать другие испытания для ученика, да и сам мой ученик может не дожить до завтра. — Учитель остановился, воткнув лопату рядом с собой.

— Но я сегодня и впрямь не могу. — Задрожал пьяница. — Это же такое ответственное испытание, никак нельзя на трезвую голову... То есть я хотел сказать, надо медитировать ночь... или даже две... — С каждым словом он делал по маленькому шагочку назад, а потом и вовсе развернулся и убежал.

— Испытание отменяется, да, учитель? — Спросила я.

— Нет. — Покачал головой Сунлинь. — Мы пойдем на деревенское кладбище. Здесь и впрямь нечего искать.

Старец рывком выдернул лопату и, взвалив ее на плечо, пошел в другом направлении. Я постаралась не отставать.

— Учитель, а ничего, что уже давно рассвело? — Робко спросила я, когда мы уже почти дошли до деревни. Сунлинь резко остановился.

— Да, пожалуй, ученик, ты прав. Уже наступило время завтрака. А я проголодался. — С этими словами учитель вручил мне лопату и, напевая веселую песенку про Ма и гусей, вприпрыжку повернул обратно.

Лопата оказалась неожиданно тяжелая и неудобная. Закинутая на плечо, она преобильно была по нему, а в руке нести было неудобно из-за длины. Когда вдали показался храм, я вздохнула с облегчением.

Сегодня мы завтракали в общей зале. Нам всем раздали по куску окаменелой лепешки и миски горячего варева. Глядя по сторонам, я обнаружила, что остальные ученики размачивают лепешку в горячем и едят. Последовав их примеру, я с аппетитом умяла свою порцию.

После завтрака мы с Хао уселись в зале для медитаций, где я, делая вид, что представляю себе давешний кувшин, прекрасно выпалась за раннее пробуждение. Мальчишка, по-моему, занимался тем же.

А потом нас разбудил учитель, и заставил отрабатывать учебные бои в паре. И я резко поняла, что все, что я умела до этого, ничтожно по сравнению с тем, что умеет Хао. Если бы мы бились в полную силу, а не деревянными палками, я давно была бы мертва.

— В каждом человеке есть частица Будды. — Задумчиво произнес учитель, похлопывая палкой по раскрытой ладони. Я, согнувшись и уперевшись руками в колени, пыталась отдышаться и утереть разбитый нос. Штаны после поединка были щедро залиты моей кровью. Но признать мое лицо и без того было разбито, и только-только стало заживать.

— Правильное пробуждение должно идти от сердца к сердцу. — Учитель, резко выбросил палку в мою сторону. Я отшатнулась, но недостаточно быстро, и палка ощутимо шоркнула по бедру.

— Смотри в свою природу. Не опирайся на знаки. — Палка вновь прошла по моим бедрам. Впрочем, на сей раз я почти успела отшатнуться, потому что была готова. Я молчала, тяжело дыша.

— Отличить истину от заблуждений во всех случаях может лишь человек. — Учитель вновь замахнулся, но палка так и не опустилась, хотя на сей раз, я могла увернуться.

— Что-то я устал. — Сунлинь тяжело оперся на палку, отходя. — Пришла пора отдохнуть и подреветься. — Он шаркающей походкой направился к выходу из зала. Я не веря, что мои мучения на сегодня закончились, смотрела ему вслед. — Интересно, что же сегодня у нас на обед? — С этими словами мне в бедро врезалась палка.

На обед я вползла, сияя распухшим лицом, и хромя на обе ноги. Впрочем, оглядевшись по сторонам, я заметила, что многие ученики могут сегодня похвастаться следами внимания наставников. На обед была похлебка с редькой, настолько жидкая, что ее пришлось пить через край. И не смотря на то, что обед закончился, в моем животе по-прежнему урчало.

После обеда опять следовала медитация. Но поспать на сей раз, не удалось. Сунлинь ходил по залу, неслышным, крадущимся шагом, отчего каждое его появление в поле зрения сбивало мою внутреннюю настройку.

— Однажды к учителю Наньину пришел правитель, пожелавший учиться мудрости. — Голос старца завораживал, но медитации это не способствовало. Треклятый кувшин никак не хотел стоять перед моим внутренним взором. — Учитель Наньин предложил правителю разделить трапезу с ним и выпить чаю, но наливая чай, он налил его доверху и продолжал лить дальше...

Все истории, призванные научить нас мудрости, учитель излагал таким нудным тоном, что лично я не могла насладиться их мудростью. Меня неудержимо клонило в сон, но пока еще поза для медитации казалась мне неудобной. Хао, казалось, спал, не смотря на неудобство. И мне казалось, что еще пара дней, и я последую его примеру.

— Где бы вы ни находились, сохраняйте умственный покой и ни к чему не стремитесь. — Учитель Сунлинь пошел на очередной круг, проходя мимо Хао, он толкнул его рукой, и мальчишка неловко завалился на бок, впрочем, он тут же встрепенулся и изобразил на лице почтительное почитание. Но Сунлиня это не впечатлило. Он покачал головой и продолжил свое движение. — Подобно каменному утесу, даже в самую страшную бурю оставайтесь непреклонны. Отбросив все эгоистичные мысли и чувства... — голос Сунлиня зазвучал из другого конца зала. — Нет рождения, нет признаков, нет привязанности, нет огорчения...

Проснулась я, лежа на полу. Надо мной склонился Сунлинь. Он укоризненно качал головой, но глаза были подозрительно довольны.

— Стемнело. — Произнес учитель. Я торопливо встала с пола, судорожными движениями разглаживая мятую рубаху. — Медитирующий должен исчезнуть в медитации. — Туманно добавил учитель. — Тогда это будет правильная медитация. Идем.

И мы пошли. Идти пришлось уже по уже исследованному маршруту, но лопату на сей раз несла я сама. Попробовав нести ее и так, и сяк, я закинула ее на плечо, подложив снизу свернутую в несколько раз рубаху. Это оказалось самым удобным вариантом. Учитель хмыкнул, но ничего не сказал, позволив мне набивать шишки самостоятельно.

Мы как-то слишком быстро пришли, я бы еще с удовольствием погуляла. Как-то я была не готова морально рыться в чьей-то могиле, тем более разбирать кости, в поисках лопатки. Моя предыдущая передавалась из поколения в поколение, пока я ее не потеряла. Сейчас я была близка к тому, чтобы начать скорбеть по этому поводу.

— Думаю, эта подойдет. — Кивнул мне учитель на какой-то бугорок. — Начинай.

— Здесь? Учитель, а вы уверены? — Несмотря на сомнения, я все же пару раз ударила лопатой. Сунлинь, не снисходя до ответа, молча, кивнул.

Копалось тяжело, сверху растения создали целую сеть корней, через которые приходилось прорубаться, прилагая нечеловеческие усилия. Наконец мне удалось углубиться в грунт и дело пошло легче.

Взошла луна, а моя рубаха давно уже прилипла к телу. И даже поднявшийся ветерок никак не помогал делу. Учитель, удобно устроился на камушке и, достав вяленую рыбешку, с одобрением наблюдал за углубляющейся ямой.

— Оооох. Грехи мои тяжкие. — Со стороны поля показалась какая-то скрюченная фигура. Когда существо подползло ближе, стало видно, что это мужчина обросшей наружности, одетый в живописные лохмотья, и путешествующий на четвереньках, волоча за собой тыкву-бутылку. — Вот надо ж было мне вчера так ужраться. — Мужичок, цепляясь на кучу выкопанной земли, поднялся на нетвердые ноги. — Аж, мракобесы мерещатся. Этот эликсир бессмертия никуда не годится.

Я постаралась слиться с кучей земли. Обернувшись в сторону, где сидел учитель, я с удивлением обнаружила, что там никого нет.

— И дернули же меня мракобесы испытать киноварные пилюли на себе. А что же еще мне оставалось делать? — Даос, по всей видимости, это был именно он, сорвав пробку с тыквы, с жадностью припал к горлышку. — Ух, хорошо. Искусство лянъяо- не такое-то простое. — Мужичок строго погрозил куче земли, но не удержался на ногах и упал, поливая себя из бутылки. — Фалунь крутится, а пилюля все не готова. Еще и настойку пролил. —

Даос грустно потряс бутылку, из которой выкатилась пара капель, тут же пойманных им на язык.

— Уважаемый, я могу вам помочь? — Я аккуратно выбралась из раскопанной ямы, подумав, что даос, судя по всему, обосновался здесь надолго. Мужчина подпрыгнул, отшвырнул от себя тыкву, чудом не попав мне в голову.

— Оборотень! — Он, заправив ловким движением, подол халата за пояс, подхватил какую-то палку и, ловко раскручивая ее над головой, пошел на меня.

Признаться, я струхнула, но поудобнее перехватила лопату, занимая оборонительную позицию.

— Что ты здесь делаешь? Среди честных людей, лисица? — Грозно спросил даос, сразу же перестав казаться смешным и неуклюжим.

— Не бейте меня дяденька. — Вскричала я, не опуская лопаты. — Вы ошиблись. Я всего лишь ученик.

— Ха-ха-ха! Не морочь мне голову, оборотень. Ты бы еще прикинулась прекрасной девой. Обмануть меня, создателя золотой киновари, вздумала? Не бывать тому. Фен бдит. Нет места лисам под небом нашей необъятной страны. И баб туда же!

— Я вижу, вы не готовы прислушиваться к голосу разума. — Мне пришлось тоже пару раз угрожающе крутануть лопатой. Пусть узрит, что и я умею драться.

— Убей лису- спаси лес! — Закричал даос, бросаясь на меня, и угрожающе размахивая палкой. Приняв палку на середину черенка лопаты, я приготовилась отбросить нападающего.

Раздался хруст и в моих руках остался черенок от лопаты, основная же часть отлетела в сторону.

— Ха-ха-ха. — Даос опять противно засмеялся, вновь делая шаг на меня. В этот момент мне стало страшно, но мне удалось отбить его очередной удар остатками лопаты. — Вот ты и добегалась, хули.

Внезапно он закатил глаза и рухнул лицом вниз. За спиной мужичка стоял учитель Сунлинь.

— Что ты копаешься. Ищи быстрее свою лопатку, и пойдем отсюда. — Старец отбросил в сторону корягу и подхватил под мышки даоса, оттаскивая его за насыпь.

— Киноварь некачественная. — Пробормотал мужичок, подкладывая ладошки под щеку. — Центр ее почки или нижнее поле пилюли ся дантянь, куда перемещается после рождения, разделившись с индивидуальной природой син.

— Что он говорит? — Шепотом спросила я учителя.

— Копай, не отвлекайся. — Сунлинь бросил мне нижнюю часть лопаты. — Эти даосы все не в себе.

— А как же он узнал, что я... ну, вы понимаете. — Я послушно заработала лопатой, практически сразу же уткнувшись в сверток с телом.

— Святой же. Ему человеческую душу сразу видно. — Пожал плечами старец, помогая мне развернуть подгнившую ткань.

Взяв то, за чем мы собственно и пришли, я попросила прощения у оставшихся костей.

— Глупости, какие. — Пробурчал себе под нос учитель. — Закапывай быстрее. Пока сюда еще не набежали любители лис и молодых дев.

Я с удвоенным энтузиазмом замахала лопатой.

— Иметь великий ум, не значит быть просветленным. — Загадочно произнес учитель,

подталкивая меня в спину. Нести сломанную лопату оказалось еще неудобнее, чем целую. Впрочем, увидев, что я сильно отстаю, учитель забрал у меня одну часть, и идти сразу же стало легче.

— Ходят слухи, что возле храма видели оборотня. — Таинственным шепотом поведал мне Хао во время завтрака.

— Да, ну, это глупости. Оборотни- это сказки. — Как можно равнодушнее произнесла я, заметив, что к нам прислушивается много народа.

— Ничего это не сказки. — Обиженно возразил мальчишка. — Ты-то уж должен знать. — Он обиженно насупился. — Святой Фен видел лису, она прикинулась прекрасной девой и попыталась соблазнить его.

На меня напал истеричный смех. Назвать меня прекрасной девой можно было только с большого перепоя. У меня правда была красивая белая кожа, и ровные зубы, но вот все остальное подкачало, начиная с раскосых глаз, рыжих волос и просто огромных ступней. Так что даос тот большой шутник.

— Оборотни существуют! — Уже чуть не плача вскричал Хао.

Ответом ему послужил уже не только мой смех.

— Конечно, конечно! Ты, только не плачь! — Снисходительно похлопал его по плечу какой-то лысый ученик. — Фен так упился, что видел оборотня и прекрасную деву. Она наверняка до сих пор здесь, среди нас. Я бы был не против, чтобы святая лиса соблазнила меня. — И он, все еще подхихикивая, ушел. Хао сдержал слезы, но так обиженно посмотрел на меня, что я даже на минуту почувствовала себя виноватой.

— Я бы на месте лисы, не стал соблазнять пьяного даоса. — Пробурчала я себе под нос. Послушники, стоявшие рядом, грохнули от смеха, а тем, кто стоял подальше, мои слова пересказали.

Сегодня наконец-то наступило полнолуние. Я тихонько вышла за стену храма, в закуток между кухонной пристройкой и складом. Мои предыдущие вылазки подтвердили полную безлюдность этого места. Но я на всякий случай еще раз все осмотрела. Было прохладно, и раздевшись, я быстро покрылась мурашками.

Чувствуя себя полной дурой, я повернулась спиной к луне, так чтобы передо мной падала моя собственная тень и положила на голову лопатку. Первые поклоны были неудачными. Лопатка лежать на голове никак не хотела. Но постепенно я приноровилась. Конечно, говорить о лисьей грации не приходилось, но лопатка продолжала удерживаться на голове. Когда количество поклонов перевалило за сотню, мне начало казаться, что я занимаюсь полной ерундой, и что со стороны я, наверное, выгляжу как минимум странно, стоя тут голой, с лопаткой на голове и бьющей поклоны.

Неожиданно все подернулось дымкой, мир перевернулся, потом окружающие меня предметы резко увеличились, и воздух наполнили запахи. Все было таким непривычным, и вместе с тем притягательным. Хотелось бегать и вдыхать воздух полной грудью.

Я радостно твякнула, и несколько раз подпрыгнула на одном месте. Это оказались такие прекрасные, хоть и незаслуженно давно позабытые ощущения. Луна наполняла все тело силой, заставляя наслаждаться каждым мгновением. Немного мешала лопатка на голове,

невесть каким образом держащаяся там. Кое-как я дотянулась до нее задней лапой и немного передвинула, чтобы она не загораживала мне обзор.

Немного побегав по двору и пару раз кувыркнувшись, я отправилась исследовать территорию. Было поразительно тихо, словно весь храм враз погрузился в сон. Хотя до этого даже ночью здесь кипела жизнь. Оббежав все по периметру, я вернулась к кухонным постройкам.

Просто одуряющее от сарая пахло куриным пометом, а хлопанье тысячи крыльев для моих ушей было сродни райской музыки.

Не в силах совладать с низменными инстинктами, я лапой приотворила хлипкую дверь. Крайние курицы беспокойно заметались, почуяв древнего врага. В воздухе закружился хоровод из перьев. Очнулась я, когда уже ничего нельзя было исправить. Моя пасть судорожно сжимала очередную задушенную курицу.

— Какая же ты дура. — Сунлинь присел передо мной на корточки. Я пристыжено прижала уши, задней лапой задвигая задушенную курицу себе за спину. — Скажи мне, ты впрямь теряешь весь человеческий разум, или просто сейчас так получилось?

С третьей попытки я скинула лопатку с головы, и смущенно присела, прикрывая грудь рукой. Старец протянул мне мою же рубаху, а я виновато вздохнула.

— Обычно я сохраняю разум. — Я еще раз покаянно вздохнула. — Даже не знаю, что же на меня нашло.

— Тебе надо уходить. Чем быстрее, тем лучше, и желательно в облике лисы. Все же они бегают быстрее. — Учитель поднялся и пошел в сторону своих комнат.

— Может быть, можно как-то все исправить. — Робко последовала я за ним.

— Спрятать куда-то целый сарай задушенных кур? — Сунлинь даже слегка удивился такому бредовому предложению. — Тут кто угодно увидит, последствия игрищ одной глупой лисы. Ко всему прочему ты наделала изрядного шума. Почему ты не наслала сон на храм?

— Я еще не умею. — Пристыжено призналась я, стараясь не отставать от размашистого шага учителя.

— О чем ты думала? — Покачал головой учитель.

Я пристыжено молчала. Ответить мне на это было нечего. Дойдя до наших комнат, Сунлинь шепотом велел мне снова перекидываться в лису. Второй раз все оказалось гораздо проще. И лопатка на голове совершенно не мешалась. Учитель вышел из своей комнаты, неся в руке котомку.

— Надеюсь, я ничего не забыл. — Немного ворчливо произнес он, ловко приделывая ее мне на спину. — Беги как можно быстрее.

Наверное, я все же умела насылать сон, потому что без проблем выбралась из храма. И лишь, отбежав на приличное расстояние, услышала первые признаки начинающейся погони.

Бежать пришлось почти сутки, прежде чем я почувствовала себя более-менее в безопасности. Остановившись возле ручья, я скинула с головы лопатку и облегченно села. В человеческом обличье у меня дрожали ноги. Оказалось, я ужасно устала.

Без сил я упала на траву, и какое-то время бездумно смотрела в небо. Но длительная скорбь не была мне свойственна и как только ноги перестали дрожать, я села, подтянув к себе котомку, собранную учителем. Надо же было проверить, чем я располагаю нынче.

На траву вывалилось пара рубашек и штанов. Отдельно был завернут небольшой сверток

с деньгами. Я прикинула свои финансы — здесь вполне хватит на лошадь. В приподнятом настроении я продолжила разбор сумки. На дне мешка лежали кружевные трусы размера так на четыре больше необходимого. Пара заколок для волос, тяжелых, серебряных с камнями. Покрутив их в руках, и примерив к своим куцым коротким волосам, я решила, что их тоже вполне можно будет продать. И в довершение всего я обнаружила протухшую курицу. Видимо это именно она так воняла всю дорогу.

Выкинув курицу в кусты, я подумала, что ужасно проголодалась. Здесь рядом должна быть деревня. Возможно, там накормят бедную голодную лису. Собирая раскиданные вещи, я подобрала лопатку и аккуратно завернула ее в кружевные трусы. Не выбрасывать же их теперь. Сборы были быстрыми, и вот я уже зашагала к деревне.

ГЛАВА 2. ФРАНКСКИЙ РЫЦАРЬ

Деньги у меня закончились гораздо быстрее, чем я ожидала. И на лошадь мне их естественно не хватило. Впрочем, в той деревне, куда меня вывело чутье, мне удалось купить немного еды. А свободной лошади для меня не нашлось. С лошадьми вообще было туго в это время- все заняты на уборке урожая.

Я нашла приют в доме вдовы на краю деревни, где мне налили парного молока, да дали свежую лепешку за пару мелких монет. Вдова же и рассказала последние сплетни деревни. Что кривую Май взял в жены дурачок Уди, а красавец Линь за невестой едет аж в соседнюю деревню, и что Чжу Юньжан- хороший император, наконец-то навел порядок на дорогах, впрочем, и храма, что не так далеко находится, в том немалая заслуга. Я согласно кивала, опасаясь услышать новость про лис, или еще что такое. Но свежие сплетни до этой деревни не успели добраться, так что я спокойно закупила все необходимое и продолжила свой путь на следующий день, прекрасно выспавшись на сеновале у доброй вдовы.

С каждым днем я удалялась от храма все дальше и дальше на запад.

Вечером я расположилась на ночлег в лесу. Лес, правда, был так себе, редкий, с тонкими кривыми сосенками в подлеске. Далеко от дороги я забирать не стала, отошла так, чтобы меня не было видно, да разбила стоянку за холмом. Лес был коварен, казалось, что он весь просматривается как на ладони, но я знала, что это впечатление обманчиво и неопытный путник легко может здесь заблудиться, буквально, в двух соснах. Чтобы развести бездымный костер пришлось здорово попотеть, недавно прошел дождь и земля отсырела. Все, что я нашла для растопки, было порядком сырое и давало больше дыма, чем огня. Впрочем, мне все же удалось развести небольшое огонь и погреть кусок копченой курицы с пресной лепешкой себе на ужин.

Я держала путь в Ханьдань. По рассказам — это был рай на земле, прекрасный богатый город, утопающий в зелени, окруженный высокой стеной в четыре человеческих роста. Я всерьез рассчитывала найти там работу.

Устроившись поудобнее на куче сосновых веток, я приготовилась соединиться с поздним ужином. Курица издавала просто умопомрачительный аромат. Есть хотелось невыносимо, но вначале я решила пока есть огонь заварить чай. Я положила получившийся бутерброд на сумку и пошла за водой, а когда вернулась, лепешки не было. Вместо нее на меня внимательно смотрела лошадиная морда. Я в упор уставилась на нее, лошадь моргнула, потом подумала и выдала лепешку с противоположного морде конца.

— Эй, ты, что за безобразия! — Возмутилась я, вскакивая. — Ты съела мой ужин! И нагадила! А я тут, между прочим, собиралась спать.

Лошадь виновато вздохнула и потянулась мордой к моей сумке. Я возмущенно стукнула ее по носу.

Из кустов раздался облегченный вздох.

— Я тут собиралась спать. — Раздраженно произнесла я.

— Я убирать. — Произнес мужской голос с сильным акцентом. — Это не она. Это самец. — Зачем-то добавил он. — Следом из кустов показался обладатель голоса. Это был

здоровенный мужик с соломенными волосами. Я впервые видела такого большого человека. Он виновато мне поклонился. — Я убирать мой конь. Ты есть лопата?

Я покачала головой, задумавшись, стоит ли высказывать претензии дальше.

— Своя какашка я тоже убирать. Я не знал ты здесь есть. — Мужик огромным сапогом зачерпнул землю, смущенно пытаюсь прикопать следы своей жизнедеятельности.

— Твой конь съел мой ужин. — Все же высказала я еще одну претензию.

— Я нет денег. — Он опять копнул сапогом. — Работа?

— Нет. Работы для тебя у меня нет. Лопаты тоже нет. Я не ношу с собой лопату. — Я раздраженно принялась складывать вещи. Теперь придется менять место ночевки.

— Я провожать тебя другое место, где нет какашка. — Мужик схватил своего коня под уздцы, поправляя свои доспехи и смачно почесываясь.

— Нет уж. Сама уйду. А ты тут дальше делай лепешки. — Взвалив свою котомку на плечо, я торопливо углубилась в лес. Воду из котелка я раздраженно выплеснула в кусты, а сам котелок закинула в торбу. Сзади меня продолжал идти этот огромный мужик и его конь. И не смотря на свои внушительные габариты, они двигались совершенно бесшумно.

Далеко идти не пришлось. Буквально следующая прогалина меня вполне устроила. Главное на ней не было никаких соблазнительных кустов. Мужик привязал своего коня рядом и принялся рубить ветки сосны. Делал он это весьма ловко. Прикинув его габариты, я пришла к выводу, что рубить ему еще долго, и пошла еще раз за водой. Я вполне могла воду и не выливать, но туда смачно фыркнул конь, и я решила перестраховаться. Огонь никак не хотел разводиться, я уже была близка к отчаянью, когда широкая рука отобрала у меня огниво и ловко высекла искры. Искры упали на тонкие веточки, которые послушно занялись.

— Я помогай. Я Роланд. — Мужчина для убедительности ткнул себя пальцем в грудь.

— Ло Надэ. — Послушно повторила я и представилась в ответ. — Ша.

— Шта? — Удивился мужчина. — Шта, спать тут. — Он кивнул на охапку веток. — Я спать там. — Палец ткнул в охапку напротив, нас разделял костер.

Я подумала и кивнула. Раз уж он испортил мою предыдущую стоянку, то пусть теперь охраняет мой сон. Вряд ли он решит напасть на меня, ибо взять с меня нечего. Надеюсь, он не храпит.

На ужин я решила сварить кашу. У меня оставался еще кусок сала, и была горсть ячменя. Я с сомнением посмотрела на своего спутника. Вряд ли он сможет наесться даже двумя такими котелками, а у меня продуктов наберется хорошо если на один, и то придется щедро долить воды, увеличив объем.

— Он кушать. — Роланд для наглядности ткнул пальцем в коня. Я покачала головой.

— Я путешествую без лошади, у меня нет лошадиного корма. Да и для нас еды очень мало.

Мужчина тяжело вздохнул. Конь тоже всхрапнул и принялся ощипывать ближайшую траву.

Поели мы быстро и жадно, Роланд, не смотря на то, что явно давно голодал, ел аккуратнo, а зачерпывал ложкой только после меня, тщательно пережевывая пищу. Дно котелка показалось слишком быстро, и спать пришлось впроголодь. Снизу каша немного подгорела, и я просто налила немного воды, оставив котелок отмокать до утра.

Уснуть удалось далеко не сразу. Вначале я слушала лес, и меня смущало, что я здесь не одна, хотя мои спутники вели себя очень тихо. Но это продолжалось недолго. Вскоре Роланд уснул и лес наполнился звуками могучего храпа.

С первыми лучами солнца я вскочила. Все тело ломило, а в голове стол туман. Мне случилось и до этого не спать ночь, но впервые этим утром я почувствовала себя настолько плохо. Мелькнула мысль тихо собрать свои вещи и исчезнуть в рассветных лучах. Я обдумала ее со всех сторон. Мысль была чертовски привлекательна.

Я тихо собрала свои вещи. Роланд продолжал спать. Как он с такой звуковой волной до сих пор жив, не представляю. Ведь место нашего ночлега слышно за сотни ли. Конь шумно переступил и фыркнул. Я замерла, как воришка, застигнутый на месте преступления. Вдруг сейчас этот здоровяк проснется, и я не смогу уйти не прощаясь. Минуту я стояла с занесенной ногой, зажмурившись, но мой спутник лишь всхрапнул погромче и перевернулся на бок. Я засобиралась гораздо увереннее.

Подняв с земли котелок, я со злостью зашвырнула его в кусты. Тишина меня в этот момент совершенно не волновала. Остатки каши, которые я вчера поленилась вымыть, были выгрызены, местами вместе с самим котелком. Ко всему прочему, котелок был смят с одной стороны. Я уважительно присмотрелась к копытам коня, представляю, как он ночью пытался такими конечностями придержать маленький котелок. Наверное, ему было очень неудобно доедать кашу. Теперь понятно, что так бухало ночью, а я поленилась встать и проверить, безуспешно пытаясь уснуть. Теперь котелок был безнадежно испорчен и использовать я его больше не смогу. Чертыхнувшись, я тихо зашагала прочь от места ночлега.

Вскоре лес поредел еще сильнее, и я вышла на дорогу. Шагать сразу же стало легче и настроение порядком улучшилось. Вскоре дорога изменилась, из обычной проселочной превратилась в широкую, мощеную камнями с выступами для телег. Дорожный указатель гласил, что это поселок «Хуанлуси». «Горный ручей желтого дракона»- прочитала я. Красивое название, надеюсь, желтый дракон окажется ко мне добр, и я смогу здесь найти работу, выспаться и поесть.

Улицы были вымощены каменными плитами, я старалась ступать осторожно и не сильно вертеть головой по сторонам, выдавая в себе приезжую, но зачастую удержаться было выше моих сил. Дома, украшенные крыльцами с колоннами и гравированными рамами, поразили мое воображение. Для обычного поселка здесь все слишком богато и вычурно. Наверное, ночь в одном из таких гостевых домов будет мне не по карману. Я решила проверить свою догадку и толкнула дверь в одну из таверн. Ручка, за которую я схватилась, была вычурна, с узорами, приятно холодила кожу. Вниз в прохладу подвального помещения вела длинная каменная лестница. Я, придерживаясь рукой за стену, спустилась.

— Соевую простоквашу, господин? — Низенько поклонился мне разносчик.

Я покачала головой. Пробовать местные, наверняка с завышенной ценой, блюда, мне не позволял кошелек.

— Чашку риса с жареным бамбуком. — Уж на это-то мне денег должно хватить. Я уверенно заняла ближайшую скамью, сложив свои пожитки кучкой в ногах. Рис принесли быстро, он был немного недоваренным, но в целом есть можно, а молодые росточки бамбука в остром соусе были и вовсе великолепны.

— Две монеты. — Опять поклонился разносчик. Я бы тоже постоянно кланялась, называя такие грабительские цены. Скрипя зубами, я отдала монеты, в очередной раз дав себе слово, что найду работу в самое ближайшее время.

Задерживаться в таком дорогом заведении я не стала, подхватив свои сумки, вышла вновь на улицу.

Не успела я проморгаться, после темного помещения, как получила приличный толчок в бок. С трудом сохранив равновесие, я схватила торопыгу за рукав.

— И куда мы так спешим? — Иронично поинтересовалась я, приподнимая бровь.

— Беловолосый варвар. Там беловолосый варвар. — Мальчишка, которого я держала за руку, ловко вывернулся и припустил по мостовой, сверкая грязными босыми пятками.

Первым моим желанием было припустить в противоположную сторону, но любопытство пересилило, и я решила взглянуть одним глазком и тут же исчезнуть. Может это и не тот варвар, и вообще...

Портки были великолепны. Тонкого белого сукна, с ручной вышивкой. Они висели на резном балкончике второго этажа. Хозяин, видимо, очень ими гордился, раз вывесил на просушку на всеобщее обозрение. В настоящий момент край этих порток свисал из печальной пасти. Роланд уперевшись сапогами пытался вырвать портки из пасти своего коня, конь же расставаться с такими замечательными вкусными штанами не собирался. Он мотал головой, прятал ушами и переступал ногами, в общем, оказывал всяческое сопротивление. Хозяин штанов шумно негодовал, он вкидывал руки к небесам, сыпал отборной бранью и призывал честных людей в свидетели творящегося безобразия, но сам решительные действия предпринимать не собирался.

— Демон У опять появился на юге города! Люди честные, да, что ж творится-то! — К собравшейся толпе присоединился еще один вестник. Все тут же отвернулись от предыдущего конфликта и уставились на худого мужичонка в драном халате с кучей бородкой. Тот, гордый оказанной ему честью принялся частить:

— Иду, я, значит-ца с утраца в кабак хромого Ма поправить здоровье. Лянка-то моя уж больно сурова. У нее-то утром для поправки здоровья ключевой водицы не допросишься, не то, что чего более полезительного. — Важно начал он рассказывать. Раздались редкие смешки. Его Лянку, по всей видимости, знали хорошо.

— Про демона давай бай. Как ты здоровье поправляешь, нам без надобности. Мы и сами так можем. — Раздались выкрики со всех сторон.

Мужичонка продолжил, ничуть не смутясь:

— Ну, вот, значит-ся иду я к Ма, а тут кап мне на голову, снова кап. Я голову-то поднял, а там демон скалится. И слюна с его пасти на меня стекает, все кап, да кап.

— А ты? — Испуганно выдохнул кто-то в молчаливой толпе. Мужичок приосанился.

— А я что? Заорал и бежать. Демон-то видать не шибко голоден был. Слюни подобрал и там остался. А я убег. Вот. — Мужичок важно приосанился.

Толпа загудела, как растревоженный улей.

— Надо убить демона. — Предположил один голос в толпе.

— Или принести ему жертву. — Не согласился другой.

Рыцарь внимательно слушал выкрики. Основное он явно уловил.

— Я- герой! Я убивать чудище! — Произнес он громко. Конь его судорожно сглотнул, доедая портки.

Я, застонав, спрятала лицо в руках. Он не герой, а лопух. Он просто не знает, что демон не чудовище, и его просто так не убить.

Провожали смелого рыцаря всем поселком, женщины вовсю махали платками, мужчины осторожно складывали пальцы на удачу. Я точно знала, о чем они думали: если приезжай рыцарь и не убьет демона, то демон убьет рыцаря, в любом случае — демон свою жертву получит.

До вечера я усиленно искала работу. Несмотря на то, что поселок был богатый, работы не было. У всех купцов уже была хорошая охрана, и нанимать в нее постороннего человека никто не собирался. Рекомендательных дощечек у меня не было, а говор явственно выдавал уроженца севера, что тоже говорило не в мою пользу. Промучившись какое-то время, я на остатки денег купила пакет зерна и мешочек трав облегчающих боль.

С наступлением сумерек я отправилась в южную часть поселка. Уже издалека было видно мощную одинокую фигуру на коне. Должно быть, ее было видно с любой части города. И такая монументальность засады на демона была выполнена специально, дабы демон ни в коем случае не прошел мимо.

Я тихо села под ближайшим забором. Рыцарь смиренно сидел на коне. Конь ровно стоял, изредка помахивая хвостом. На поселок опустилась ночь. Рыцарь с конем продолжали сидеть и стоять. А вот у меня здорово затекла задница. Я неловко пошевелилась.

— Как ты думаешь, он долго так будет сидеть? — Рядом со мной осторожно покашляли.

Я испуганно вскочила, оглядываясь. Рядом, удобно подложив под голову переднюю лапу вальяжно возлежал демон У.

— Ну, что ты мне весь обзор загородила, женщина! — Недовольно поморщился он, прищелкивая когтями на передней лапе. — Сдвинься. Не загораживай.

Я послушно переместилась в сторону.

— Я спасти тебя, юноша! — Пафосно возвестил рыцарь, разворачивая коня в нашу сторону.

— Ну, вот, — недовольно возвестил демон. — Из-за твоей неуклюжести, я лишился зрелища. — С этими словами демон проворно вскочил и понесся в сторону леса, ловко перебирая тремя конечностями, в четвертой он нес ошипанную курицу, которой до этого ужинал.

— В погоню! — Так же громогласно возвестил рыцарь, вновь разворачивая коня. Мне, пешей, гнаться за ними было тяжело, и я вскоре потеряла их из вида. Мелькнула мысль, что лисой я бы быстро их догнала, благо лопатка по-прежнему лежала в сумке, но, к сожалению, до полнолуния еще было далеко, а перекидываться без луны за спиной я еще не умела. Притомившись, я пошла по дороге шагом. Я шагала очень долго, и, лишь когда звезды подернулись дымкой рассвета, я решила повернуть обратно, подумав, что я все равно уже ничем не смогу помочь рыцарю, а своя голова дороже. Но тут между деревьями я заметила свет костра. Морально я была готова увидеть демона, доедающего хорошо прожаренного рыцаря, хотя, скорее всего коня. Вопреки распространенному мнению, демоны не любят человечину, и питаются ей только в совсем уж крайних случаях. Мне об этом рассказывала бабка, и мне не было причин ей не верить.

Возле костра сидел грустный варвар, а его конь спокойно объедал соседний куст. Рыцарь поджаривал на тонком прутике кусок лепешки, и грустно глядел в огонь.

— Не догнал? — Как можно мягче спросила я, присаживаясь рядом. Роланд лишь вздохнул, протягивая лепешку мне. Я с удовольствием отломилась от нее кусок. Конь тоже заинтересованно высунул морду, рыцарь не стал жадничать, и отломил кусок и коню. Так в тишине мы и жевали.

— Какая идиллия! — С обратной стороны костра из кустов высунулась морда демона. Рыцарь попытался вскочить, но оказалось, что кто-то привязал его к кусту за какие-то

веревочки от доспеха, так что тот смог лишь подпрыгнуть на месте и с криком упасть обратно.

— Что, не бегаешь больше? — Сочувственно спросил демон, показываясь целиком. В этот раз он держал в лапе кукурузный початок, аккуратно длинным раздвоенным языком, выбирая сочные зернышки.

Я аккуратно привстала. Несмотря на то, что моих передвижений ничто не ограничивало, связываться с демоном самостоятельно я не собиралась.

— Мне так нравится ваша парочка. — Умилно облизнулся демон. — Вы здорово смотрите вместе, просто созданы друг для друга.

Я мучительно просчитывала варианты нашего спасения. Беда в том, что убить демона почти невозможно, они же бессмертны, а вот договориться очень трудно, поскольку их логика далека от нашей. Стараясь не делать лишних движений, и убедившись, что демон сосредоточил свое внимание на рыцаре, я сунула руку в сумку и достав сверток с травами, быстро бросила его в костер.

— Что ты делаешь? — Вскричал демон. — Признавайся, что ты наделала, глупая лиса. Я же могу тебя разорвать на куски.

Демон замер перед моим носом, в опасной близости от этого органа, прищелкивая острыми как кинжалы ногтями. Я молчала, глядя ему в глаза.

Неожиданно демон хихикнул. Потом подвинул нас с рыцарем в разные стороны и примостил свою упитанную задницу между нами.

— Ой, не могу! Вы такие смешные. — Он ткнул кукурузой прямо в лицо Роланду, чуть не выбив ему глаз. Но рыцаря это тоже почему-то только развеселило. Покатываясь со смеху, демон с рыцарем обнялись, разговаривая на разных языках, поскольку Роланд сразу же перешел на свой родной язык. Впрочем, оба они прекрасно понимали друг друга.

— Девственницы? — Удивленно переспросил демон у рыцаря, и со смехом обернулся ко мне. — Прикинь, этот дурак думает, мне нужны в поселке девственницы. Да, зачем нужна в хозяйстве бесполезная баба? — Бурно жестикулируя, демон начал рассказывать про свой любимый женский типаж. Девственность в списке женских добродетелей у демона не значилась. Рыцарь старательно внимал, словно действительно понимал все, что ему толкует демон.

— Будешь кукурузу? — Демон сунул мне очередной початок, который достал прямо из воздуха. — И ты бери, не стесняйся. — Рыцарь и не подумал отказываться, вонзив в желтые зернышки свои крепкие зубы. Конь тоже довольно захрустел своей порцией. Глядя на нас, усиленно жующих, демон просто покатывался со смеха.

— А вот еще была такая история... — припоминал демон, доверчиво приобняв коня. Другой лапой он крепко держал рыцаря, периодически облизывая их попеременно. — А ты, лиса, чего смотришь? — Сурово спросил он меня. — Танцуй!

Я думала, что договориться добром с демоном невозможно, но оказалось, что с невменяемым демоном договориться еще труднее. Рассвет уже давно наступил, а я успела и станцевать ему, и даже спела пару песен, но демон не собирался нас отпускать. И лишь, когда солнце окончательно позолотило землю, демон успокоился.

— Давно я так не веселился! — Признался демон, отпуская рыцаря, с которым плясал вокруг погасшего костра. — Дарю тебе возможность понимать ее язык. — Ткнул он когтем в лоб Роланда. Тот, отпущенный, мешком повалился на землю. — А тебе, а тебе... — Демон задумчиво прищурился.

— Поселок. — Торопливо произнесла я. — Я хочу этот поселок. — Под насмешливым взглядом демона я немного засмузилась, но продолжила гнуть свою линию. — Мы обещали им, что ты перестанешь их терроризировать и все такое.

— Да, случился мне этот поселок. — Демон передернул плечами. — Я все равно на север собираюсь, у троюродной сестры жены скоро день рождения, — доверчиво добавил он, — надо навестить, а то жена демона, это просто ух...

Я покивала. Жена у демона должна быть действительно ух. И север — это просто отлично. Нам туда точно не надо.

— Но, — демон покачал головой, — тебе-то подарка у меня нет. А ведь это ты принесла сюда праздник.

Я заверила демона в самых учтивых выражениях, что ничего страшного и мне ничего не надо. Ведь, даже ребенку известно, что принять подарок от демонов еще хуже, чем быть им съеденным.

— Не, так не пойдет. — Демон задумался. — Ты теперь сможешь оборачиваться в любое время, не только в полнолуние.

С этими словами он подмигнул мне и исчез, помахав очередным початком кукурузы на прощание. Оглянувшись вокруг, я увидела вытопанную землю, усеянную объединенными кукурузными останками. Рядом с потухшим костром храпел рыцарь, в помятых латах, со следами когтей демона. Конь послушно стоял рядом с хозяином.

— Беловолосый варвар изгнал демона! — Закричал тот самый мужичонка, стоило нам появиться в поселке. — О! Битва была тяжелой! — Уважительно произнес он, разглядев помятый доспех.

— Какой я тебе варвар! — Раздраженно пробурчал Роланд, осторожно объезжая мужичка по дуге. — Я- рыцарь! — Глаза у рыцаря были красными, болела голова, а во рту была пустыня. Когда на поляне я смогла его добудиться, он вначале обложил меня руганью, вперемешку со стонами. С огромным трудом мне удалось убедить его подняться и сесть в седло.

— Оооо! — Вокруг собралась толпа, рыцаря беззастенчиво трогали, кто-то даже умудрился, подпрыгнув, потрогать волосы. — Какой он большой, этот рыцарь.

Я старалась держаться в тени, и пока мне это удавалось.

— Я ужасно хочу пить, и у меня тяжесть в желудке. — Громогласно пожаловался мне Роланд. В подтверждение своих слов, рыцарь громко рыгнул.

Толпа почтительно раздалась, выпустив вперед селянку с огромной чашей воды. Рыцарь торопливо припал к ней, громко хлюпая. Вода стекала по доспехам.

— Эх, сейчас бы винца, да на боковую. — Шумно выдохнул рыцарь, возвращая кубок девице.

Та, зардевшись, взяла его и низко поклонилась. Потом взяла коня под уздцы и повела к конюшням ближайшего гостевого дома. Спешился рыцарь сам, и хотя при приземлении слегка пошатнулся, он нашел в себе силы устоять и даже приобнял меня за плечи, позволяя себе помочь подняться в отведенную ему комнату. Сопровождающие, если и удивились, что рыцарь желает отдохнуть в компании странноватого парня, виду не показали. Мало ли какие у варваров обычаи. Я же глядя на огромную кровать, куда мешком, не снимая доспехов, повалился Роланд, захотела завывать или убежать. Лучше бы демон ему не речь подарил, а

храп отобрал.

Видимо на сей раз я уснула первой, потому что его храп меня совершенно не беспокоил.

Первый раз я проснулась оттого, что кто-то нежно обнимал меня рукой за грудь. Такое приятное полузабытое чувство. Я подтянула одеяло повыше и снова уснула. А вот второе мое пробуждение оказалось не столь приятным.

— Ааааа! Ты кто? Что ты делаешь в моей постели? — Роланд орал как бешеный, вытаращив на меня глаза.

— Что ты орешь? — Я скинула одеяло и спокойно встала. После всего, что между нами было, как-то странно уже орать и прикрываться.

— Но, ты же женщина! — Всхлипнул рыцарь. — А я дал обет безбрачия, пока не получу диплом Цяньшань. Я ехал туда поступать, а ты меня совратила!

— Ничего подобного! — Я спокойно начала одеваться. — Во-первых, это ты ко мне прижимался, и, если уж на то пошло, ты сам ко мне первый пристал, еще там в лесу, испортил мою поляну, съел мой ужин, а твой конь смял мой котелок. От тебя сплошные убытки!

Моя речь вышла несколько бессвязной и сумбурной. Но рыцарь покраснел еще сильнее.

— Извини, я возьму тебе все убытки. Тем более, что моя жизнь кончена, я нарушил свой обет. Из-за тебя! — Он обвиняющее наставил на меня палец с грязным обломанным ногтем.

— А что там говорилось в твоём обете? Дословно. — Уточнила я.

— Пока не поступлю и не закончу академию не касаться женщины. — Высокопарно возвестил Роланд.

— А если придется прекрасную деву спасти из лап демона, а она потеряет сознание? — Коварно спросила я его. — Вы ее не понесете на руках?

Рыцарь задумался. Почесал пятерней спутанные волосы.

— Наверное, в таком случае можно касаться. — Наконец сдавленно признался он.

— Тогда расслабься. Все так и было. Вчера ты спас меня от ужасного демона У. И не только меня, весь поселок. Тебе все ужасно благодарны и все такое. — Успокоила я его, рыцарь облегченно вздохнул.

— Правда? — Уже более спокойно уточнил он.

— Абсолютная. — Уверенно закивала я.

— Ничего не помню. — С убойной честностью признался рыцарь.

— О! Ты был великолепен. Демон тебя всячески искушал, — начала я свой рассказ, одновременно приводя себя в порядок. — Ты ему р-р-раз, он тебе справа, его огромные когти вонзились в твой доспех... — Не стеснялась я в выражениях.

Я совершенно логично заключила, что мне чистая вода нужнее и спокойно помылась первой, а потом, завершив свой рассказ про чудеса и подвиги, кивнула на воду рыцарю. Тот безропотно начал приводить в порядок себя. Доспех после ночи с демоном выглядел плохо, а, учитывая, что рыцарь еще и выспался на нем, так и вообще печально. С трудом нам удалось его немного привести в порядок, хотя бы до состояния: не стыдно герою выйти в нем на люди.

— И еще. Меня зовут Ша. — Сказала я. — И давай оставим все так, как было. Словно я не женщина, а парень, а ты по-прежнему ничего не знаешь?

— А я Роланд. Не Ло Надэ, и не Рональд. А Роланд. — Наставительно сказал рыцарь.

— Ло Ланэдэ. — Повторила я, стараясь. Рыцарь досадливо поморщился, но кивнул.

— Пойдем? — Предложила я. — Попроsim у добрых местных жителей еды. Рональд послушно пошел следом за мной.

Внизу было тихо. Оказалось, что мы проспали аж до следующего утра. Но с нашим появлением все изменилось. Вначале нас заметила служанка и громко оповестила об этом весь этаж. Вокруг сразу же стало многолюдно и шумно. Рыцаря опять все поздравляли, хлопали по плечам, а пара женщин умудрилась даже чмокнуть в щеки. Я держалась сзади, но на сей раз мне это не помогло.

— А это кто? — Громко спросила служанка.

— Это мой друг. — Твердо заявил рыцарь, кладя свою ручищу мне на плечо. — Он был рядом, когда я сражался с демоном.

— Оооо! — Закатила глаза девица. — А сей достойный муж откуда родом?

— Я происхожу из княжества Северная Чжоу, семьи старшего держателя печати судьи Мао. — Пришлось сказать мне полуправду. Мой северный говор не скроешь. Но и говорить, что я вообще-то сейчас принадлежу семье генерала императора Сяо Цуна, я не собиралась. В конце концов, я же не виновата, что в свое время меня выдали замуж за седьмого сына генерала. В его семье я была аж четвертой женой, и он был совершенно не против моего ухода из семьи.

— Ах, — Девица с поклоном проводила к столу и меня.

Поклонившись еще пару раз, нас с рыцарем оставили наедине, в специальной кабинке для важных господ. На столе чего только не было: свинина с рыбным вкусом, пикантные куриные кубики с арахисом, куриные крылышки в сладкой подливе, сушеные коконы шелкопряда, и даже жареные свиные ушки, стоящие баснословных денег. Не чувствуя никаких угрызений совести я попробовала все кушанья. Дожевывая ушки, я бросила случайный взгляд на рыцаря, его лицо выражало тоску по всему бывшему.

— Эй, ты чего? — Пихнула я его локтем. — Ешь быстрее, а то, вдруг они передумают.

— Как ты можешь это есть? — Брезгливо ткнул Роланд пальцем в ближайшее блюдо. — Это же пища холопов.

— Да? — Удивилась я. — Ваши холопы очень богатые люди.

— Холопы доедают объедки с барского стола. — Сквозь зубы произнес рыцарь. — И я чувствую, что меня хотят унижить. А ведь это я спас их жалкую деревню от страшного демона.

— Ты ж ничего не помнишь. — Миротливо заметила я. — Это я тебе сказала, что ты спас. Может, это я спасла, а тебя обманула. А почему ты называешь это объедками. Очень достойная трапеза. Даже сам генерал был бы доволен. А он, я тебе скажу, крайне привередлив.

— Вот это что? — Брезгливо скривился рыцарь, ткнув в ближайшее к нему блюдо.

— Это? — Я с удовольствием опять подцепила палочками кусочек ушка. — Жареные свиные ушки в кисло-сладком соусе.

— Фу. — Позеленел Роланд. — Так же собак только кормят.

— Что за ерунду ты несешь. — Я даже подпрыгнула от такой несправедливости. — У одной свиньи всего два маленьких ушка и один пяточок. Чтобы приготовить одно такое блюдо им пришлось зарезать с десяток свиней. Кто же будет таким дорогим кушаньем кормить собак. Собакам срежут мяса со спины, или вообще накидают кишок.

— Пицца воина это хорошо прожаренный кусок мяса. А не какие-то там ушки. — Недоверчиво покачал головой рыцарь.

— Да ты попробуй. — Начала уговаривать его я. Ловко подцепила с тарелки один кокон и сунула ему в рот. Рыцарь пожевал.

— Ну, на семечки похоже. — Признался он. — А это что?

— Кокон шелкопряда. — Я подхватила еще один, рыцарь послушно открыл рот. — Это такая гусеничка, из них делают чудесную ткань.

— Гусеница? — Рыцарь позеленел. — Я съел червяка?

И его стошнило на пол.

Торопливо, пока служанка не вернулась, я закидала это место соломой. Конечно, у нас на севере принято кидать объедки под стол, но здесь пол был чист, когда мы приступали к трапезе, и не известно, как хозяйева отнесутся к тому, что герой не оценил их стряпню. В любом случае, их лучше не злить.

— Тебе лучше? — Со всем участием, какое смогла изобразить, спросила я рыцаря. Тот вымученно закивал. — На, вот попей вина. — Тот послушно отпил из кубка. — И мяска съешь. Это свинина.

Рыцарь пожевал.

— Ты уверена? На вкус скорее рыба. — Удивленно переспросил он у меня.

Я не знала уже как реагировать. Может свинину со вкусом рыбы его нежный желудок тоже не примет, поэтому я закивала:

— Рыба, рыба. Я ошиблась. Хорошая, добрая рыба. Это пища не холопов. Это господская пища. Рыба дорогая, особенно здесь. Река далеко, везти долго.

Роланд расслабился и поел свинины. Я тоже успокоилась.

Когда пришла служанка, мы сидели осоловелые от еды и потягивали чай. В свою сумку я хозяйственно сложила все, что не попортится в дороге.

— Господа желают что-то еще? — Ласково спросила она у нас.

— Не. Подскажи, где находится академия Цяньшань, мне надо ехать. — Рыцарь рывком поднялся на ноги.

— Это вам надо на запад, высокий господин. — Служанка принялась ловко убирать со стола. Если она и удивилась, что мы столько съели, то не показала вида. Я ласково прижала к себе порядком раздувшуюся сумку.

— На западе? — Удивился Роланд. — Я же приехал с запада.

— Вы, видно, заплутали немного. Это в пяти днях пешего пути на запад. На вашем резвом коне доскачете за пару дней. — Отвлеклась служанка от уборки, чтобы посмотреть на такого большого и глупого героя. Как можно не найти академию?

— Я провожу. — Тоже поднялась я, принимая решение. — Я тоже как раз туда ехала.

Роланд просиял.

Выехали мы сразу же после этого плотного завтрака. Мне показалось, что жители провожали нас с таким облегчением, словно боялись, что мы останемся. Хотя, прикинув, сколько мы съели за завтраком и стоимость моей вчерашней самостоятельной трапезы, я пришла к выводу, что длительное содержание таких прожорливых гостей жителям не выгодно. Выехал рыцарь, горделиво восседая на коне, я же шла пешком, стараясь не сильно отставать. Роланд милостиво разрешил держаться за стремя его коня, чтобы не отстать, но пока он ехал шагом я и сама успевала.

К обеду я здорово подустала, поэтому, когда рыцарь решил остановиться на привал, я обессилено легла на землю.

— Эй, ты чего разлеглась? — Строго спросил меня рыцарь, расседывая коня. — Давай

помогай, хворост собери.

— Я тебе в служанки не нанималась. — Огрызнулась я. — Тебе надо- ты и собирай, а я устала.

— Ты же сама вызвалась меня проводить. — Удивленно встал надо мной рыцарь. Шлем он уже успел стащить и сейчас держал его в руках. Потные волосы сбились колтуном с правой стороны головы, что придавало ему вид скорее нелепый, нежели страшный.

— Я сказала, что могу тебя проводить, поскольку тоже иду в ту сторону. Но я не нанималась тебе в служанки. — Покачала я головой, даже не думая подниматься.

— Ты же простолюдинка. И так понятно, что ты должна мне прислуживать. — Непонимающе уставился на меня Роланд.

— Вот еще. Я вообще-то из приличной семьи. Еще не известно, кто кому из нас должен кланяться. — Не собиралась сдавать я своих позиций.

— У моих родителей замок в Арелате. — Высокомерно заявил рыцарь. — Еще медный рудник и виноградники.

Я рассмеялась.

— А у моего дедушки был дом в столице, и он важный человек. — Дипломатично заметила я. «Был»- Мысленно добавила я, но в слух не произнесла.

— Ну и что. Мои предки богаче. — Рыцарь плюхнулся рядом с непреклонным видом.

— Значит так, — я начала злиться, — я тебе прислуживать не нанималась, это раз, моя семья очень знатна, но перед тобой отчитываться я не собираюсь, это два, и если тебя что-то не устраивает, то ты можешь искать академию самостоятельно, это три. — С этими словами я поднялась и ушла в лес за хворостом. Гордость гордостью, но голодать из-за этого маменького сынка я точно не собираюсь.

Хвороста я набрала на маленький костерок, только-только погреть себе лепешку. С добыванием огня у меня по-прежнему отношения были плохие, но на сей раз все вышло быстро. Роланд продолжал сидеть там, где я его оставила. Нанизав кусок лепешки на прутик, я сунула его в огонь.

— А мне? — Роланд присел поближе.

— Собери себе дров, и грей обед сколько влезет. Если у тебя, конечно, есть что погреть себе на обед. — Не поддавалась я на провокацию. Рыцарский конь положил голову мне на плечо, принюхиваясь к моей лепешке. — И коня своего покорми.

— Я дам тебе денег за еду. — Сквозь зубы процедил рыцарь. — Сам я еще могу обойтись без еды, но коня надо покормить.

— Поди, и купи себе и своей лошади еды. — Я с наслаждением откусила кусок лепешки. Потом не выдержала и отломилась для коня. — Я тебе не служанка. А я такая дура была, еще и с демоном тебе помогла. — Осуждающе покачала я головой, дивясь своей глупости.

— Я благодарен тебе за все, что ты для меня сделала. — Наконец выдавил Роланд. — Я во многом перед тобой в долгу. — С трудом признался он. — Теперь ты дашь нам поесть?

— Нет. — Тяжело вздохнула я. — Извини, но нет. Заработай на еду себе сам. Ты еще не умираешь с голода, чтобы я делилась с тобой последним куском.

Роланд тяжело вздохнул.

Отдохнув, мы продолжили путь. Но на сей раз я совершенно не боялась отстать. Вряд ли мне грозила возможность заблудиться, а вот если я поступлю в академию, а рыцарь нет, то это здорово потешит мое самолюбие. Поэтому я решила, что сделаю все возможное, чтобы

поступить.

На ночь мы остановились в бамбуковом лесу. Даже мне было немного непривычно находиться среди ровных посадок высоких гладких стволов, а уж рыцарь и вовсе оглядывался со странной робостью по сторонам.

— Я возьму твой шлем? — Обратилась я к спутнику, после того как мы совместно натаскали дров и развели костер. После дня вынужденной голодовки, рыцарь оказался более сговорчивым и даже помыл шлем и налил в него воды. Я кинула в шлем горсть крупы и немного специй, и устроилась рядом с костром, помешивая нашу вечернюю трапезу. Конь взволнованно принялся. Я отпихнула его морду локтем.

— Как зовут твоего коня? — Спросила я, снимая пробу. Вышло неплохо, и я разрешающе кивнула.

— Хлотарь. — Почему-то шепотом ответил Роланд, запуская свою ложку в импровизированный котелок. — Так моего папу звали. Мой папа- главнокомандующий армией феода. — Добавил он.

— Ух, ты! — Искренне восхитилась я. — А ты чего добился в этой жизни?

— Обязательно добыюсь. Мое имя будет прославлено в балладах. — Высокопарно заключил рыцарь.

Наши ложки заскребли по дну.

— Отлично. Желаю успеха. Котелок мыть тебе. — С этими словами я завернулась в одеяло и беззастенчиво уснула.

Ночь прошла без происшествий, а утром мы продолжили свой путь. Я пожевала лепешку, а рыцарь до низменных просьб не опустился, так что он остался голодным. Конь жевать бамбук отказался, а больше ему предложить было нечего. К обеду мы вышли к горному озеру, настолько холодному, что от воды ломило зубы. Я подумала, что в озеро, наверное, еще впадают подземные источники, не так уж мы и высоко в горах. Обходить озеро пришлось еще полдня, и вечер застал нас все еще возле него. Вечер не отличался разнообразием, я опять сварила кашу, и мы опять вместе поужинали. На сей раз я честно помыла котелок сама, благо к моим услугам было целое озеро.

А утром мы вышли к белой лестнице, отделанной камнем, с немыслимым количеством ступенек.

— Пойдем. — Кивнула я рыцарю. — Нам туда.

Восхождение было тяжелым. Даже мне оно далось нелегко, что уж говорить про рыцаря в доспехе. Ему пришлось спешиться и вести коня в поводу. Роланд обливался потом, но доспех не снял. Конь шел спокойно, а у меня сердце ушло в пятки, когда я обернулась и взглянула на пройденный путь. Конец лестницы терялся где-то далеко внизу. Пошатнувшись, я с трудом вновь поймала равновесие и больше старалась не оглядываться.

Первой площадки мы достигли ближе к обеду. Я с облегчением привалилась спиной к высокому борту и вытянула ноги. Роланд устало пристроился рядом со своим конем. Места там с трудом хватило нам троим.

— Ужас. Я не думала, что это окажется так трудно. — Честно призналась я.

— Ничего. Я не могу повернуть назад, тем самым опозорив честь предков. — Роланд тяжело дышал, но взор его был полон решимости. — Пойдем. Нечего тут разлеживаться. — Он первым поднялся, следом со стоном встала я.

Второй пролет оказался коротким.

Мы вышли к самой Академии. Академия была немыслимо богата, это было видно и по

высоким каменным стенам, и по краю сада с ровными рядами деревьев. Вдалеке виднелось то самое озеро, что мы обходили полдня.

— А, новенькие. — Мимо пробежал мальчишка в коротких штанах красного цвета, подпоясанных грубой веревкой. — Вам туда. — Он махнул рукой, указывая нам примерное направление.

Мы послушно пошли в указанную сторону.

— Эй, а лошадь-то тут привяжи. — Бросил этот же мальчишка.

— Это- конь! — Процедил рыцарь сквозь зубы. — Это- боевой конь, а не лошадь!

Впрочем, привязать своего коня он не забыл.

Мы дошли до беседки, утопающей в тени фруктовых деревьев. В беседке, растянув ноги между двух каменных скамеек, висел на шпагате старец. Его длинные седые волосы были сплетены в косу, замотанную вокруг шеи.

— А, новенькие. — Улыбнулся он, поворачиваясь к нам корпусом. — Зачем пожаловали?

— Я желаю учиться воинской мудрости у лучших учителей. — Заявил Роланд. — Я достоин самого лучшего.

— Похвально. — Покивал своим мыслям старец. — А ты, девица, зачем пришла?

— А нельзя, да? — Я огорченно сникла. — Ну, я тогда пойду.

— Пойди. — Пожал плечами старец. — Передавай привет отцу.

— Девицам совсем-совсем нельзя здесь учиться? — Решила робко уточнить я, видя, что старец не собирается драться.

— Почему нельзя? Если тебя что-то сюда привело, то не важно, девица ты или же юноша. Надо просто стать достойным в своем ремесле. — Заметил старец, вновь отворачиваясь и перетекая в низкую стойку.

— Так это меняет дело! — С воодушевлением заметила я. — Тогда я желаю учиться тут мудрости и все такое.

— Эту честь надо заслужить. — Со смешком заметил старец. Роланд услужливо хихикнул. — Тебе тоже. Испытания будут завтра на рассвете. А пока идите из академии прочь. Вернетесь на рассвете.

Старец ловко спрыгнул со скамеек и, оперевшись одной рукой на перила беседки, перемахнул через них. Только край халата и мелькнул.

— Ты что-то поняла? — Спросил меня Роланд.

— Идем отсюда быстрее. — Схватив рыцаря за рукав, я потянула его к выходу.

Вечер мы встретили на площадке лестницы. А с рассветом, голодные, злые и не выспавшиеся, вернулись в Академию на испытания.

ГЛАВА 3. УЧИТЕЛЬ ЦИНЬ

Я подметала от песка лестницу. Песок- это было просто наказание здесь. Он заносил белую мраморную лестницу, выющуюся вверх на немыслимое количество ступенек, сад с тропическими деревьями, высаженными ровными аккуратными рядами, родник, с выдолбленной каменной чашей, и даже чистое, но ледяное горное озеро за пределами Академии. Что и говорить, Академия была очень богата. Ко всему прочему сюда принимали всех, даже женщин. Так что я совершенно без проблем прошла испытание и назвалась собственным именем. Впрочем, мое родовое имя записали на глиняную табличку в архив и забыли. Все продолжили звать меня так, как я привыкла.

Сами испытания оказались совсем не сложными. Физические упражнения, где я хоть и не лидировала, но оказалась далеко не худшей, даже среди парней. Потом пара учебных поединков на тупом оружии, тут мне не очень повезло, при выборе оружия мне достался цеп, которому я не уделяла должного внимания, так, что мне самой от своего же оружия досталось сильнее, чем сопернику. Третьим испытанием оказались логические загадки. Но тут, помянув добрым словом учителя Сунлиня, я посрамила всех, давая глупые ответы на не менее глупые вопросы. Учителя пришли в полный восторг.

Кроме меня взяли еще одну девочку. И, что самое ужасное, Роланда. Тот целый день ходил, гордо выпятив грудь, пока не услышал, как учитель Лао и учитель Цинь обсуждали, что белого рыцаря взяли, ибо он нечеловечески силен и столь же глуп. Это несколько приободрило меня, и здорово испортило настроение рыцарю. Впрочем, не думаю, что мои собственные характеристики были бы лучше.

Доспехи пришлось снять, без них Роланд оказался чрезвычайно худ и несколько сутул, соломенные волосы он собрал в чахлый хвостик и перетянул кожаным шнурком. Из одежды мальчикам выдали полотняные штаны, подпоясанные веревками, а девочкам штаны и рубахи без рукавов. Ходили мы босяком, невзирая на погоду. И уже спустя неделю ноги у всех приобрели каменную твердость. Лишь рыцарь продолжал ковылять, и громко стenal, сквозь стиснутые зубы.

Я отложила метлу и разогнула уже порядком затекшую спину. Большие солнечные часы на северной скале показывали близящийся полдень. Мне пришлось изрядно помучиться, чтобы понять, как сверять время занятий с черточками и делениями этих часов. Вот и сейчас, оказалось, что до начала общей тренировки остается всего несколько минут. Давно я так быстро не бегала по лестнице, ступеньки мелькали мимо с ужасающей скоростью. Я по-прежнему старалась не оглядываться, но ходить по этой ужасной лестнице научилась.

Ко всему прочему я не успевала сдать метлу, и ворвалась на площадку для занятий в длинном халате, который надевала при исполнении отработок и с метлой наперевес. Ученики, уже стоящие в боевых стойках и учитель с округлившимися глазами обернулись в мою сторону. Я рассеянно пригладила встрепанные волосы грязной пятерней и спросила:

— Простите, я сильно опоздала?

— Совсем нет. Я смотрю, вы выбрали свое любимое оружие? — Учитель, здоровый беловолосый варвар, со смешным акцентом, требовательно протянул руку, отбирая у меня метлу.

— Честно говоря, я бы предпочла меч. — Призналась я. — Но цены на хорошую сталь

нынче так высоки, что приходится работать с тем, что есть. Раздались робкие смешки.

— Что ж, это не плохой выбор. — Признал варвар, прокручивая метлу. — С помощью такой замечательной метлы вы можете сделать вот так... — метла описала в воздухе полукруг, заставив ближайшего ученика отпрыгнуть. — Или вот так... — Метла замелькала в его огромных руках, со свистом рассекая воздух.

Я, затаив дыхание, смотрела на учителя со сложным именем Хальвдан, метла продолжала описывать круги, со свистом рассекая воздух.

— Какими глупостями вы заставляете нас заниматься. — Произнес Роланд недовольно. — Разве метла, это оружие воина?

Хальвдан нахмурился, но пока молчал, лишь прекратил махать метлой, и встал, тяжело на нее оперевшись.

— Зачем мы тратим свое время на всякие глупости вроде махания палкой, мы часами сидим в неудобных позах и пялимся в серую стенку, не знаю как насчет остальных, а мне так неудобно спать, и моего мастерства эти бдения не прибавляют. — Распалено продолжил Роланд свою речь.

Хальвдан кивнул своим мыслям, я втянула голову в плечи, но рыцарь лишь продолжил свою обличительную речь.

— Зачем мы смотрим на эту дурацкую метлу? Меч- вот оружие воина!

— В умелых руках и палочки для еды- оружие. — Наставительно заметил наставник, снисходительно улыбаясь.

— Да, ладно! — Роланд упер руки в бока, подходя ближе к наставнику. — Что вы сможете сделать мне, вооружившись этой метлой, а тем более палочками для еды, в то время, когда у меня будет в руках добрый рыцарский меч? — Подойдя совсем близко, рыцарь навис над совсем не маленьким варваром.

— Никогда нельзя недооценивать противника. — Наконец усмехнулся Хальвдан в пышные усы, отбрасывая метлу не глядя. Я торопливо ее подхватила, ведь мне еще предстояло сдать ее наставникам.

— Я преодолел многие версты, чтобы учиться мудрости у лучших учителей, — грустно сказал рыцарь, — а вместо этого я кручу метлы и часами смотрю в серую стену.

— Мы изменим программу обучения. — Изрек учитель Хальван, — но только если ты сможешь сразить меня с палочками для еды, вооруженный, лишь одним рыцарским мечом.

Все ахнули. Я испуганно прижала к груди злополучную метлу.

— Запросто. — Махнул рукой Роланд. — Когда?

— Да, прямо сейчас и займемся. — Спокойно возвестил Хальвдан, складывая руки на груди. — Зачем же затягивать. Эй, ты, — он кивнул мне, — подай господину рыцарю меч. Вон там, на стойке пятый с края.

Я послушно отсчитала и сняла прежде неприкосновенное оружие. С благоговением коснулась прямого меча, слишком длинного для меня, тяжелого и в остроте которого я успела убедиться, порезавшись.

— Пойдет. — Заметил Роланд, крутанув в руке меч. — Спасибо, малышка. — Кивнул он мне.

Учитель сам взял палочки с другой стойки. У меня появилось подозрение, что подобные сцены в этом зале происходят с завидной регулярностью, и исход схватки предрешен, еще не успев начаться.

Противники встали напротив друг друга, варвар усмехнулся в усы, Роланд же, напротив,

был необычайно сосредоточен. Сама схватка была короткой. Рыцарь замахнулся мечом, учитель сделал пару неслышных шагов ему навстречу и меч, зазвенев, отлетел в угол. Рыцарь лежал на спине, задрав худые ноги в сползших штанах, в потолок.

— Ты убит. — Спокойно заметил учитель.

Рыцарь возмущенно сопел.

— Это нечестно. — Поднявшись на ноги, он первым делом начал возмущаться. — Вы просто сшибли меня с ног. Я был не готов. Рыцари так не делают.

— Мальчик мой, в реальном бою никто не станет тебя ни о чем предупреждать. — Покачал головой варвар. — Там просто кто-то умрет, а кто-то выживет. Но, чтобы ты не чувствовал себя обделенным моим вниманием, давай повторим. — Учитель схватил рыцаря за руку, и поставил перед собой. Я, не дожидаясь приказа, подняла и поднесла им меч. Роланд, покраснев, выхватил меч из моих рук и снова встал в стойку.

— Предупреждаю. — Усмехнулся учитель. — Я нападаю, защищайся, если сможешь! — Он взмахнул палочками. Неуловимое движение, треск ткани и вновь Роланд лежит на спине, а Хальвдан упирается ему коленом в грудь, занеся палочки над лицом рыцаря.

— Так не честно, вы опытнее меня! — Обиженно засопел Роланд.

— Конечно! — Даже не стал спорить учитель. — Я опытнее, мудрее и вообще красавец! А ты- ничтожество! И, чтобы помочь тебе стать лучше, я отправляю тебя и тебя, — тут он кивнул на меня, — на медитации для улучшения созерцательности и успокоения.

Рыцарь возмущенно сопел, а я философски пожала плечами. Медитации я любила, сиди и созерцай стенку, думай о своем в сухости и тепле.

— Твое сердце полно огня, огонь в твоих почках и печени. — Хальвдан поднял меч и аккуратно пристроил его обратно на стойку. — А ты вообще опоздала. — Учитель протянул мне метлу.

Я послушно кивнула и с поклоном приняла метлу.

— Поэтому вы двое, идите в зал медитаций и медитируйте, пока не опустится ночь. А вы все стройтесь и начнем наше занятие.

Я снова поклонилась и пошла в зал, рыцарь, сильно ссутулившись, поплелся за мной.

Перед тем как приступить к медитации, я решила занести метлу, и Роланду пришлось начать созерцать стенку одному. Поставив метлу в пристрой, я наткнулась на учителя Цинь, старушка с тонкой длинной косой из белых волос и парой бородавок на подбородке, увидев меня начала спрашивать о том, чисто ли я подмела лестницу, и не видела ли убежавшую собаку Го? Пришлось задержаться и беспрестанно кланяясь, отвечать, что с лестницы можно смело есть, а собаку я видела вчера вечером, привязанную к сосне. Учитель Цинь осталась крайне недовольной моей невнимательностью, но добавлять наказания не стала. Заметила лишь, что медитации такой дурехе как я не повредят и в тройном объеме, после чего, махнула рукой и ушла, по своему обыкновению, забыв попрощаться.

— Где ты шляешься? — Склонно спросил меня рыцарь, стоило мне только влететь в зал и расстелив коврик, сесть на него, скрестив ноги.

— Метлу относила. — Шепотом ответила я, пытаясь очистить свои мысли и сконцентрироваться на стене с парой трещинок.

— Что так долго? — Опять недовольно произнес Роланд. — Могла бы и побыстрее.

— Учитель Цинь искала собаку Го, пришлось с ней немного проговорить. — Миролюбиво заметила я, успокаивая дыхание, сбившееся от бега.

— Все ходишь, ходишь, — продолжал бурчать рыцарь, — и учителя тебя любят, а за

что? Чем ты лучше?

— Вот уж не правда. Не любят они меня. — Я покачала головой, даже удивившись такому предположению. Учителя не любили здесь никого, и в отличие от храма Сичаншань, тут все ученики были общими, так что никто никого не выделял.

— Врешь! — Обиженно вскричал рыцарь, вскакивая. — Тебя все любят. А меня нет! Меня все обижают! А почему? Чем ты лучше меня? Я хороший воин, а вчера меня побил Хао, сегодня прилюдно унизил учитель Хальвдан. А почему? Почему я?

— Может, они хотят добиться от тебя большего? — Предположила я.

— Нет! Они меня ненавидят! А все ты! Это ты во всем виновата! — Последние выкрики были совершенно бессвязными.

— Здрости, приехали. — Удивилась я, тоже поднимаясь. — Я-то тут при чем?

— Это ты подала мне плохой меч! — Сжал кулаки рыцарь, надвигаясь на меня и наклонив вперед голову.

— Какой мне велел учитель, тот я тебе и подала! — Я наоборот расслабилась и даже опустила руки.

— Вот! Вы были в сговоре! — Роланд протянул руку, явно намереваясь схватить меня за рубаху, но этого я терпеть не могла и уклонилась.

Рыцарь засопел и вытянул вторую руку, под которую я тут же поднырнула и попыталась двинуть его локтем в солнечное сплетение. До солнечного сплетения я не достала, и удар пришелся в живот.

— Ах, ты ж... — выдохнул он и согнулся в поклоне от нехватки воздуха.

Однако тут я слишком рано обрадовалась, руки у него оказались столь же длинные, как и ноги, и он успел хватануть меня за ворот рубахи. Я рванулась вперед, злость на этого напыщенного петуха поднялась горячей волной, я подпрыгнула и со всех сил засадила ему в глаз.

— Ты, ты... — схватился одной рукой за глаз Роланд, удерживая мою рубашку другой рукой.

Ворот моей рубахи не выдержал такого накала страстей и с громким треском остался в качестве поощрительного приза в кулаке у блондина.

— Как интересно нынче проходят медитации? — Произнесла учитель Цинь скрипучим голосом, и на нас обрушился поток воды.

Мы отпрыгнули друг от друга, а я еще и успела поклониться. Рыцарь продолжал стоять столбом, держась за глаз.

— Какие нынче пошли ученики, вот бывало в мое время... — грустно начала учитель. Роланд торопливо начал кланяться. Старушка с удовольствием смотрела на наши согнутые спины, не переставая честить на все лады непочтительную молодежь.

— Простите, учитель, — как можно угодливее вставила я в ее монолог, — демон попутал, помутнил мой скорбный разум. Это больше не повторится.

— Конечно, нет. — Учитель Цинь, спохватившись, что все еще продолжает сжимать в руках ведро для мытья пола, уже пустое, поставила его на место. И со стоном схватилась за поясицу. — Уморили меня, проклятые.

Она злобно оттолкнула наши руки и выпрямилась сама.

— Проваливайте отсюда. Это зал для медитаций, а не для выяснения отношений. — Она строго погрозила искривленным пальцем. — Раз у вас столько энергии, что вам ее некуда выплескивать, то подите, вон, гнилые доски в сортирах замените. А то заходить страшно,

того и гляди провалишься!

Старушка, все еще держась за поясицу, бдительно проследила, чтобы мы вышли в нужном направлении, и, бурча под нос, удалилась.

Я печально выжала грязную воду из косы. Роланд вздохнул и подтянул штаны.

— Где доски-то брать? — Спросил он меня. Я пожала плечами.

Поход в туалет в Академии всегда сопровождался для нас с определенными трудностями. Рядок деревянных домиков над глубокой трещиной в скале был таким покосившимся, что заходить туда было страшно. Без острой необходимости никто туда старался и не заходить. Лично я приноровилась бегать далеко за пределы Академии и судя по всему, не я одна.

Мы подхватили стопку новых досок, их безо всяких возражений выдал нам отзывчивый крестьянин в деревне. По-моему, он даже обрадовался избавиться от этого хлама, ибо к доскам выдал еще и молоток, и мешочек гвоздей. Роланд без зазрения совести навьючил все эти приобретения на меня, сам же шел налегке, помахивая молотком. Впрочем, при виде объема работ, его энтузиазм здорово уменьшился.

— Давай ты сама все сделаешь? — Предложил Роланд, глядя, как я сгружаю доски на землю.

— Вот еще. — Я аж задохнулась от такого предложения. — Сейчас ты сам у меня все сделаешь! — Я с удивлением осознала, что стою, уперев руки в бока, и покачиваюсь с носка на пятку.

— Ладно, ладно. Я же просто предложил. — Примирительно поднял руки рыцарь. — Я честное слово, умею пользоваться молотком. Меня дядя учил.

— Вот и отлично. Бери первую доску и лезь в туалет. Мы приколотим их поверх старых досок. Думаю, это сэкономит время. — Взяла я на себя командование.

Роланд грустно вздохнул, но послушно взял доску и крадучись прошел в ветхий домик.

— Клади ее так, да не так, а переверни... — командовала я, в такт командам азартно размахивая молотком. — Сдвинь влево и немного на меня...

— Что за... — нелепо взмахнул руками рыцарь. Гнилые доски под ним опасно затрещали и проломились. Роланд ушел в дыру вначале по колено, но стоило мне наступить на соседнюю доску и протянуть рыцарю руку, как тот скрылся в дыре с головой.

— Ты, наверное, очень тяжелый. — Глубокомысленно заметила я, свесившись в дыру. Сама я надежно зацепилась руками за выступ доски, а ногой уперлась в одну из стен, предварительно проверив ее на прочность.

— Да, я очень тяжелый. — Сквозь зубы выдавил рыцарь, из последних сил цепляясь за выступающую часть доски. — Дай мне руку.

— Вот еще. — Я поползла обратно. — Она у тебя грязная.

Роланд зашипел что-то сквозь стиснутые зубы. Вряд ли это были слова благодарности, что переполняет его сердце. Но я уже ползла обратно с длинной доской под мышкой.

— Вот. Цепляйся. — Я по возможности аккуратно спустила один конец доски в дыру. Роланд даже почти смог увернуться.

— Да, наверное, идея просто наложить доски поверху была не очень хорошая. — Призналась я, когда мы совместными усилиями смогли вылезти из ямы.

— Я бы тебя убил. — Честно признался Роланд, лежа на спине и тяжело вздыхая после

каждого слова.

— А я тут причем? Ты сам следовал моим советам. — Как можно невиннее спросила я. — Тебя я насильно в яму не толкала. Между прочим, у меня нет опыта починки туалета. В моей семье он был мраморным.

— У меня тоже нет. — С очередным вздохом признал рыцарь. — Но ты так уверенно командовала.

Мы переглянулись и неожиданно расхохотались.

— Ладно, давай вставать. Придется все делать правильно. Так что ты сейчас разбирай старый туалет, а я пойду, стираю наши вещи.

— Ты думаешь, если я буду тут разбирать туалет совсем голым, это будет правильно? — С сомнением спросил Роланд.

Мы расхохотались еще раз.

Место для мытья и стирки было немногим лучше туалетов. Само помещение было, правда, не деревянным, а каменным, но вот внутри все так же давно сгнило. Старые разваливающиеся лавки, на которых стояли деревянные тазы и шайки. Горячая вода поднималась из подземного источника, и ее полагалось наливать через ржавый кран, тяжело открывающийся и который потом было практически невозможно закрыть. Из основного помещения вели две двери в мужскую и женскую помывочную. В связи с тем, что мужчин в академии было много, а женщин всегда мало, женская комната представляла собой крошечный закуток, где даже одному человеку развернуться было проблематично, не то, что устроить глобальные постирушки.

Я быстро помылась и постирала свою одежду, надев ее обратно мокрой. Все равно другой одежды у меня нет, а на мне одежда высохнет гораздо быстрее. Мыло было зеленым, жирным, навязчиво пахло травами, аромат трав смешивался с ароматом туалета, рождая причудливые сочетания. Я поморщилась, жаль, что у меня нет насморка.

В общей комнате сидел грустный Роланд. На нем осталась одна набедренная повязка, и та не слишком чистая.

— Ты умеешь стирать? — Грустно спросил он меня. — Объясни хотя бы как это делать. — Он тяжело вздохнул, но мое окаменелое сердце разжалобить было не так-то просто.

— Берешь мыло и грязные штаны, трешь штаны мылом и шоркаешь, пока они не почистятся. Не забывай споласкивать. — Рыцарь перевоспитывался прямо на глазах. Он послушно набрал в бадью воды, погрузил в мутную воду штаны и туда же уронил мыло. Поиски мыла были долгими, но в воспитательных целях, я в них участия не принимала, ограничившись советами.

Конечный результат превзошел даже мои ожидания. Штаны были чистыми, приятно пахли травами, но, к сожалению, местами порвались от усердного трения. Стратегически важные места, впрочем, уцелели.

Чистые и мокрые мы вернулись к починке туалетов.

— Я смотрю и никаких изменений не вижу. — От неожиданности я подпрыгнула. Сбоку стояла учитель Цинь, постукивая по раскрытой ладони молотком.

— Мы просто... — первым начал оправдываться Роланд.

— Я вижу, — важно кивнула учитель. — Вы просто два разгильдяя, никчемные лодыри, ко всему прочему вы раскидываетесь ценным материалом.

Мы, переглянувшись, покраснели. Действительно, уйдя мыться, мы даже не подумали

захватить с собой доски, гвозди и молоток. В панике мы оба кинулись пересчитывать ценное имущество, и, разумеется, столкнулись лбами.

— Да, таких неумех я еще не видывала на своем веку. — Учитель продолжала возмущаться, и не думая отдавать молоток. Впрочем, мы его пока не особо жаждали, синхронно потирая лбы.

— Простите, учитель, мы действительно мало смыслим в строительном деле. — Смиренно признал рыцарь.

— Я и вижу. — Сердце старушки и не думало смягчаться. Рыцарь покраснел. Для него признать подобное было тяжело, он явно рассчитывал на немедленное прощение, и как минимум избавление от тяжелой работы.

— Простите нас. — Взяла дело в свои руки я. — Мы приложим все свои ничтожные усилия, дабы вы впоследствии могли гордиться. А если вы ко всему прочему одарите нас, ничтожномыслящих, своим советом или мудрым словом, наше счастье не будет иметь пределов. — Во время этой тирады я не забывала кланяться.

— Я смотрю, ты из богатой семьи, слышу ученую речь. — Взгляд учителя потеплел. — Что ж, я, пожалуй, одарю вас своей мудростью. — Старушка отдала молоток Роланду, тот, поймав мой тяжелый взгляд, неуверенно поклонился, прижимая вновь обретенный молоток к груди.

Мы уставились на нее преданными глазами. И старушка не посрамила наших ожиданий:

— Для начала надо убрать полностью предыдущее некачественное сооружение. — Учитель махнула рукавом халата, и рыцарь послушно кинулся ломать имеющееся. — Ты берись здесь, а ты тащи это туда. Вот здесь надо стукнуть кулаком, здесь, я бы посоветовала принять стойку «крадущийся маленький черный тигр», ты согни ноги как «змея пожирающая свой хвост», а ты в прыжке хватай эту доску и кидай ее вон к тем...

Уже через полчаса пот с меня катился градом. Я повязала голову куском тряпки, которую мне мимоходом сунула Цинь, не переставая командовать. Помимо команд, учитель успевала показать нам, неумехам, как именно надо принимать те или иные стойки, а также могла поправить нас кулаком или обломком грязной доски. Надо признаться, наши успехи были колоссальными. Солнце еще не успело скрыться за горизонтом, как старые туалетные домики были полностью разобраны.

— Ох, как же я сегодня хорошо поработала! — Со вздохом заключила учитель Цинь, демонстративно растирая поясницу и постанывая.

Но мы, уставшие не меньше ее, остались глухи к ее намекам.

Я положила молоток поверх новых досок. Роланд аккуратно прислонил последнюю старую доску к груде таких же и потянулся.

— Куда это вы засобирались? — Грозно спросила нас старушка. — Это я хорошо поработала, вами же я по-прежнему не довольна.

— А ужин? — Как можно более жалобно протянул Роланд.

— Ха! — Воскликнула учитель и неожиданно ткнула ладонью со сложенными щепотью пальцами в живот рыцаря. Тому даже практически удалось увернуться, но тонкий слой жирка все равно заколебался. — Ты я как погляжу и так толстый. Останетесь без ужина!

Мы грустно переглянулись, потом посмотрели на то, что еще предстояло сделать, потом снова взглянули друг на друга.

— Как ты думаешь, — наконец высказал общую мысль рыцарь, — если мы в темноте сломаем ноги, нам разрешат их срастить, или надо будет, вначале закончить туалет, а потом

и саму Академию, и только потом можно будет болеть?

— Я думаю, у нас нет права болеть. А уж тем более ломать ноги. — Со вздохом я снова подхватила молоток. — Поддай-ка мне вон ту доску.

Утром учитель Цинь разбудила нас легким покашливанием. От этого звука мы подскочили как ужаленные. Я с удивлением обнаружила, что дремлю, положив голову на плечо Роланду, а тот свободной рукой придерживает меня за талию. Но сегодня старушка была настроена на удивление мирно.

— Я вам тут позавтракать принесла. — Она торопливо, словно могла передумать, сунула нам по паровому пельменю. Я свой быстро затолкала в рот, пока не отобрали. Роланд вначале со своего убрал длинный седой волос, но потом тоже сжевал. Пельмень был холодным, но провалился в желудок очень быстро, так что захотелось попросить еще. Но взглянув в добрые и ласковые глаза старушки, я решила судьбу не искушать.

— Пахнете вы оба, конечно, так себе. — Продолжила свою тираду учитель. — Но зато, я смотрю, вы неплохо поработали.

Мы недоуменно переглянулись. На наш взгляд, мы поработали не неплохо, а великолепно. За ночь мы полностью закончили подпорки, и возвели два домика сверху. Остались еще три домика и внутренняя, так сказать, отделка.

— Знаете, что... — произнесла Цинь, в задумчивости ковыряя пальцем один из деревянных домиков, — идите-ка, помойтесь. Я здесь все покараулю.

Мы, не веря своим ушам, переглянулись и побежали наперегонки.

— Как ты думаешь, в чем подвох? — Неуверенно спросил меня рыцарь, перед тем, как мы разошлись по разным комнаткам?

— Может быть, ни в чем? — Близость теплой и чистой воды затмевала мой разум, и я не могла думать ни о чем другом.

— Ну, может ты и права. — Все еще сомневаясь, ответил Роланд, перед тем как захлопнуть за собой дверь.

На сей раз, мы справились гораздо быстрее. Рыцарь оказался способным к обучению, и на сей раз управился со стиркой гораздо раньше меня.

— Что-то сердце мое не спокойно. — Произнес он, стоило мне показаться в общей комнате.

— Почему? — Удивилась я, расправляя рубашку. Мокрая одежда неприятно прилипла к телу, но я старалась не обращать на это внимания.

— Мне кажется, у нас там все растащили, пока мы тут ванны принимали. — Рыцарь тоже расправил штаны, которые уже треснули на коленке.

— Ты просто не любишь мыться. — Усмехнулась я. — Я слышала, что варвары боятся воды, то ли у них болезнь такая странная, то ли они просто любят ходить грязными.

— Глупости! — Возмутился рыцарь. — Я люблю мыться, особенно если симпатичные служанки мне трут спинку. Я просто думаю, что учитель Цинь что-то задумала. Поэтому-то она нас и выгнала.

— Думаешь? — Он говорил так уверенно, что я тоже засомневалась. — Так что же мы сидим, идем быстрее.

Реальность превзошла все наши самые худшие ожидания. Все, что мы с таким трудом построили, было полностью разобрано. Учитель Цинь ласково нам улыбнулась, догрызая

сухую лепешку.

— Помылись, мои золотые? — Старушка ловко спрыгнула с кучи досок, как попало сваленных рядом с расщелиной.

Мы, молча, кивнули.

— А я тут подумала... — продолжила учитель, как ни в чем, ни бывало, словно не замечая наших вытянутых лиц, — подумала, подумала, и решила... а ведь опоры-то мы и не поменяли! — Она многозначительно подняла длинный узловатый палец вверх и помахала им в воздухе.

— Аааа... — синхронно протянули мы.

— Вот я вам и помогла немного, все разобрала. — Ласково улыбнулась Цинь. — Теперь вы можете выгрести содержимое ям. Сваливайте во-о-он туда. — Палец указал нам направление. Мы послушно проследили за пальцем. — Все понятно?

— Ага. — Мы опять кивнули.

— Вот. — Удовлетворенно кивнула учитель. — Как все выгребете, поменяете опоры, а потом постройте верх. Да покрасивше. С выдумкой.

Мы опять закивали. С выдумкой, так с выдумкой, нам терять нечего.

— У меня только один вопрос. — Произнес Роланд, когда старушка спрыгнула с горы досок и легкой походкой, тяжело совместимой с ее почтенным возрастом, удалилась. — А зачем мы мылись?

— Наверное, чтобы не забыть, как это делается? — Грустно предположила я, зачерпывая ведром первую партию.

Обед сегодня у нас был. Просто Роланд куда-то сбегал и принес четыре лепешки и пару ломтиков вяленого мяса. К запаху, сопровождающему нашу работу, мы уже настолько притерпелись, что полноценному обеду он совсем не мешал. Я даже не стала спрашивать, где он взял еду, справедливо решив, что лишние знания порой приносят вреда больше чем пользы.

К вечеру мы закончили чистку. Теперь ямы просто блестели.

— Неплохо, неплохо! — Одобрительно произнесла учитель, от неожиданности мы оба вздрогнули. — Осталось совсем чуть-чуть. — Она покивала головой, развязывая принесенный узелок. Оттуда раздался умопомрачительный запах свежей выпечки. — Кушайте, мои милые, кушайте. Не дай бог исхудаете. — Старушка сама поделила содержимое узелка между нами, внимательно следя, чтобы мы съели все до последней крошки. Что, впрочем, оказалось совсем не трудно, поскольку мы здорово проголодались.

Учитель Цинь ласково с нами попрощалась, вслух выразив надежду, что вскоре она уже увидит нашу работу законченной.

А спустя пару часов нам с рыцарем стало плохо. Утро мы встретили бледными до зелени, но стойко заканчивая стойки.

— Молодцы! Молодцы! — Удивленно воскликнула Цинь, обнаружив утром, что мы вполне себе работаем. — Даже не ожидала такого трудолюбия. Пирожок хотите?

Роланд позеленел еще сильнее, но отчаянно замотал головой. Я тоже нашла в себе силы отказаться в самых вежливых выражениях.

Мы смогли явить чудеса стойкости, только благодаря тому, что у меня нашлись в сумке травы, а рыцарь, между приступами смог развести огонь и помочь мне их заварить.

Учитель Цинь все время крутилась поблизости, так что нам пришлось усилить бдительность и не только не брать ничего из ее рук, но даже отлучаться и спать по очереди.

Спустя три дня мы смогли сдать полностью готовую работу. За это время мы осунулись, обзавелись темными кругами под глазами, а Роланд уронил на ногу молоток и теперь заметно хромал.

— А вы- молодцы! — Произнесла учитель Цинь, но мы лишь мрачно на нее посмотрели. — Эх, вы мои бедолажки. Намучились со старушкой. Ну, ничего. — Она неожиданно подмигнула. — Дальше будет еще хуже... — она сделала драматическую паузу, — потому что я беру вас своими личными учениками.

Мы застонали.

А вечером нас, помывшихся, перевели во второй двор академии, где выдали другую одежду и побрили головы.

ГЛАВА 4. КУРИЦЫ И ЛОШАДИ

Сегодня я своровала курицу. Не смогла удержаться, так привлекательно она пахла и шевелилась, что я, хотя и давала себе обещание, не шалить, будучи лисой, не смогла его сдержать. А дело было так...

Наступило полнолуние. Этого времени я ждала с трепетом и одновременно страхом. Академия не казалась мне местом, где можно безнаказанно бегать в облике лисы, здесь не было полноценной тишины никогда, даже ночью кто-нибудь продолжал тренироваться, постоянно стояли караульные, или учителя устраивали свои ночные бдения. Так что мне было даже представить тяжело, что я смогу найти здесь укромный уголок, да еще и чтоб проникал лунный свет, и еще, чтобы совпало сто сорок разных вещей. Но полнолуние наступило, и я перестала находить себе место. Наконец, дождавшись, пока все уснут, я прокралась в общую спальню, где я ночевала отныне, и которую делила еще с двумя десятками учеников, и на ощупь смогла найти завернутую в трусы лопатку. Крадучись я вышла на задний двор, но там как раз колол дрова Роланд.

— Что ты тут бродишь? — Рыцарь радостно воспользовался поводом передохнуть, торопливо откладывая топор в сторону.

— А ты, что так поздно? — Я спрятала сверток за спину, пока он не заинтересовался его содержимым.

— Ну, я постирал тряпки, что вешают на стены, помыл пол в обеденном зале, прямо перед обедом, представляешь, — принялся жаловаться мне рыцарь. — Потом я еще раз помыл его, и еще пару раз, потому что после обеда в нем было совещание мастеров, а после обед мастеров, а потом просто ужин, и еще пару того, о чем мне забыли сообщить. Неужели, я мою пол настолько забавно, что мне приходится делать это по сорок раз на день?

— Ничего, я вот сегодня подметала малый зал медитаций палочками для еды. — Призналась я.

— Серьезно? — Сразу успокоился рыцарь. — И как успехи?

— Так себе, — я пожалала плечами, — пришлось три раза переметать. Учитель Цинь очень гневалась.

— Я думал, что после того, как нас перевели во второй круг, станет немного полегче, и мы будем больше учиться. — Признался Роланд.

— Ну, я стараюсь меньше думать. Иногда надо погрузить мозг в небытие, и все такое... — Призналась я, делая ненавязчивые попытки откланяться. Луна явно собиралась погрузиться за тучу, а мне бы не хотелось долго блуждать в потемках, и превратиться можно только при яркой полной луне.

— А ты куда-то шла? — Заметил мои маневры рыцарь и снова нехотя взялся за топор. Только сейчас я заметила, что рубил он железное дерево, которое разрубить обычным топором совершенно невозможно.

— Да, — я сострадательно поморщилась. — Решила прогуляться немного перед сном.

— А, ну удачи. — Роланд замахал орудием с такой силой, что я уже даже было, приготовилась отскочить от чурбаков, но все же дерево оказалось крепче. Сострадательно пожав плечами, я отправилась дальше на поиски укромного уголка.

Когда я перелезла через стену и нашла укромную полянку, луна окончательно скрылась

за тучами. Я прекрасно понимала, что без луны за спиной превращение не удастся, а значит, вся затея лишена смысла. Но упрямство заставило меня продолжить.

Чувства были смешанными, мне просто было жаль уходить, даже не попытавшись, и, с другой стороны, было жаль тратить время на заведомо бесполезное занятие. Я повернулась спиной к луне, так, как я себе представляла, где она примерно должна быть. И представила, словно она на самом деле есть и ее свет рождает тень передо мной. Лопатка уже привычно легла на голову. Вначале поклоны были неудачными. Мне казалось, что я стою не так, а лопатка плохо держится на голове. Но постепенно я смогла поймать нужный ритм. Когда количество поклонов перевалило за сотню, мне начало казаться, что я занимаюсь полной ерундой, и сегодня точно ничего не получится.

Но все же мир вокруг подернулся дымкой, а окружающие меня деревья резко увеличились, запахи нахлынули со всех сторон. Все было таким непривычным, и вместе с тем притягательным. Хотелось бегать и вдыхать воздух полной грудью. Я радостно твякнула, и несколько раз подпрыгнула на одном месте. Привычно подвигала лопатку, пристраивая ее поудобнее и побежала, оббегая полянку по кругу. Сил словно прибыло, мне захотелось бегать, прыгать и что-нибудь сотворить. Перекувыркнувшись с риском уронить лопатку, я с удивлением увидела позади себя сразу два хвоста. Пришлось сесть на попу и развернуться. С замиранием сердца я приподняла лапами лишнюю часть тела. Потом свой родной хвост. Они оба были мохнатыми и настоящими. Я чихнула и потерла нос лапой. Честно говоря, я не могла определить какой из них был моим родным.

— Вот ты ж... — пробормотала я себе под нос, и вновь подпрыгнула на месте. Раньше я не обладала человеческой речью в облике лисы. Ко всему прочему я не могла превращаться без лунного света. И до этого у меня был всего один хвост.

— Вот демон! — Восхищенно пробормотала я, на всякий случай, оглядевшись по сторонам. Демон, разумеется, и не подумал почтить меня своим присутствием. Обняв оба хвоста, я повалилась в траву, радостно хохоча. Чтобы отрастить второй хвост лисам обычно требовалось не менее ста лет, я же не прожила еще и семнадцати. Облизав оба хвоста, я поднялась и побежала к Академии. Душа моя срочно требовала праздника.

Хозяйственные постройки Академии, мало отличались от Сичаншаня. Такие же ветхие домики, склады и курятник. Я лапой осторожно приоткрыла дверь, вначале убедившись, что из людей здесь никого нет. Услышав и увидев своего давнего врага, курочки заволновались. Это заставило меня слегка потерять бдительность. И зайти в курятник полностью. Дверь за мной закрылась со зловещим скрипом.

Курицы испуганно заметались. Охотничьи инстинкты стали брать верх, но я испуганно помотала головой. Быстро схватила ближайшую ко мне курицу и выскочила во двор.

Квохтанье курицы отдавалось мне в ушах. Казалось, что от этих бешеных криков сейчас проснется вся Академия, но разжать зубы и бросить ее, мне не хватало мужества. Перемахнув одним махом стену внутреннего двора, я наконец, остановилась и разжала зубы. Курица изломанной тряпкой упала к моим ногам.

Не помня себя от страха, я перекувыркнулась через голову, и, лежа на спине, лапами сдернула лопатку. Мир опять перевернулся. Где я бросила свою одежду я так и не смогла найти, а возвращаться в таком виде мне было нельзя.

Пригорюнившись, я села посреди поляны, прижав к груди курицу.

— Что ты тут делаешь? — Роланд подкрался совсем неслышно.

— А, уйди! Я же не одета! — Я швырнула в него курицу, которую тот ловко поймал и

начал крутить в руках.

— А зачем ты разделась? — Продолжал недоумевать рыцарь, и не думая смотреть в другую сторону. — Смотрю, ты была здорово голодна! — Усмехнулся рыцарь, покрутив курицу в руках. — Бедную птичку прямо живой загрызла.

Я промолчала, не став привлекать его внимание, что зубы там гораздо мельче человеческих.

— Или ты ее у собак отобрала? — Продолжал сыпать вопросами Роланд. — То-то я смотрю, зубы мелковаты.

— Да, именно у собак. — Устало произнесла я, протягивая руку, чтобы отобрать тушку обратно. — Вернее ее вначале я загрызла, а потом кинула собакам, а потом обратно отобрала.

— Вон оно как. — Он потряс головой. Пытаясь сообразить зачем я делала эти странные манипуляции.

— Ограбили тебя что ли? — Удивленно спросил он. Я помотала головой.

— Нет, я просто в процессе воровства все растеряла. — Призналась я. Надеюсь, я свою одежду первой найду.

Лопатку я осторожно задвинула пяткой в кусты поглубже.

— Давай, я пока твою добычу разделаю и пожарю, а ты все же оденься. Замерзнешь еще. — Задумчиво произнес рыцарь, вертя курицу в руках, и машинально ощипывая. Я покивала, и нырнула в кусты.

Одежда нашлась на соседней полянке. Даже долго искать не пришлось. Странно, что я не могла ее сразу найти. Все еще пребывая в непонятной эйфории, я оделась, постаравшись максимально скрыть следы своего присутствия.

А потом мы бессовестно ели ворованную курицу вместе с костями, даже не дождавшись, чтобы она основательно прожарилась.

— Так, так, так... — раздался самый ненавистный нам голос.

Мы синхронно подпрыгнули, не переставая судорожно работать челюстями. Спрятать мы все равно ничего не успевали, поэтому постарались съесть как можно больше впрок.

Учитель Цинь появилась из кустов, и раздраженно запнула лопатку обратно. Я покраснела, вспомнив, что так и не успела ее спрятать понадежнее. Но я понадеялась, что старушка не поняла, что это. Но произнесла она совсем другое:

— Я воспитываю воров! — Пафосно произнесла она. Присмотревшись повнимательнее, она добавила: — Крайне голодных и неудачников к тому же!

Мы шумно сглотнули.

— А что не так? — Спросил Роланд.

— Вы же ее недожарили! И такое чувство, что зубами загрызли! — Цинь выхватила остатки курицы и сама надкусила. — Ужас, какая сырая!

Мы покивали.

— А что бы вы посоветовали, учитель? — Я тоже отломила себе крылышко и осторожно надкусила, стараясь чавкать поменьше.

— Вы позорите Академию! — Старушка вытерла тыльной стороной ладони жирные губы. — Академия- ваш дом родной! А я ближе, чем мать! А вы, мало того, что воруете, так еще и попались, так бездарно! Неудачники! — Припечатала она нас, и оторвала второе крылышко, я проводила его тоскливым взглядом.

— Между прочим! — Наставительно прочавкала наставница, — эта курочка могла дать

много яиц, и кормить всю Академию долгие годы. А вы ее сожрали!

— Вы тоже! — Осторожно произнес рыцарь.

— Я? Даже не притронулась! — Невинно заметила Цинь. — Вы еще и на наставников наговариваете!

— А что теперь делать? — Задала я вопрос, думая больше о лопатке в кустах, и о том, как бы ее незаметно перепрятать.

Впрочем, учитель, поднявшись на ноги, демонстративно отвернулась, и я смогла залезть в кусты.

— Ты идешь? — Окликнул меня Роланд.

— Идет, идет! — Подхватила его под ручку Цинь. — Ты не за девками бы наблюдал лучше, а старенькой мне помог. А то ноженьки-то мои уже не те, что прежде. Рыцарь торопливо подхватил старушку под локоток, позволив утащить себя с полянки в Академию.

Я торопливо вырыла ямку, затолкнув туда лопатку поглубже. Времени искать другое место учитель мне все равно не оставила. Я заровняла землю, постаравшись свести следы своего пребывания к минимуму, и торопливо догнала процессию. Учитель тут же перестала виснуть на руке у Роланда, и вполне себе бодро пошла самостоятельно. Последняя куриная ножка хрустела на крепких зубах Цинь, только хрящики трещали.

— Я придумала вам наказание. — Громко возвестила учитель, доведя нас до ворот. — Поскольку у вас явно избыток свободного времени, я решила, что вы будете убирать курятник каждый вечер. После основных занятий и ужина.

— У нас будет ужин? — Радостно воскликнул Роланд.

— У вас? — Удивилась Цинь. — Конечно, нет. Ужин для наставников, а вы и так не страдаете излишней худобой. С вас довольно и завтрака.

Мы понуро вздохнули, не решаясь спорить.

— Сегодня с вас довольно беготни, а завтра начнете работать. Сейчас же я бы вам посоветовала как следует выспаться. Вряд ли вам в ближайшее время это удастся. — Даже немного жалостливо заметила Цинь.

Доведя нас до общей спальни, старушка бдительно проследила, чтобы мы разделись и легли в постели, и даже самолично подоткнула нам одеяла. Я ожидала даже поцелуев в лобики, но до такой степени она еще не расчувствовалась, поэтому, проверив, что мы улеглись, ушла, притворив дверь.

Я полежала, затаив дыхание, прислушиваясь к малейшему шороху. Спальня жила своей жизнью: на третьей койке от входа громко храпел верзила с мощными плечами, тихо стонал парнишка на койке у окна, Роланд возился, но вскоре и он затих.

Убедившись, что все крепко спят, я неслышно поднялась.

— Ты куда это собралась? — За мое ухо схватили крепкие сухие пальцы. — Все это пыль и тлен. Настоящему воину некуда спешить.

Учитель Цинь, крепко держа мое ухо, опять проводила меня на кровать. Убедившись, что я улеглась, она ткнула меня пальцем в шею. Попытавшись пошевелить ногой, я с удивлением обнаружила, что не могу даже пошевелиться, не то чтобы встать. Лежать так было странно, но сытый желудок, впервые оказавшийся таким за долгий период, очень способствовал здоровому сну. Сама не заметив как, я уснула.

Утром я проснулась очень поздно. В узкое высокое окно всюду лился солнечный свет.

Кроме меня в спальне никого не было. Я пошевелилась и обнаружила, что паралич, охвативший меня вчера, бесследно прошел. Все тело было легким и полным сил, до сегодняшнего утра я так себя могла чувствовать только лисой. Ощущения мне неожиданно понравились.

Я встала, не торопясь умылась и оделась и, понимая, что на завтрак я уже безбожно опоздала, поползла искать учителя. Оттягивать наказание я не видела смысла.

В коридоре я столкнулась с Роландом.

— Выспалась? — Миролобиво спросил он меня. — Хорошо спала?

— Да, просто отлично. — Настороженно ответила я, приготовившись, если вдруг что, быстро отступать.

— Хорошо. И я выспался. — Меланхолично заметил Роланд.

— А ты тут что делаешь? Почему ты не на занятиях? — Видя, что он настроен миролобиво, решила я спросить.

— Учитель велела дожидаться тебя и как следует позавтракать. — Признался Роланд. — Я ужасно голоден. А ты все дрыхнешь! — Возмущенно заметил он.

— Прости. А разве завтрак не закончился? — Удивилась я.

— Давным-давно. — Кивнул рыцарь. — Но, учитель сказала, что нас накормят.

— Зная ее, думаю, что тут кроется подвох. — Я задумалась. — Может не стоит ничего есть из рук Цинь?

— Думаешь? — Тоже задумался рыцарь. — Да, она может. Но ведь вряд ли она отравила весь котел, правильно?

— Я думаю, она просто съела наши порции. А мы туда придем, и будем стоять как дураки. — Призналась я. — Не люблю глупо выглядеть.

— То есть, ты предпочитаешь остаться голодной, даже не попытавшись? — Удивился Роланд. — Это так на тебя не похоже.

— Ладно, ты прав. — Я подхватила его под локоток и развернула в нужном направлении. — Пойдем, посмотрим. Лучше выглядеть глупо, чем даже не попробовать.

В зале трапез было тихо и прохладно.

— Что-то вы припозднились. — Приветствовал нас Го, высунувшись из кухни. — Я оставил для вас еды. — Он приглашающее нам помахал.

— Что происходит? — Удивленно спросила я, тем не менее, накладывая себе похлебки и насыпая сухариков побольше. — Откуда столько хорошего падает на наши головы?

— Просто сегодня я стою на раздаче. — Усмехнулся Го, он уже давно находился на обучении в Академии, ни все никак не мог ее закончить. В его случае речь не шла уже даже о дипломе, а уж тем более о татуировке, которой награждали лучших учеников. Ведь диплом можно потерять или украсть (тем, кто позволил допустить подобное, их не восстанавливали), а татуировку подделать невозможно. Впрочем, желающие ограбить выпускника с дипломом находились очень редко.

Не смотря на свой почтенный возраст — целых двадцать пять лет, выглядел он по-прежнему на пятнадцать. Маленький, вертлявый, с бледным лицом и узкими глазами, он настолько слился с Академией, что по-моему скромному мнению, само нахождение в ней доставляло ему удовольствие, так что он, наверное, и не собирался ее заканчивать.

— А почему ты на раздаче сегодня? — Поддержал разговор Роланд. — Разве у тебя не медитации сейчас?

— Да я вчера захрапел на ней. — Беспечно отмахнулся Го. — Учитель Мао рассердился

и теперь неделю я работаю здесь. Вы не представляете, какие моральные страдания я испытываю.

— Да? — Опять удивилась я. — С каких пор работа на раздаче считается тяжелой?

— Ты же знаешь, я вечно хочу есть. — Признался парень. — Да и вы то же самое испытываете, мне ли не знать.

Мы согласно покивали. Есть мы хотели постоянно.

— А не отравлено? — Бдительно, хоть и несколько запоздало поинтересовалась я, выскребая дно миски.

— Не должно бы. — С сомнением произнес Го. — Но готовил Линь, а у него и нормальная еда как отравка.

Роланд прижал руку ко рту, и замычал. Я тоже немного напряглась, но все же голод был сильнее и я отправила в рот последние две ложки. Мы посидели, молча, слушая, как бурчат наши животы. Потом мы подождали еще немного. Похлебка ухнула вниз, оставив после себя некую неудовлетворенность, но никаких неприятных или, более того, болезненных ощущений, не принесла.

— Вы бы видели свои лица! — Наконец, расхохотался Го. — Успокойтесь уже, сегодня я варил.

— Ах, ты ж, засранец! — Пошел на него, сжав кулаки Роланд. — Да я щас чуть не того... этого...

— Ох, прости, друг, не злись... — Согнулся от хохота Го, — я просто не смог удержаться. У вас такие лица были. Ой, не могу! — И он снова весело рассмеялся.

Роланд шумно выдохнул, и разжал кулаки. Злиться он долго не умел, быстро вскипая, но так же быстро и остывая. А я под шумок утащила еще пару кусков лепешки.

Курятник со вчерашнего вечера не изменился. Его обитатели были выпущены в небольшой загон, где сейчас, радостно кукарекая, клевали зерно. Петух, с длинным роскошным хвостом, недобро посмотрел на меня из-под гребешка. Я захлопнула за собой калитку, чтобы обитатели не успели разбежаться. Роланд малодушно подбадривал меня из-за забора.

— Ко-ко-ко! — Перекинул гребешок на другую сторону петух, делая шаг на меня.

— Мне кажется, он тебя запомнил, и собирается отомстить за смерть курицы. — Со смешком, с безопасного расстояния, предположил Роланд.

— Спокойнее, мальчик, спокойно... — Тихо проговорила я, делая осторожный шаг вперед. Петух сделал шаг на меня. Я в сторону, он опять на меня.

— Ты ему не нравишься! — Продолжал издеваться рыцарь. — Животные чувствуют... — Многозначительно добавил он.

Я промолчала, про себя подумав, что возможно он и прав. И петух сейчас чувствует во мне лису. Но тогда странно, что курицы ведут себя спокойно. Но стоило мне сделать лишний шаг, как ближайшая ко мне курица, с истошным кукареканьем, и бешено хлопая крыльями, выпорхнула из-под ног.

Взяв, прислоненную к сараю тятку, я попыталась отогнать петуха от входа в курятник. Тот, растопырив крылья, перегородил вход и явно не собирался пускать врага на свою территорию.

— Роланд, может, лучше ты? — Я повернулась к рыцарю. — Ты был прав. Эти птицы

явно что-то против меня имеют.

— Ну, уж нет. — Рыцарь замотал головой. — Ты- женщина, договариваться с домашней живностью у тебя в крови. Вот если б надо было коня подковать, тогда другое дело.

— Ты что, хочешь сказать, что я не смогу подковать лошадь? — Я ткнула петуха концом тляпки. Тот, как ни странно, отступил.

— А ты, что, сможешь? — Удивился рыцарь. — Да ты молот поднять не сможешь! — Он рассмеялся.

— Что за глупость, делить занятия на мужские и женские. — Я отогнала петуха, и поменялась с ним местами, и уже из курятника крикнула: — Я, конечно, не умею подковывать лошадь, но совсем не потому, что я- женщина.

Пока я чистила пол курятника, петух внимательно следил за мной с порога. И, стоило лишь мне закончить уборку, стремглав метнулся в постройку, словно, чтобы убедиться, что здесь даже духа моего не осталось.

Удовлетворенный осмотром, петух издал длинный вопль, и курицы кучей ломанулись в курятник. В дверях возникла давка, а меня пробило на смех. Вот, расскажи кому- не поверят: лисицу затоптали курицы. Все еще посмеиваясь, я, пользуясь тем, что все курицы были в курятнике, я, сменив тляпку на метлу, быстро подмела дворик.

— Ну, вот видишь, — утешительно заметил Роланд, — все оказалось не так страшно. Не съели тебя курицы.

— Завтра твоя очередь. — Непреклонно заметила я.

— Ну, неееет. — Заныл рыцарь. — Я их боюсь! — Шепотом признался он. — Они громко кукарекают.

Я засмеялась.

— А ты зато в кузнечном деле ничего не смыслишь! — Рыцарь попытался схватить меня за воротник, но я легко поднырнула под его руку и отбежала на безопасное расстояние.

— Подковывать лошадь я легко научусь, а вот ты никогда не сможешь перебороть свои детские страхи! — Я высунула язык, все еще продолжая хохотать.

— Если ты сможешь сама подковать лошадь, то я, так и быть, самолично вычищу курятник. — Не подумав, ляпнул Роланд.

— И овечий загон! — Подхватила я.

— И его! — Махнул он, войдя в раж.

— По рукам! — Мы церемонно шлепнули друг друга ладошками. — И сроку нам-неделя!

— Вот где вы, негодники! — Мое ухо привычно оказалось зажато в знакомых цепких пальцах. Подпрыгнув, Цинь и Роланда умудрилась прихватить. Рыцарь согнулся в поклоне и заныл.

— За что? Учитель, мы ведь все делаем, что вы и велели нам. — Роланду пришлось семенить, поскольку старушка куда-то нас целеустремленно тащила.

Со стороны это наверняка смотрелось забавно, и, если бы не мое ухо, зажатое как в тисках, я бы точно посмеялась.

— Вы, всерьез думаете, что медитация сама себя помедитирует, а меч сам собой пофехтует? — Цинь еще сильнее сжала пальцы. Мы синхронно застонали.

— Неет, учитель, мы так не думаем. — Выдавили мы из себя, продолжая перебирать ногами.

— Но мы чистили курятник, как вы и велели. — Я попыталась осторожно высвободить

уху, но это привело только к тому, что Цинь еще сильнее сжала пальцы.

— Лично ты изволила нежиться в постельке до обеда. — Цинь и не подумала сменить гнев на милость. — А ты, — Роланд сдавленно застонал, — ты вообще... не смог ее разбудить, потом испугался куриц, только и знаете бездельники, что набивать свои бездонные животы и спать. Вы позорите Академию! Вас никогда даже охранником не возьмут, да что охранником, вы умрете в Академии от старости, ибо ленивы и бездарны!

Видя, что Цинь оседлала любимого конька, мы не решались прервать ее, так что оставалось только перебирать ногами и молча слушать.

— Здоровье лошади во многом зависит от состояния ее копыт. — Начал свою лекцию Роланд.

После долгих препирательств, мы все же решили, что вначале он мне сам все расскажет и покажет, и только потом я должна буду сама все повторить. А иначе мои неумелые действия могут повредить подопытную лошадь. Так что я сейчас стояла, ровно выпрямив спину, и покорно внимала лекции рыцаря. А тот и рад был стараться.

— У лошадей с запущенными, нерасчищенными копытами часто растягиваются связки и сухожилия, возникают болезни копыт. Стало быть, правильный уход за копытами — одно из условий сохранения работоспособности лошади. — Роланд почесал вначале в своем затылке, потом погладил морду маленькой мохнатой лошадки, которую рыцарю удалось выпросить на конюшне Академии.

— Для того чтобы правильно ухаживать за копытами, нужно знать их анатомо-физиологические особенности: копыто состоит из основы кожи и роговой капсулы и подразделяется на кайму, венчик, стенку и подошву. Вот, смотри. — Рыцарь покрутил в пальцах послушно поднятую ногу лошади, поочередно тыкая пальцами в разные части ноги.

Я переступила с ноги на ногу.

— Уход за копытами предусматривает содержание их в чистоте, поддержание нормальной влажности и упругости копытного рога, регулярную расчистку и подковывание копыт, сохранение их нормальной формы. Копыта следует ежедневно, при чистке лошади и возвращении ее с работы, осматривать, предварительно удаляя с подошвы деревянным ножом грязь и навоз. Хорошо обмывать копыта водой, но после этого важно досуха вытирать кожу под щеткой. Для сохранения влаги в копытном роге полезно покрывать поверхность копыта тонким слоем жира или вазелина, протерев рог тряпкой. Ты все поняла? — Строго спросил он меня, видя, что я слушаю недостаточно внимательно. — Повтори, что ты поняла?

— Что ноги лошадям надо мыть. — Послушно повторила я. — Только их обычно же целиком моют, то есть чистят.

— Ладно, для твоего скорбного женского разума, этого, наверное, достаточно. — С сомнением опять почесал свою лысую голову рыцарь. — Продолжаю. Подкова представляет собой металлическую пластинку, изогнутую по форме подошвенного края роговой стенки копыта. На подкове различают ветви наружную и внутреннюю. Поверхности у подковы — верхняя и нижняя, края подковы — внутренний и наружный. У подковы имеются гвоздевые отверстия и отворот. Пока все понятно?

— Да. — Опять покивала я. — Это вот подкова. — Ткнула я пальцем в полукруглую полоску металла. А что используют? Ну, в смысле, молоток там, или еще что?

Роланд грустно вздохнул.

— Ты уверена, что все же хочешь сама попробовать?

Я почесала голову, где уже пробивался редкий пушок волос. И все же закивала, хотя уверенности у меня было гораздо меньше, чем ранее.

— В комплект инструментов, необходимых для подковывания лошадей, входят: ковочный молоток, ковочные клещи, обсечка, копытный нож, секач, копытный рашпиль, шиповой ключ и лапа для отвинчивания и ввинчивания шипов. — Продолжил Роланд.

Из двери конюшни высунулся голый по пояс конюх. Посмотрев на набор инструментов рыцаря, он уважительно присвистнул, но вмешиваться не стал, и спрятался обратно.

— Перед подковыванием осматривают конечности лошади и устанавливают, нет ли признаков той или иной болезни копыт, препятствующей подковыванию. — Роланд опять поднял копыто лошади и вновь придиричиво его осмотрел. — Обращение с лошастью во время подковывания должно быть спокойным, смелым и вместе с тем осторожным. Большинство лошадей при подковывании ведут себя спокойно. Иногда лошади, не приученные к подковыванию или в силу своей строптивости, не позволяют прикасаться к конечностям.

Лошадь во время этой демонстрации вела себя довольно спокойно. Приободренная поведением лошади, я уверенно ухватила ее за вторую ногу.

Лошадь скосила на меня глаз и спокойно ногу выдержнула из моих пальцев, только что, не покрутив копытом у виска.

— В этих случаях лучше наложить закрутку на губу, закрыть животному глаза ладонями. — Спокойно продолжил Роланд, поглаживая учебное пособие. Лошадь доверчиво положила ему голову на плечо. — Неспокойных лошадей перед подковыванием следует пускать на пару часов в работу. Несколько утомленные работой лошади ведут себя при подковывании спокойнее. Не рекомендуется излишне оттягивать конечности лошади в стороны и назад, так как это вызывает у животного болевые ощущения и оно старается освободить конечность. Вот ты например, так схватила ее за ногу, что я тебя на ее месте так бы приложил копытом по лбу. — Рыцарь аж закатил глаза от открывшихся ему перспектив. — Жаль, что она такая флегматичная. — Со вздохом заключил он.

Я обиженно насупилась.

— Ты же обещал научить. — Раздраженно заметила я.

— Нет. — Замотал рыцарь. — Я сказал, что тебе никогда этого не сделать. И обещал показать. Тебе это просто не дано. Неужели, ты еще этого не поняла?

Я пожалала плечами, но потом замотала головой.

— Нет, продолжай. Я все же хочу попробовать.

— Не следует также высоко поднимать конечность лошади, поскольку это создает неудобство при подковывании. Подковывание заключается в подготовке копыт и прикреплении к ним собственно подковы.

— Тебе никогда не говорили, что ты страшный зануда?

— Говорили. — Согласился Роланд. — Но мне страшно за жизнь лошади, если она попадет в твои кривые руки.

— Ладно, продолжай. — Я осторожно погладила лошадь по носу. Пока она стояла спокойно, то не казалась такой страшной.

— Вначале лошадь надо расковать, если она до этого была подкованной. — Послушно продолжил Роланд. — Также надо расчистить копыто, то есть убрать «мертвый» рог, снять мерки с копыта и придать копыту форму. Если лошадь доставлена с грязными копытами, их следует вымыть и обтереть сухой ветошью.

— Да, поняла я уже, что вначале надо помыть лошадь. Я же не такая глупая, как ты думаешь! — Я уже начала сердиться. — Просто покажи мне весь процесс.

— Я стараюсь! — Покраснел рыцарь. — При расковывании сношенные подковы надо снимать с копыта осторожно, чтобы не повредить копытного рога. Расковку проводят с использованием обсечки, ковочного молотка и копытных клещей. Вначале легкими ударами молотка по головкам гвоздей уменьшают прочность связи гвоздя с рогом. Затем ударами молотка по обсечке отгибают или отсекают его гвоздевые заклепки. При этом большим пальцем левой руки, в которой держат обсечку, опираются на нижнюю поверхность ветви подковы. Это необходимо для того, чтобы обсечка не соскальзывала при ударе по ней молотком дальше барашка и не могла повредить венчик или поцарапать стенку копыта. — Все это рыцарь сопровождал аккуратными скупыми движениями. Лошадь доверчиво держала ногу, и, кажется, даже наслаждалась процессом.

— Ну, вот и все. Мы ее расковали. — Роланд, вытер рукавом вспотевший лоб. — Сейчас помоем эту ножку, и снова закуем. Это надо сделать так, чтобы обеспечить прочность подковывания и в то же время не вызвать травматических повреждений чувствительных частей копыта, лежащих под роговой капсулой. — Рыцарь сопровождал свои слова действиями и выпустил ногу. Лошадь, переступила с ноги на ногу и, по всей видимости, осталась довольна. — Процесс прикрепления подковы разделяется на следующие стадии: забивание подковых гвоздей, притягивание подковы, заделка барашков. Следует отметить, что подкованные копыта растут медленнее, чем неподкованные. У жеребцов рост рога происходит медленнее, чем у кобыл и мерин. Задние копыта растут быстрее передних.

Роланд посмотрел в мои грустные глаза и добавил:

— Впрочем, тебе это не обязательно знать. Ты все равно не сможешь сама подковать лошадь. Своего мнения я пока не могу изменить.

Несмотря на эти слова, рыцарь помог мне правильно взять лошадь за ногу. Лошадь скептически посмотрела на меня, но осталась стоять. Следуя скупым указаниям Роланда, мне удалось убрать предыдущую подкову и вымыть копыто.

Приободренная успехом, я с размаха насадила на копыто подкову. Лошадь стойчески вытерпела эту процедуру, но Роланд с размаху отвесил мне затрепину.

— За что? — Возмутилась я, отпуская ногу и любуясь делом рук своих. — Все идеально вышло.

— Я тут для кого распинаясь столько времени о том, как аккуратно нужно все делать? Ей же больно! — Рыцарь принялся ласково наглаживать лошадь, шепча ей такие признания в любви, что любая девушка бы растаяла. На лошадь тоже вполне себе действовало.

Роланд хоть и злился, но все же позволил мне попробовать еще раз. Я потерла затылок, и провела операцию еще раз. В третий раз вышло почти идеально.

— Вот видишь, все вполне возможно. Даже для такой скорбной умом, как я. — Я горделиво приосанилась, помахивая молотком.

— Не уверен, что ты сможешь повторить все самостоятельно и с норовистой лошастью. — Все еще скептически протянул Роланд.

— А я сомневаюсь, что ты сможешь почистить курятник. Даже если я покажу тебе, как это делается, и прочитаю столь же длинную и бесполезную лекцию. — Я раздраженно бухнула молоток на специальную подставку.

— Ладно. — Был вынужден признать свою неправоту рыцарь. — Пойдем чистить курятник. Только помни, ты мне обещала подробную лекцию.

Роланд мерзко захохотал, легко уворачиваясь от моего подзатыльника.

ГЛАВА 5. ПРОСВЕТЛЕНИЕ

— Бездельничаете, бездари!

Мы с рыцарем молча закатали глаза и перед тем, как повернуться к учителю натянули на лица свои самые доброжелательные улыбки.

— Курятник сам себя не почистит! — Старушка сегодня была настроена на редкость благожелательно, и даже не вытянула нас поперек хребтов палкой. Только угрожающе помахала ею в воздухе.

— Я же почистила! — Удивилась я.

— Да? — Учитель деланно усмехнулась. — Почему же он тогда такой грязный?

Мы недоумевающе переглянулись. Но старушка грозно похлопала палкой по сухой морщинистой ладони, и мы послушно побрели в указанном направлении. Правда еще пара угрожающих хлопков прибавили нам скорости.

Курятник и впрямь потрясал наше воображение. Пол был загажен, а в самом курятнике зияли огромные дыры. И если мои глаза меня не обманывали, то пол был загажен не столько самими курицами, сколько людскими экскрементами. С учетом их количества, было просто непонятно, откуда столько взяли. Словно всей Академией ходили сюда справлять нужду.

— Ну и как вы убилась? — Грозно спросила учитель. — Да здесь годами не убирали.

— Это не курицы! — Вякнул рыцарь.

— Я незаметно пнула его ногой.

— Простите, учитель. — Смирненно пробормотала я. — Мы уберем еще раз.

— И курятник почините. — Учитель грозно хлопнула палкой. — Небось, от постройки туалета доски еще остались.

Я закивала, отбивая поклоны.

— Ну и почему ты дерешься? — Грозно спросил Роланд, стоило учителю скрыться из вида.

— Не стоит злить учителя. — Миролобиво заметила я. — Она и сама прекрасно видела, что это не курицы. Небось, сама и гадила сидела.

Рыцарь прыснул в ладошку, видимо представив себе этот процесс.

— Ничего святого у вас, узкоглазых нет. — Буркнул он.

— На себя посмотри, каланча. — Буркнула я. — Где ты только такое воспитание получил, словно не благородный, а мужлан неотесанный.

Рыцарь вспыхнул, но промолчал.

— Иди, — махнул он рукой, — убирай в очередной раз свой курятник.

— Э, нет. — Довольно протянула я. — Ты проиграл. Обещал сам почистить курятник.

Рыцарь побледнел и уже другими глазами посмотрел на курятник.

— Ша! — Воскликнул он. — Ну, пожалуйста, я же не могу копаться в этом?!

— Что же тебе мешает? — Удивилась я, с относительным комфортом располагаясь на хлипкой ограде. — Когда мы чинили туалет, вполне мог.

— Ша! — Взгляд рыцаря стал совсем умоляющим. — ну помоги!

— Спор есть спор! — Воскликнула я. — Так что лопату в руки и вперед.

— Ты тогда читай лекцию! — Зло буркнул рыцарь, в самом деле берясь за лопату.

— Да, легко. Махнула я рукой. — Первый курятник был построен лично первым птичником Великого Императора Эр Шихуанди. Пусть дарует ему Небо всяческих благ! А дс

этого птицу держали в доме. А этот мудрый человек воскликнул: «Не место птице в доме! Птица, хоть и близка к небожителям, а все же курица!» Ну и построил отдельный сарайчик для птиц. Посмотрел на дело рук своих и понял, что это хорошо.

Я врала вдохновенно, рассказывая о несуществующих людях, что привносили свой вклад в развитие содержания куриц. На самом деле, откуда мне домашней девочке из приличной семьи, знать устройство курятника и правила содержания куриц.

— И тогда возникла традиция делать курятники из камня. — Закончила я свою речь.

— Что за бред. — Воскликнул рыцарь, тяжело опираясь на лопату. — Кто будет делать курятник из камня. Тратить дорогой камень, если полно других материалов.

— Почему бред. — Пожала я плечами. — Это у тебя на Родине камень дорогой, а дерево дешевое, у нас есть места где наоборот.

— А еще надо обязательно сделать окна! — Воскликнула я. — Здесь курочки так плохо несутся, потому что им темно. И, наверное, страшно! Были бы у них окна, было бы им веселее.

— Чувствую, дуришь ты меня! — Воскликнул Роланд. — Ну, какие окна, они же разбегутся по округе просто.

Я задумчиво почесала голову.

— Еще как разбегутся. — Я покивала. — А мы их будем ловить.

— Зачем же для этого делать окна?! — Серьезно спросил парень. — Можно же просто досочку не до конца приладить, ты ночью подкоп сделаешь, да выкрадешь нам курочку. А утром скажем, ой, убежала.

— Смотрю, ты схватываешь налету! — Одобрительно покивала я. — А ты знал, что первых куриц завели не для мяса или яиц?

Рыцарь удивленно вытаращился на меня.

— Да-да. — Я покивала, почесав зудящую голову. — Петушиные бои были очень популярны при дворе самого Великого Императора. Пусть дарует ему Небо всяческих благ! Вот помню, отец держал петухов. А куриц нет. Яйца тетя Ли на базаре всегда покупала.

— От этого курятника, одна вонь! — Передразнила я дражайшую тетушку, которую никогда не любила. Впрочем, наши отношения были вполне взаимными.

— Еще из фактов курятников. — Припомнила я. — Для того чтобы курицы исправно неслись, петух им совсем не обязателен. А вот если цыплят разводить, тогда да, без петуха никак. Почему бы здесь им не завести еще одного петуха?!

— Сразу видно, — рассмеялся рыцарь, — что в устройстве курятника ты все же ничего не понимаешь. Кто же будет держать двух петухов. Они только и будут делать, что драться. Нервировать куриц, они начнут хуже нестись, и зачем это. Я тебя подловил, ты ничего не смыслишь в курятниках.

— Зато я смыслю в курице. — Раздраженно буркнула я, уличенная во вранье. — А ты я смотрю решил до вечера тут возиться.

— Так а куда мне торопиться. — Усмехнулся рыцарь. — Если меня спросит учитель, то я скажу, что ты мне не помогала. Поэтому я так долго возился.

— Ах ты, засранец! — Разозлилась я окончательно. — Ты, куриный потрох.

— Сама дура, и имя у тебя дурацкое! — Показал мне язык рыцарь.

— Можно подумать, твое имя лучше. — Усмехнулась я, неожиданно успокаиваясь. — Лонадэ- «добродетельная монета». Глупость какая.

— А называться «дурак» типа гораздо лучше? — Усмехнулся рыцарь.

— Конечно. — Покивала я. — Это же отпугивает злых духов. Уберегает от глупости на самом деле. А тебя твое имя оберегает только от богатства.

— Мое имя значит «Прославивший страну»! — Ответил Роланд. — А не дурацкие монеты.

— Ну так и опозоришь ее. — Отмахнулась я. — Надеюсь, только что свою, а не мою. А ты приперся тут позориться. Что у себя дома не сиделось?

— А тебе? — Роланд начал злиться. — В твоём почтенном возрасте положено детей рожать, дома сидеть, шелка носить, мужа улаживать.

— Тебя забыла спросить, что мне делать. — Разозлилась я окончательно.

И кинула в парня камушком. Тот тоже не стал нежничать и кинул в меня содержимым лопаты. Но не попал. Я вовремя прогнулась в спине, и содержимое лопаты просвистело мимо. Одновременно я зачерпнула ладонью горсть мелких камушков, крутанулась на пятке и отправила камни в сторону рыцаря. Тот тоже, впрочем, в Академии не только навоз чистил, и легко от большей части отмахнулся той же лопатой, разбрызгивая ее содержимое. Камушки разлетелись веером, пара чиркнула по щеке Роланду, часть срикошетила от сарая, и впиалась ему в шею. Ко всему прочему и с лопаты часть гуано брызнуло на рыцарское породистое лицо.

— Вот дьявол! — Ругнулся Роланд. — Ты мне за это ответишь!

Он бросил лопату и погнался за мной. Здесь я признаться порядком струхнула, все же он огромная машина, словно созданная для убийства мне подобных. Поэтому я развернулась и дала стрекача. Рыцарь бегал тоже неплохо. Впрочем, на середине лестницы он здорово подустал, я же полная адреналина скакала сразу через три ступеньки, стараясь не смотреть по сторонам и не потерять концентрацию.

Однако в какой-то момент моя нога подвернулась, и я полетела вниз.

— Ша! — Закричал Роланд, прибавляя ходу.

Я попыталась извернуться в воздухе и вцепиться хоть в какую-то точку опоры, но руки неизменно ловили пустоту. Наконец, как-то нелепо раскорячившись, я затормозила. В руке что-то хрустнуло, но бесконтрольное падение прекратилось.

— Фуф! — Рыцарь добежал до меня. — Ты живая?

Я с сомнением покивала. Попробовала подняться, вначале на четвереньки, потом целиком. Ноги дрожали и не хотели держать мое тело, меня ощутимо шатало.

— Держись, неудачница. — Рыцарь подставил мне плечо.

— Фу. — Я скривила нос. — Кто бы говорил. Ты весь в какахах.

— Ну, тогда иди сама. — Не стал настаивать Роланд. — Не бойсь, бить не буду. Наносить тебе тяжелых увечий все равно не входило в мои планы.

Кое-как, ковыляя, и потихоньку переставляя ноги, я добралась до верха лестницы. Сзади меня бдительно контролировал рыцарь.

— Добаловались, шакальи дети. — Злобно встретила нас вверху учитель. — Ты, — ее узловатый палец ткнул в рыцаря, — чтоб шел дочистил курятник. Да, чтоб там с пола есть можно было. А ты, — пребольно ткнула она мне в бедро, — живо за мной.

Учитель привела меня в свою келью. До этого момента я никогда не была в месте проживания учителей и поэтому вовсю крутила головой. Келья была более чем скромной: узкая лавка, низкий столик со стопкой циновок, и ряд полок со всякими снадобьями, притираниями и свитками.

— Не вертись, шавка драная. — Дернула меня за подол рубахи учитель. — Сюда ляг.

Она заставила меня лечь на пол, где был постелена плетеная из бамбука циновка. Задрала мою рубашку и ощупала своими длинными узловатыми пальцами.

Достала мешочек игл и начала втыкать их в живую меня.

— Учитель! — Застонала я, уже на первой иголке. — За что! Ну, побегали немного. Это же пытки!

— Лежи, дура. Это иглоукалывание называется. Лечу я тебя, бестолочь неуклюжую.

— Но у меня ничего не болит! — Воскликнула я.

Я слышала про иглоукалывание, но прежде на здоровье мне жаловаться не приходилось, поэтому я и помыслить не могла, что это настолько больно.

— Да? — Удивилась учитель. — И даже сломанная рука?

Она как-то хитро коснулась моей левой руки, и тут я ощутила дикую волну боли в этой конечности.

Крик сдержать я смогла, но не слезы, что неудержимо покатались по щекам.

— А еще воин великий. — Нахмурилась учитель. — Терпи, дурная.

— Пустите. — Во избежание еще больших болевых ощущений, я старалась не вертеться и не отмахиваться, но сдержать поток слез было выше моих сил.

— Теперь я знаю, как вас наказывать. — Довольно усмехалась учитель, продолжая тыкать в меня иголками.

Превратив меня в подобие ежа, она достала толстые сигары, подождала и стала окуривать меня.

Лежать было трудно, иглы при каждом моем вздохе пульсировали в теле, рождая новые волны боли, от сигар горели легкие, хотелось кашлять, но кашлять ни в коем случае было нельзя, это приводило к содроганию всего тела и новым болевым виткам. Кажется, пытка продолжалась вечно. Но, когда учитель вынула из меня иглы, и привязала мою руку между двумя досками, а затем и отпустила, то солнце на улице едва сменило свое положение.

Помахивая зафиксированной рукой, я предвкушала облегчение трудовой повинности, а то и уменьшение тренировок.

— Куда пошла. — Рыкнула учитель. — А ну быстро на площадку. Отрабатывай «стойку всадника». Раз уж ныне безрукая.

На площадке было жарко. Занятия проходили под палящим солнцем, мы могли часами стоять в одной и той же позе, причем даже дышать можно было лишь строго определенным образом.

С забинтованной рукой стоять в нужной позе было ужасно неудобно. Дело в том, что помимо согнутых ног, расположенных параллельно друг другу и прямой поясницы, руки надо было держать согнутыми в локтях и со сжатыми кулаками. Одну руку я расположила надлежащим образом, вторую же, в повязке пришлось оставить безвольно висящей вдоль тела.

— Ужасно. — Учитель Цин поправила мою стойку палкой, пребольно ткнув меня под коленку.

Я послушно поправила ноги.

Палка ткнула меня в поясницу.

Пришлось и там прогнуться посильнее.

Палка очертила в воздухе круг, но к руке претензий не было.

Я так стояла очень долго. Очень. Солнце продолжало свой неизменный путь по

небесному своду. По моим вискам текли капли пота, но я не смела пошевелиться. Ног я уже давно не чувствовала, рук и всего остального, впрочем, тоже. Был лишь стук крови в ушах, который вскоре сменился спасительной темнотой.

Очнулась я вновь утыканная иголками. Перед глазами плясали мошки, голова кружилась, а во рту было так сухо, что облизывание губ языком ничуть не помогло.

— Я считала, что вы повыносливее будете. — Поймала мой взгляд учитель. — Не дергайся, — посоветовала она мне, — хуже будет.

Я подумала, что хуже уже вряд ли будет, и попробовала встать.

Сухая морщинистая рука легко пригвоздила меня обратно к циновке. И это оказалось правильным решением. За те несколько секунд я почувствовала жуткую слабость и тошноту. А уж как болела рука.

— Пей. — Ворчливо произнесла учитель. Губ моих коснулось живительное питье, и я радостно сделала глоток. Учитель торопливо зажала мне нос и рот. Мне не осталось ничего иного, кроме как глотнуть. Это было ужасно: горькое и одновременно кислое, с мерзким тошнотным привкусом. Сделав первый глоток, я была уверена, что уж второй-то раз не попадусь на удочку учителя, но вновь мой нос зажат, и не смотря на попытки терпеть, рот вновь наполнен этой гадостью. Я бы хотела сказать, что сама не заметила, как все выпила, но нет, каждый глоток я заметила, и каждый был не легче пытки иглами.

— Вот и молодец! — Потрепала меня по щеке учитель. — А теперь лежи еще немного, потом я вытащу иглы и будем делать массаж.

Я честно старалась просто лежать.

— У тебя сильный жар в печени. — Задумчиво произнесла учитель, втыкая в бедную меня еще пару лишних игл. — А в легких, наоборот холод. Из-за этого течение ци в организме нарушено. Ты и руку сломала из-за нарушенной ци.

Я старалась лежать тихо. Впрочем, не так-то просто спокойно лежать, когда в тебя тычут иглы. И я впервые столкнулась с тем, чтобы путали причину и следствие.

Наконец, учитель перестала бубнить и начала вынимать иглы. Кстати, если раньше я думала, что их больно только втыкать, то я была не права. Вынимать тоже было больно. Гораздо больнее, нежели просто воткнуть иглу в живого человека. В месте прокола возникала тянущая пульсация, которая кругами расходилась по организму. И, осмелюсь надеяться, что приводила в порядок течение этой ци, грела холод и охлаждала жар.

Я думала, что иглы- это больно? Я ошибалась. Массаж от учителя Цин оказался еще больнее. Своими крепкими руками она разминала каждую клеточку тела, кроме поврежденной руки. Ее она словно не видела. Во время массажа она втирала какие-то пахучие мази и окуривала мое бедное тело своими вонючими сигарами.

Но наконец и эта пытка закончилась.

— Мне и самой интересно, что из этого получится. — Глубокомысленно заметила учитель. — Как жаль, что ты уже такая старая.

Я послушно покивала головой. Не знаю, что из меня выйдет, но уверена, что ничего хорошего. Все хорошее нужно мне самой, не хотелось бы, чтобы оно вышло и ушло.

— На полянку, пока не заживет рука не ходи. — Заметила учитель. — Зато можешь сходить на ужин.

Я радостно подхватила. Пришлось, правда, придержаться за пол рукой, когда перед глазами опять замельтешили черные мушки.

— Аккуратнее. — Воскликнула учитель. — Я извела на тебя кучу своих средств, не хочу чтоб мои усилия были зря.

Я послушно выпрямилась и пошла ровнее.

Для начала я заглянула в трапезную. Там уже, конечно, никого не было, но у меня теплились смутные надежды, что возможно где-то заваялась хоть одна пресная лепешка. Ибо манипуляции учителя — это, конечно, хорошо, но хотелось бы и еды подкинуть моему бедному организму.

К сожалению, дежурил сегодня Линь. С одной стороны, это давало надежду, что еда осталась. С другой стороны, если еда осталась, это говорило бы только о том, что есть ее было совершенно невозможно.

— А, это ты. — Уныло протянул Линь- нескладный худой подросток с ушами разного размера. — Рис будешь?

Я полагала, что рис невозможно испортить. Я ошибалась. Он был разварен в какую-то невнятную клейкую массу, пресного вкуса и с дымным подгорелым запахом. Впрочем, мне не приходилось привыкать, и я зажав нос, старательно запихала в себя эту массу. Благо лепешки явно пек кто-то другой, и мне удалось обманом выклянчить аж целых две. Которые я поторопилась съесть, пока кто-нибудь не отобрал.

Радостная от осознания, что сегодня мне достался ужин, я поспешила скрыться в нашей узкой и холодной келье. Где нынче обитало аж с десяток послушников. И лишь я да, Хуа были женского пола. Впрочем, умирляли плоть в этой Академии весьма хорошо. У учеников вечером не оставалось сил, чтобы безобразничать, а если бы и оставались, вероятно, учителя полагали бы это нашими с Хуа проблемами.

Впрочем, с нами жил рыцарь. Вот уж кто отличался поистине странным благородством.

— Скажи, — я ткнула пальцем в бок парню, — ты испугался, когда я начала падать?

— Конечно. — Глухо ответил Роланд. — Больше так не делай.

— Как так?! — Я легко плюхнулась на циновку рядом с ним и приготовилась опять безнаказанно тыкать в него пальцем. Я пользовалась тем, остальные сейчас на вечерней тренировке, а меня учитель Цин вроде как отпустила до завтра. Чем же рыцарь заслужил себе подобную поблажку, даже думать не хотелось.

— Больше не пытайся убиться. — Серьезно ответил рыцарь. — Давай вообще побратаемся?

— Что? — Уставилась я на него. — С чего бы это?

— Ну, ты мой первый друг здесь. — Ответил рыцарь. — Иногда ты мне помогаешь, а иногда ужасно раздражаешь!

— Ты меня тоже! — Призналась я. — Но, — я прислушалась к своим ощущениям, — я к тебе привыкла?!

— Я к тебе тоже. — Признался рыцарь. — Ладно, раз ты не хочешь брататься, то я потом на тебе женюсь.

— Да ты с ума сошел! — Вскочила я. — К демону!

— Ты чё? — Воскликнул рыцарь. — Я — хорошая партия, да и ты не благородная принцесса.

— Не собираюсь замуж. — Отчеканила я. — Не для того я тут здоровье гроблю, чтоб замуж потом выйти.

— Это же самое главное для женщины! — Удивился рыцарь.

— Учитель Цин не замужем. — Привела я, убойный с моей точки зрения аргумент.

— Ну, — рассудительно заметил Роланд, — во-первых, мы не знаем. Во-вторых, может, замужем. В-третьих, может вдова. В-четвертых, может, она хотела, но ее просто никто не взял.

Я склонила голову, признавая свое поражение.

— Нет. — Все же ответила я. — Давай пока просто дружить. Нам здесь не до всяких глупостей.

— С одной стороны ты права. — Задумался рыцарь.

Я знатно напряглась. Обычно он так задумывается, перед тем как сотворить очередную глупость.

— Пойдем. — Поднялся рыцарь. — Мы пойдем к учителю и спросим у нее.

— Ты дурак! — Воскликнула я. — Зачем мы к ней пойдем. — Сейчас она про нас не помнит, мы можем немного полежать. А так мы сами к ней придем, и она нас заставить работать. Или тренироваться. Или еще что-нибудь придумает, гадостное.

— Ну тренироваться нам надо. — Заметил рыцарь. — Мы сюда за этим и пришли.

— Но зачем нам злить учителя?! — Ныла я, тащась следом за рыцарем. Самым разумным было бы лечь спать, но я зачем-то шла следом за ним.

— Учитель. — Рыцарь поклонился почти правильно. Я скромно склонилась следом, своим видом пытаясь показать, что я не с ним.

Учитель легко спрыгнула с беседки, где стояла в вертикальном шпагате. Помню, дедушка меня тоже так заставлял стоять, я плакала, а он лишь смеялся и говорил, что я смогу, я же тоже крови Хоу.

— Вы никак решили потренироваться лишней раз? — Удивилась учитель. — Похвально-похвально.

— Это так, учитель. — Склонил голову рыцарь. — Но еще мы бы хотели припасть к Вашей мудрости.

— Хм. — Удивилась учитель. — Ну, припади. Тут прям?

Рыцарь покраснел и начал вяло оправдываться.

— Так чего хотел-то? — Прервала его словоизлияния учитель Цин.

— Я хотел спросить, может ли Ша выйти за меня замуж.

— Хм. — Учитель задумалась. — Я думаю, что не сможет.

Наконец произнесла она.

— А вы замужем? — Выпалил рыцарь.

— Ты думаешь, раз она не может, то хотя бы я смогу? — Удивилась учитель. — Все настолько плохо?

Рыцарь покраснел.

— Нет, — заикаясь, начал он. — Я имел в виду, что может быть женщинам-воинам нельзя выходить замуж и все такое.

— Ну, вот ученикам точно нельзя все такое. — Передразнила учитель. — Вам полагается смирять плоть и все такое. — На слове «и все такое» голос учителя становился особенно противным. — Но мы все прекрасно знаем, что в соседней деревне вы прекрасно сбрасываете напряжение. Так с чего ты вдруг воспылил земной любовью к бабушке?!

Рыцарь стоял красный как рак, и уже не пытался оправдываться, прекрасно осознавая, что с каждым новым словом он будет обсмеян лишь сильнее.

И тут я согнулась и меня начало неудержимо рвать.

— Хм! — Задумчиво произнесла учитель, глядя, как меня выворачивает.

— Ша! — Воскликнул рыцарь, на всякий случай, отходя подальше. — А ты заразная?

— Ты же сам предлагал пожениться. — Прохрипела я между спазмами. — Как там у вас говорят, в горе и радости до самой смерти...

— Я, похоже, погорячился. — Пробормотал Роланд, но я его услышала.

— Я не заразная, если ты не ел стряпню Линя. — Ответила я. — Но я сейчас все равно умру.

Мне было ужасно плохо.

Через какое-то время учитель принесла очередной отвар. На вкус он был ничуть не лучше предыдущего, но я мужественно пила. Я делала глоток, меня выворачивало, я делала еще один, та же реакция. Все было бесполезно, и я в самом деле была уверена, что скоро умру. Вскоре я легла на землю, ноги меня больше не держали.

Учитель принесла еще одну кружку. У этого отвара вкус был другой.

— Мне кажется, вы хотите угробить ее? — Мрачно сказал рыцарь, заметив, что мне от лечения становится только хуже.

— В чем смысл прихода Бодхидхармы с Запада? — Спросила я.

Учитель тут же подсунула мне новую кружку. — И, о чудо! Мне стало немного легче.

— Ты как думаешь? — Спросила меня учитель.

— А откуда он еще мог прийти, если застава без врат? — Спросила я и засмеялась булькающим смехом. — А обладает ли собака природой Будды?

Учитель задумалась.

— Ну, да. — Задумчиво ответил рыцарь.

— Почему же тогда она все еще ютится в этом теле? — Спросила учитель.

— Она делает это осознанно. — Серьезно ответила я и изобразила хлопок одной ладонью.

— Кажется, она достигла просветления. — Буркнула учитель и куда-то умчалась.

Потом все было как в тумане. Я сидела на земле, хихикала и давала дурацкие ответы. Играла на дудочке без отверстий и хлопала себя по коленке.

— Собака заключена внутри ее породы- кармы! — Кричала я. — Она и обладает природой Будды и не обладает. Когда ненависти и любви нет, есть свет и ясность. Путь- великая вселенная избытка и недостатка нет.

Вокруг меня собрались ученики и учителя.

— Станешь гоняться за пустотой- отвернешься от нее. — Произнес учитель Мао.

— Если много говоришь и мало думаешь- несоответствий еще больше. — Ответила я ему.

— Не застревай в двух крайностях, ищи обретения их. — Произнес учитель Мао, опускаясь рядом со мной.

— Прекрати слова и мысли — сможешь проникать без препятствий во все. — Ответила ему я.

— Она достигла просветления. — Подтвердил учитель. — Завтра пусть перейдет во внутренний круг. — Отныне я буду твоим учителем. — Обратился он ко мне. Я на это лишь рассмеялась.

ГЛАВА 6. ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ

Во внутреннем круге Академии было скучно. Мои дни стали совершенно однообразными: утренняя медитация, начинающаяся еще затемно и длящаяся бесконечность. Потом скудный завтрак. После отработка стоек. После опять медитация, и обед. Потом длинная тренировка с оружием, прерываемая лишь на медитацию. Вечером обязательная беседа с учителем. Ужина у нас не было, иногда удавалось украсть с кухни лепешку. Порой, я так и не смогла выявить закономерность, нам давали чашку чая или какого-то отвара.

Моя рука вскоре зажила, и на тренировках меня перестали щадить. Было очень трудно. Почти все ученики здесь, а нас было всего девять человек, были сильнее меня. Так что мне приходилось терпеть постоянные побои, и стараться больше уворачиваться. Ученики тоже, к слову, невзлюбили меня. Впрочем, здесь, во внутреннем круге, никто никого не любил. Учитель явно выделял среди учеников Ли Шичжэня, который считал своим правом унижать любого, кто был слабее его. Здесь было в порядке вещей разбудить ученика ночью и начать бить его. Били, впрочем, до синяков, и сильных увечий не причиняли.

Первые дни учитель выделял меня, я была еще слаба и немного не в себе. Временами я начинала смеяться, но и отвечать во время наших безумных бесед не составляло труда:

— Сущность великого пути безгранична. — Сказал учитель, кивая мне на жесткую циновку, где ученику полагалось сидеть, хитрым образом переплеть ноги. — Нет ни простого, ни сложного.

Учитель глубокомысленно замолчал, явно ожидая ответа от меня.

Я задумалась. Меня потихоньку отпускало, и генерировать безумные ответы на безумные вопросы вновь становилось сложно.

— Те, кто подобно лисе сомневаются... — наконец, заговорила я, вспомнив собственную сущность, — чем больше спешат, тем задержатся больше.

Учитель глубокомысленно кивнул. После чего самолично налил мне чай. Даже отсюда было видно, что чай был слабенюкий. Впрочем, о подобном мне рассказывал дедушка. Поэтому я расплела ноги, с подобающим поклоном приняла маленькую чашку и поставила ее к духам предков. Учитель опять кивнул.

— Если привяжешься, утратишь меру, и свернешь на ложный путь. — Продолжил учитель.

Я восприняла это как прохождение мною первых этапов испытаний, и перед ответом опять медлила:

— Сущность постоянна- не приходит и не уходит. — Ответила я.

Учитель кивнул и отпустил меня на вечернюю тренировку.

Первое время другие ученики не трогали меня, присматривались. Но чем больше учитель проявлял ко мне внимания, тем злее становились их взгляды. Я ждала подвоха. И он произошел.

Едва с моей руки сняли лубки, в ту же ночь меня разбудили пинком под ребра. Я была и готова, и не готова к этому. Я перекатилась, юркнув под циновку Толстого Суня, юркой лисой прошмыгнула вдоль стены. Но их было много, семь человек против меня одной. Лишь сам Толстый Сунь не принял участия в этой потехе. Он был толст и глуп, не знаю, чем он заслужил свой нейтралитет, но его не трогали. Он хоть и был во внутреннем круге, но словно

не со всеми.

Оценив обстановку, я юркнула под руку хромого Ше, и выскочила в окно. Гнались за мной до самой деревни. Не остановили их ни тысяча ступенек, ни бамбуковый лес, где чтобы перебежать через ледяной ручей, надо было пройти по тонкому стволу бамбука, ни небольшой камнепад, что я устроила в их честь. И лишь в деревне я смогла уйти от погони, притаившись на чердаке.

Я сидела самой тихой мышкой, слушая, как они шарахаются по деревне и ругаются, не понижая голоса.

Первым от компании отбилась Ше. Он спокойно зашел в один из домов и потребовал себе молока.

Пока испуганная хозяйка доила козу, я спокойно кинула в молоко горсть трав. Я стояла за спиной бедной запуганной женщины, и она не видела меня. Травы легли на дно кружки, надежно скрытые за молочной пенкой.

Ше приняла кружку, поданную как положено с поклоном и дрожащими руками. Но не успел он выпить и половины, как схватился за живот и рванул до ближайшего деревянного домика.

Я подобрала кружку, брошенную им, и утопила в дальней яме для отходов.

— Прячься. — Шепнула я и без того бедной женщине, вновь растворяясь в предрассветной тьме.

На утреннюю медитацию я вошла, как ни в чем, ни бывало. Хромого Ше не было, впрочем, Ли Шичжэнь был очень зол. Зол и молчалив. Он оценивающе смотрел на меня, явно придумывая, как отомстить.

Хромой Ше пришел лишь к обеду, за что получил десять бамбуковых палок и приказание учителя медитировать всю ночь. И он тоже недобро смотрел на меня.

В тот вечер я не сомкнула глаз, но месть, это такое блюдо, что подают холодным. Поэтому в ту ночь меня не тронули. Следующий день прошел как обычно, но я знала, что это затишье лишь временное, и была готова к нападению.

Я приучилась дремать на медитациях, вместо поиска единения и отрешения от всего мирского. Увы, после того приступа, состояние «сатори» больше не посещало меня, и иногда я думала, что это и к лучшему.

Учитель Мао временно переключился с меня на Хромого Ше, и тот все дольше и дольше проводил времени в его келье, постигая мудрость.

А потом Ше пропал.

Когда толстый Сунь на третий день поинтересовался судьбой Ше, учитель успокоил его, что Ше испросил дозволения медитировать пять дней на самой высокой горе, в надежде познать мудрость и получить просветление. Учитель дал ему это дозволение. Толстому Суню почему-то можно было задавать вопросы, и даже получать на них ответы. Впрочем, возможно, мне тоже можно было спрашивать, но я пока боялась. Я не понимала, что происходит. Почему Ли Шичжэнь так боялся потерять место первого ученика, мне было понятно, это и лишний кусок мудрости учителя, и возможно более быстрое получения мастера. Но вот самомнение Ли на мой взгляд было слишком завышено, с чего он взял, что это он первый ученик? Учитель пока ничего не объявлял, а такие вещи все же происходят публично. Так что парень пока что необоснованно примерял на себя это место. А учитель? Боюсь, учитель был мудр и читал наши души, словно простые иероглифы в детской песочнице.

Я же пока молчала, держала свое место при себе, и ела только из общего котла. Если учитель Цинь и научила меня чему-то, то лишь проверять свою пищу, и тому, что лучше иной раз поголодать, чем есть незнамо что.

На шестой день Ше тоже не объявился. Ну а после ученики из первого круга нашли его тело со свернутой шеей. Учитель Мао лишь вздохнул. И не стал брать себе еще одного ученика. А я? Что скрывать, я надеялась, что он захочет, чтоб число учеников вновь стало равным и возьмет себе и рыцаря. Признаюсь, без него мне было скучновато.

На следующую ночь Ли опять попробовал избить меня. Впрочем, на моей лежанке вместо меня оказался мешок с камнями. Так что он лишь отбил себе ногу, и чуть не получил себе прозвище Бо. До рассвета он зло бегал по Академии, в надежде найти меня и выместить злость. Я же сладко выспалась в хлеву, под потолочной балкой, куда ему и в голову не пришло заглянуть. На медитацию я явилась хоть и позже всех, но за секунду до появления учителя, так что справедливого наказания избежала. Все это время злоба копилась в Ли и явно ждала выхода.

На занятиях с оружием в пару мне попался Ли, и судя по его сияющим глазам, он собирался по полной воспользоваться выпавшим ему шансом.

Самое печальное, что мне досталась лансянь, в народе именуемая «волчья метла». Оружие только начало находить свое применение в царстве, и толком никто не умел с ним обращаться. Оно представляло собой разновидность копья, изготовленного из бамбука, с небольшим стальным наконечником, и рядом металлических крючков по бокам копья. В трактате «чжуфу чжи» говорилось, что техника боя лансянь настолько проста, что ею можно обучиться за то время, пока кипит вода для чая. Но, увы, это было не так. Само это сооружение весило немало, хоть бамбук и легкий материал, однако ж стальной наконечник и ряд крючков здорово его утяжеляли. К тому же сама конструкция была весьма громоздкой, и орудовать ею, не зацепив саму себя было весьма непросто. Осознав это Ли особенно гадостно заулыбался. Самому ему достался большой меч, что так и назывался «дадао», и он уже предвкушал, как нашинкует им меня, надолго выведя из строя. Я покрутила в руках метелку, приравливаясь к ее весу и песне, что рождал воздух. Хм. Если уж мне не удобно ей орудовать, то и сражаться против человека, вооруженного такой бандурой, тоже не так-то просто. Непредсказуемость, вот то, что может мне помочь если не победить сегодня, то хотя бы уцелеть.

Ли издал странный возглас, видимо призванный изображать боевой клич, и собрался одним ударом разрубить мое бедное несчастное тельце пополам. Однако ж я к такому исходу была совсем не готова, и легко уклонилась, сбив одним крючком метлы траекторию его меча и оказавшись сзади. Было велико искушение отвесить пинка его тощей заднице, но я не стала терять бдительности. Нельзя недооценивать противника, вдруг он специально подставился, чтобы хитрым приемом отхватить мне полноги. Конечно, наставники придумают мне протез, и, возможно, если я, конечно, выживу, мне даже позволят продолжить обучение.

Ли и впрямь быстро развернулся, и пошел на меня уже гораздо осторожнее. Я выставила свою метлу вперед, стараясь держать его на дистанции, маленькими шагами двигаясь по кругу. Мой план был просто, я хотела дожидаться чтоб солнце на миг ослепило его, и в этот краткий миг ткнуть его своим копьем.

Но, Ли тоже не даром ел хлеб учителя, он легко разгадал мой маневр, и резким взмахом меча, отбросил меня на пару метров назад. Все же он был сильнее меня, да и учился здесь с

детства. Я же после обучения у дедушки, потеряла пару лет, пока пыталась стать хорошей женой и матерью. Пока я пыталась восстановить равновесие, Ли лихим росчерком меча, прочертил длинный разрез мне на предплечье.

С трудом я восстановила равновесие, Ли был весьма силен, и меч, не смотря на свои огромные размеры пел свою веселую песню в его руках, мне все что оставалось, это отмахиваться своей метлой от него, и пытаться не подпустить его ближе. Крови вытекло немного, но и затягивать поединок смысла не было.

В какой-то момент я якобы зазевалась, споткнулась и прогибом ушла от атаки, оттолкнувшись рукой от утоптанной площадки. В следующий миг Ли радостно сократил дистанцию, и я бросила ему горсть мелких камушков в лицо. Его секундная заминка, и вот метла выбила меч из его руки. Длинный взмах, и на его груди красуется иероглиф моего имени.

Такого Ли мне никогда не простит. Да, рана заживет, но иероглиф «дурак» на его груди навсегда останется шрамом. Не всем дано нести это имя с гордостью. Я поняла, что из нас выживет только один. Хуже, что по глазам учителя я тоже это поняла.

Учитель кивнул, признавая победу за мной. Но он не выглядел довольным. Ли злобно вытер грудь своей рубахой. И я запоздало подумала, что если бы я ткнула метлой посильнее, то Ли бы не выжил, и, возможно, у меня было бы немного меньше проблем.

А вечером учитель собрал нас всех в зале для медитаций. Мы послушно расселись полукругом.

— Вы все славные ребята. — Начал учитель. — Ты, Ли, сильный воин, но тебе надо смирить гордыню, тебе надо больше медитировать. Поэтому я пока запрещаю тебе тренировки с оружием и назначаю вместо них дополнительные медитации.

Ли скрежетнул зубами и почтительно поклонился.

— Ты, Сунь неповоротливый и ленивый. — Продолжил учитель, — но ты мудр, пусть многие принимают твою мудрость за глупость. Я назначаю тебя старшим учеником. Раз вы не можете все жить в мире, ты, как старший ученик должен будешь проследить за созданием этого мира.

Все беззвучно ахнули, а теперь уже новоявленный старший ученик почтительно поклонился.

— Ты, Ма, — палец учителя ткнул в другого ученика, худого и нескладного, — слишком осторожен. Ты боишься увечий, а значит плохо дерешься. Тебе бы родиться женой чиновника, а не воином.

Ученики угодливо захихикали.

Учитель нашел для каждого из нас доброе слово.

— Ты, Ша, слишком коварна, как все женщины. А также ты женщина и это твой самый главный недостаток. Ты, подобно лисице, путаешь мысли и чувства ученых мужей. — Ткнул в меня пальцем учитель. — Я думал, просветление тебе поможет. Но, увы, как сказал великий Сунь И: «есть много дорог, что ведут к вершине. Лишь пейзаж не меняется».

— Что же делать, учитель. — Почтительно спросила я. — Ведь я не могу изменить природу свою?

— Медитируй. — Ответил учитель. — Тебе я добавляю отработок и медитаций. И тоже запрещаю пока касаться оружия. Ланьсянь наши предки сделали не для того, чтобы писать срамные иероглифы на своих братьях по оружию.

Я почтительно склонила голову, сделав вид, что раскаиваюсь.

Впрочем, учителя мой вид не обманул.

Ночью Толстый Сунь не дал бить меня.

— Нет. — Учитель велел жить в мире. — Пробурчал он, одной оплеухой укладывая Ли на его циновку. Спать надо ночью, а не драться. Днем подеретесь.

Ли неохотно подчинился. Я впервые отлично выпалась.

На утренней тренировке Ли выше вперед.

— Учитель. — Поклонился он. — Я прошу разрешить мне учебный поединок с Сунем за право называться первым учеником.

— Ты оспариваешь мое мнение? — Спросил учитель. И я поежилась, кажется даже воздух похолодал.

— Нет, учитель. — Почтительно ответил Ли. — Я считаю, что Сунь обманул Вас, и не ему носить это звание. Вы можете не называть меня первым учеником, но и Суню не носить этого звания!

— Любопытно. — Огладил длинную бороду учитель. — Я позволяю поединок, но не с Сунем, а с Ша. Она самая слабая сейчас. Если она победит тебя, то ты покинешь стены Академии, а если ты ее, что ж, тогда я дозволю поединок тебя и Суня. Помните, поединок до первого крови. И оружие пусть тоже выберет Ша.

Возле стенда с оружием я замешкалась. Ли был действительно хорош. Что бы я не выбрала, он во всем был лучше меня. Впрочем, учитель не ждал от меня чудес. По всей видимости, я должна была измотать его, чтобы Сунь наверняка смог одержать над ним победу. Так что мне можно было и проиграть. Правда учитель также припоминал мое коварство, но второй раз Ли не купится на трюк с песком в глаза, так что придется придумать что-то другое.

Я выбрала легкие мечи. Учитель покачал головой, только не знаю одобрительно или наоборот. Да, у Ли здесь тоже явное преимущество, он выше меня, у него длиннее руки, и ему будет проще проткнуть меня насквозь. Но, к сожалению, это будет относиться к любому оружию.

Ли ехидно усмехался, предчувствуя легкую победу. Хотя никогда нельзя недооценивать противника. Ведь и у меня есть пара гадостных секретов.

Ли, выписал в воздухе два круга, поставленных один на другой, идеальный прием, заставляющий противника смотреть на меч, а не соперника. Впрочем, я не собиралась спускать с Ли глаз. Я легко отбила его меч, и ударила его своим мечом по кисти. Тот сморщился, но меч не выпустил. Вроде бы такой опытный боец, а кисть не защитил.

Ли подобрался, и я мне пришлось несладко. Он обрушил на меня целый град ударов, и не все из них я смогла заблокировать, от части пришлось уклониться. И, боюсь, не все мои движения были, подобно танцу, красивы. Дедушка был бы не доволен. В один прекрасный момент, когда парень вытянулся в атаке, уверенный, что легко насадит меня на свой клинок, но я на коленях легко проехала под его вытянутой в замахе руке, прогнувшись назад, и чиркнула своим мечом по его ребрам. Моя сталь впервые обагрилась кровью. Теперь главное было измотать его. Надрез я сделала неглубокий, сам по себе он не причинял вреда парню, но кровь продолжала сочиться, и он не утирал ее, опасаясь выпустить меня из вида. Порез был длинным, и, я очень на это надеялась, что вскоре Ли начнет слабеть, а там и допустит пару ошибок. Ли, впрочем, тоже понял, что у него не так много времени. И пошел на меня стремительным натиском. Мне пришлось несладко, парень стремился разорвать дистанцию и наколоть меня на свой меч, пока он находится вне зоны досягаемости. Приходилось все

время сокращать дистанцию. Мне стало не хватать воздуха, но и Ли уже давно тяжело дышал. Он еще ни разу не достал меня мечом, в то время как я уже здорово расписала его тело. И это заставляло его злиться, и терять концентрацию, так необходимую в бою. Тут он совершил стремительный выпад и чиркнул меня по лицу. Я на секунду потеряла концентрацию, и Ли не замедлил этим воспользоваться. Его меч вспорол мне рубаху в опасной близости от груди.

Я посмотрела на его ноги, и стремительно ткнула мечом в плечо, пока он пытался отскочить назад. Я ударила его ногой в корпус, и сразу же полоснула мечом по ногам. И тут случилось неожиданное. Ли упал. Заливая утоптанную землю кровью.

— Очень, очень плохо. — Произнес учитель. — Ты, — палец учителя ткнул в меня, — перевяжи его, а потом сходи к Цинь. А ты, — он ткнул в Суня, — вынесешь его за порог Академии. Ты, — ткнул он в Ли, — отчислен!

Оказалось, что я случайно подсекла Ли мышцу на ноге. Идти сам он не мог, и мы с Сунем вынесли его вдвоем. При этом, к сожалению, Ли был в сознании, и помимо ругательств, он призывал на мою голову всяческие кары и проклятия, а еще грозился отомстить. Но, поскольку ходить он теперь сможет не скоро, то я пока не особенно боялась его угроз.

— Выздоровливай. — По возможности искренне сказала ему я, со всеми удобствами устраивая его на циновке, что учитель разрешил забрать. Сюда же мы сложили все немногочисленные пожитки бывшего ученика.

— Может быть, здесь во внешнем круге братья могут ему помочь? — Спросила я.

— Ша, — недоуменно спросил Сунь. — Но ведь он хотел тебя убить. И убил бы. А сейчас ты думаешь, как ему помочь?! А еще твое лицо, конечно шрамы украшают война и все такое...

— С чего ты взял, про шрамы? — Удивилась я. — Шрамы на войне говорят, что он плохой воин.

— Ну, со всем остальным-то ты согласна? — Закатил глаза рыцарь.

— Ты прав. — Кивнула я. — Пусть сидит тут, и может быть, повязки намокнут кровью, это привлечет диких зверей, и они его съедят. Быстро и по возможности безболезненно. Легкой смерти тебе, бывший брат.

Вслед нам неслись проклятья.

К Цинь я не пошла. Слишком хорошо помнила, как любит она лечить. Глядя в ковшик с водой, я кое-как обработала порез на щеке. Ну, что ж, я и до этого не была красавицей, подумаешь, шрам на пол лица. Порез был не глубокий, так что я понадеялась, что само заживет и намазала его мазью от синяков. Правда, я не особенно надеялась, что это поможет.

Во внутреннем круге стало тихо и спокойно. Меня больше не задирали. Толстый Сунь запретил. Он оказался хорошим малым. Добрым. Воин он был так себе, слишком жалел противника, и поэтому часто сам бывал бит. Учитель видел это, хмуро качал головой, но так и оставил его старшим учеником. У нас началась спокойная размеренная жизнь. Тренировки, медитации. Еды постоянно не хватало. Есть нам хотелось всегда. Часто ночью мы убегали в деревню, где грабили и разоряли запасы крестьян, и без того не богатые. Было немного стыдно, но мы все равно разоряли.

На второй вечер после изгнания Ли я сделала вылазку за лопаткой. Было как раз полнолуние, и, хотя я больше не была к нему привязана, я подумала, что в полнолуние это будет легче. Лопатку я нашла легко, она лежала под тем же кустом, что я ее и оставила. Она была заботливо присыпана листьями и землей. Оборот в этот раз дался легко, даже сто поклонов не пришлось бить. Радостно перекувыркнувшись, я придержала лопатку лапой и побежала к деревне.

— Ты так и будешь здесь лежать? — Строго спросил Роланд кучу тряпья в обочины дороги.

В ответ ему была презрительная тишина.

Я притаилась под кустом.

Рыцарь грустно повздыхал и подняла то, что осталось от Ли на руки.

Дикие звери побрезговали им, но лежание на земле больше суток не пошло ему на пользу. Он был грязен и жалок.

— Боги оставили тебе твою жизнь. — Увещевал его рыцарь, — возможно, ты должен совершить что-то великое. Нельзя опускать руки.

— Меня победила баба. — Глухо пробормотал Ли.

— Ну и что, — отмахнулся рыцарь. — Это же Ша, она и меня пару раз била. Она сильная и коварная, хоть и маленькая.

— Сука. — Зло выплюнул Ли. — А самое ужасное, учитель от меня отказался. Я все делал для него. Я всегда хотел, чтоб он стал лучшим учителем. Я бы возвеличил его. Увековечил его имя в летописях. А он. Предпочел мне какую-то девку.

— Может в ней потенциала больше? — Предположил Роланд на свою голову. — Она так-то боевая.

Я задумчиво потерла нос лапой. За этой беседой рыцарь куда-то потащил бывшего послушника. Мне пришлось кустами красться за ними, но это не составило никакого труда, рыцарь топал, что его конь.

— Потенциала? — Зло продолжал плевать Ли. — Откуда в бабе потенциал. Их удел иной.

— Даже у нас бывали женщины рыцари. — Задумчиво сказал Роланд. — Так бывает, когда Господь по ошибке вкладывает душу человека, в тело женщины. Думаю, и у вас так бывает.

— Раньше у нас бабе нельзя было в армию, смертная казнь даже. Но был создан прецедент. — Ли продолжил бурчать. — А теперь вообще понастроили Академий, понабрали баб. Даже учитель баба.

— Она вроде бабушка уже. — Поправил рыцарь.

— Ну да, бабушек уже положено тоже почитать. — Согласился Ли. — Меня моя бабка так в детстве лупила, и никто ей ее место не указывал уже. Типа у бабы может мозг к старости вырасти. А откуда. Из ничего не рождается нечто.

— Ну не знаю. Сатори может кто угодно познать. — Ответил задумчиво рыцарь.

Я начала переживать, что Ли может посеять зерна сомнений в душе Роланда, и тогда его обучение в Академии может встать под сомнение. Ибо учителя хоть и, казалось бы, небрежно выполняют свои обязанности, но меж тем, явно зорко следят за всем, что происходит в душах учеников. Сорняки безжалостно выпальваются наказаниями и медитациями.

Меж тем рыцарь донес страдальца до деревни. И постучал в дом целителя.

— Денег нет. — Сразу сказал рыцарь, пожилому сморщенному как урюк господину. — Но он крепкий воин, и как поправится, отработает.

Целитель задумался. Рабочих рук всегда не хватало, и рыцарь воспользовался его заминкой и внес Ли в каморку.

Убедившись, что теперь разум рыцаря в безопасности я с чистой совестью отправилась безобразничать по округе. Своровала пару лепешек у нерадивой хозяйки, у которой они стояли в прохладе сеней, прикрытые лишь полотенцем, полакала из крынки молока. Лепешки были вкусные, и, хотя, внутренняя лиса настаивала на разграблении курятника, я решила в этот раз не повторяться, и ограничилась разграблением лепешек и молока.

На моей полянке сидел задумчивый рыцарь. Я увидела его, когда вылезла из кустов, пряча под рубашкой лопатку.

— Что ты здесь делаешь? — Удивилась я.

— Жду тебя. — Рыцарь был печален и возвышен.

— А... — Глубокомысленно заметила я. — А я думала- стихи пишешь.

— Что? — Удивился рыцарь. — С чего ты так решила.

— Ну, ты сидишь тут в свете луны, с таким прискорбно-печальным видом. — Я забыла, что я уже человек и попробовала почесать за ухом лапой, но быстро поправилась и поскребла рукой.

— А, нет. — Ответил Роланд. — Я думаю.

— Ммм... — Опять глубокомысленно заметила я. — Тяжело, наверное?

— Мне его жаль. — Произнес рыцарь. — Он выглядит таким несчастным.

— Ты знаешь, — аккуратно начала я, — он обижал всех прочих учеников. Бил по ночам. Пытался и меня бить, но до меня доставалось Ше. Это помнишь, тот, кто умер. Упал со скалы.

— Это Ли его толкнул. — Уверенно ответил рыцарь. — Я слышал, ученики шептались. Потом разговоры прекратились.

— Вот видишь. — Убежденно начала я. — Он плохой человек. И был плохим. Его ведь выгнали не потому, что я его победила в учебном поединке. Меня знаешь, сколько раз побеждали. А тебя? Но мы все еще тут.

Рыцарь кивнул. Но я видела, что он не убежден.

— Учителя видят, кому нужно продолжать обучение, а кому нет. — Добавила я.

— Но ты его опозорила. — Воскликнул рыцарь. — Не просто победила, а унизила! А для воина это позор!

— Ну да, — Я опять почесала за ухом, а интересно, могут ли у меня быть блохи? — Это я погорячилась, конечно. А вот ногу ему проткнула совсем не специально. Но поверь мне, он бы мне с удовольствием отрезал и ногу, и руку. Он бы не стал меня щадить.

— Но ты то могла! — Воскликнул рыцарь. — Не пощадить, так хотя бы не унижать больше чем нужно.

— Ну, так получилось. — Отмахнулась я, вновь с наслаждением почесываясь. — А у тебя как успехи?

— А? — Отвлекся рыцарь от своих терзаний. — Какие успехи?

— Хоть какие-нибудь! — Воскликнула я. — Когда тебя переведут во внутренний круг? Что ты делаешь, чтобы достичь просветления?

— Я медитирую. — Гордо ответил Роланд. — Вчера я умудрился три часа просидеть и не захрапеть. Учитель Цинь была даже мной довольна. По крайней мере она не орала.

— Уже прогресс. — Мрачно заметила я.

Учитель Мао не орал. Он прописывал нам бамбуковые палки. Он считал, что побои лучшее лекарство от непонятливости. Один раз я сдуру сказала, что не поняла, как выполнить рубящий удар.

Семь палок, а семь похоже было одним из любимых чисел учителя, быстро помогли мне понять. Били по голым ногам. Или по пяткам. В любом случае, материал, подкрепленным таким образом усваивался гораздо лучше, нежели постоянные объяснения учителей с внешнего круга, или крики учителей со второго круга.

А еще учитель Мао лишал еды. Чаще всего доставалось, как ни странно, Толстому Суню. Он был уже не так толст, как в самом начале обучения, но все еще приятно округл. И думаю, получит он своего мастера будучи очень стройным.

— Сделал ли ты курятник? — Опять спросила я, хотя прекрасно знала, что да, как и туалеты, курятник теперь радовал глаз новой постройкой, да не простой, а с выдумкой, как желала того учитель Цинь. Он был украшен затейливой резьбой, а подступы к нему охраняла изящная кованая ограда. Ограда рыцарю особенно удалась, словно перед тем, как ступить на путь рыцарства, он выковал немало таких оградок.

Мы еще немного посидели, говорить нам уже было толком не о чем. Разные круги Академии развели нас лучше, чем воспитание и культурные особенности.

В Академию я вернулась вполне довольной жизнью. А лопатку перепрятала с той полянки поближе к стенам Академии, но не в личных вещах, где любой мой покопаться.

Пара полнолуний прошла спокойно. Мы учились, постигали мудрость, изучали стойки и новые виды оружия. Я даже полюбила «волчий хвост», за все те возможности что он давал мне, как невысокому воину. Впрочем, по-прежнему я предпочитала облегченный меч. Сейчас на площадке я могла продержаться аж против трех учеников. Это наполняло мое сердце гордостью и мыслями, что дедушка был бы мной доволен.

Правда потом я вспоминала его и думала, что навряд ли сам «Темный Дракон» был бы доволен столь скромными успехами. Слава о его школе гремела далеко за пределы царства Мин, и даже неверные приходили, чтобы попытаться стать его учениками.

Впрочем, школы той больше не существовало. Как водится в этих кругах, Жирный Мань подсуетился, донос лег на стол к третьему хранителю судейской печати Бао, и тот не стал долго разбираться. Впрочем, казнили только дедушку. Остальную семью почему-то это не коснулось, правда и влияния у нас больше не было. Меня торопливо выдали замуж в семью четвертого хранителя печати, и вычеркнули их жизни школы и моей бывшей семьи. А Жирный Мань забрал себе всех дедушкиных учеников.

В полнолуние я ходила в деревню. Свои вылазки я приурочила именно к этому событию, хотя теперь оборот давался мне довольно легко и в любой другой день, все же в полнолуние делать это было более правильным.

Приглядывала за Ли, который смог поначалу неплохо устроиться. Целитель остановил ему начавшуюся лихорадку, смазал разными снадобьями раны и порезы. Но вот через пару дней стало ясно, что нога загноилась, и целитель отхватил ему ногу много выше колена. Опиумную настойку целитель посчитал нецелесообразным тратить на какого-то там оборванца, и отрезал наживую. Кричал Ли сильно. Хотя нас и учили терпеть боль, но видимо Ли больше не считал нужным держать лицо.

Поначалу он отрабатывал свое пребывание и лечение у целителя. Выполнял посильную работу, помогал готовить снадобья. Но потеряв ногу, кажется, вместе с ней потерял и часть

разума. Он стал пить, находил заначки у целителя, побирался на улице. Поначалу ему сердобольные крестьяне подавали. Потом целитель его закономерно выгнал. Ли поселился в сарае у вдовы. Она не смогла его выгнать сама, и пожалела. Ли пил, скандалил, оброс клочковатой бородой и перестал мыться. Нога его закономерно регулярно гноилась, что тоже не добавляло ему доброты и любви к ближнему. От Ли плохо пахло, и каждое его появление сопровождалось целым роем мух. Его так и прозвали Ли- Мушиный Владыка. Впрочем, почему-то крестьяне жалели его, иногда подкармливали несмотря на то, что от бывшего послушника нельзя было услышать ни одного доброго слова, а лишь хулу и проклятия.

ГЛАВА 7. ХУАН ХЭ РАЗЛИЛАСЬ

В тот вечер опять было полнолуние. Я привычно прошмыгнула мимо спящего Суня, хотя, подозреваю, он был в курсе моих отлучек, и ему было просто все равно на них.

К сегодняшнему дню снег уже почти везде стоял, лишь очень высоко в горах, еще продолжали лежать белые шапки. Всю зиму мы проходили также как всегда: в грубых штанах и рубахах. Во втором круге, у мальчиков были только штаны, во внутреннем штаны и рубахи. У учителей были еще мягкие тапки, да, возможно, штаны немного прочнее. Здесь нас учили закалять как дух, так и тело. Так что и учителя тоже показывали чудеса стойкости. Благодаря медитациям теперь и я могла спать на снегу в одних лишь штанах, но все равно предпочла бы теплый стеганный халат, который здесь же был лишь предметом мечтаний.

Склоны Академии постепенно покрылись цветами, чей аромат наполнил воздух вокруг. Мы учились видеть прекрасное, медитировали на открытом воздухе, но по-прежнему в глубине души предпочитали земное: теплую шапку, тапки, да чашку риса с бамбуком.

Я привычно откопала лопатку и отбила поклоны. Теперь превращение занимало совсем мало времени, так что вскоре я легко преодолела длинный склон. Преодолеть его для человека значило бы выказать чудеса ловкости и редкостного бесстрашия, но будучи лисой, я сделала это легко и непринужденно.

В деревне мне тоже уже было все знакомо. Я притаилась за оградой, с комфортом расположившись в траве. Роланд продолжал навешать Ли. Он все никак не мог оставить идею, вернуть его на путь истинный. И если уж не сделать из него великого воина, то хотя бы женить на той жалостливой вдове и тем самым пристроить в добрые руки. Ли же перевоспитываться решительно отказывался. Неделей ранее крестьянские мужики здорово намяли ему бока. Пока он лишь смиренно попрошайничал, да рассказывал ужасы про свое обучение у монахов, крестьяне ему охотно подавали, но в этот раз сборщик налогов выгреб все подчистую, и крестьянам стало очень грустно. Обычно сборщик являлся осенью, но сейчас император объявил очередной налог, и сборщик явился и весной, когда пояса крестьян и без того были туго затянутыми. Его хулили, и даже в одной деревне поколотили, но солдаты все равно шли вслед за ним и получали причитающееся.

Ли же срочно требовалось выпить, и в ответ на пожелание пойти поработать и заработать себе на чашку риса, он рассвирепел и кинул свой костыль в крестьянина. Самое ужасное, что попал. Крестьянин умер на месте, а Ли избил так, что на нем места живого не осталось. Подозреваю, что так не били и во времена его ученичества, о чем он говорил с неизменной жалобностью, выбивая слезу у крестьян. Я была уверена, что уж теперь-то он точно помрет, но бывший ученик оказался очень крепок телом, и сегодня уже вновь сидел на куче тряпья и грязно сквернословил.

— Ли! — Роланд устроился рядом, но с наветренной стороны, чтобы смрад от Ли не мешал читать лекцию. — Тебе надо взять себя в руки! Ты же добрый парень, сильный, смелый. У тебя не сложилось стать великим воином, но ты можешь стать крестьянином. Добрая вдова Чжо пустит тебя, поможет обрабатывать ногу. С тебя лишь нужно будет не пить больше остальных крестьян, заботиться о ней. Ну, неужели такая жизнь, что ты ведешь сейчас лучше простых крестьянских радостей.

— Что ты можешь понимать? — Пьяно отмахнулся Ли. — Ты никогда так не любил как я.

— О, да. — Отмахнулся рыцарь. — Я тупой и ограниченный варвар. Мы с тобой это уже проходили. Мы сейчас говорим о тебе. О твоей жизни, что ты так бездарно растрачиваешь, побираясь здесь в куче тряпья. Соверши свой последний подвиг. Ведь о подвигах ты мечтал, когда шел учеником сюда.

— Да кто меня спрашивал, о чем я мечтал. — Махнул рукой Ли. — Меня сюда еще мелким продал отец за пару лепешек. Я смутно помню свое детство дома. Было холодно и все время хотелось есть. Потом мы долго шли, очень долго, я хныкал, но отец за хныканье бил меня палкой по ногам, я шел, потом падал. Потом мы пришли сюда. Здесь я и вырос. Вначале был послушником во внешнем круге. Вы там провели всего пару дней, я же там рос годы, вечный холод, голод. Мы дрались за еду. Я быстро понял, что если хочу чего-то добиться в жизни, то должен стать сильнее. Я стал усиленно заниматься. Занимался каждую свободную минутку, и тогда меня заметил учитель. Он забрал меня сразу во внутренний круг. Здесь я понял, что в моей жизни так ничего толком не изменится, и, если я хочу стать богатым и знаменитым, а главное всегда есть столько, сколько я захочу, я должен стать лучшим. И я бы стал, постепенно я убирал всех, кто мне мешал. Я бы убрал и этого Суня, его было бы легко убрать. Но эта твоя девка. Не иначе сами демоны ведут ее руку. Я лучший боец. И так бездарно проиграть бабе.

— На этом жизнь не закончилась. — Опять убежденно произнес рыцарь. — Ты все еще жив.

— Я верил ему. — Не слушая рыцаря продолжал пьяно плакаться Ли. — А он меня просто выкинул из своей жизни. Выкинул, как только я ему надоел. Конечно, с бабой-то всяко прикольнее.

Я хмыкнула и куснула себя за один из хвостов, чтобы не рассмеяться, не разлаяться в самый неподходящий момент. Похоже, что в попытках получить теплое место, ученик был готов буквально на все, да вот учитель не оценил его стараний.

Роланд, похоже, вообще не понял, о чем идет речь. Потому что продолжил свои спасительные речи. Если бы он так уговаривал меня, я бы уже давно бросила Академию, и ушла странствовать даосом, например. Нести людям свет и искать рецепт бессмертия. Или что там еще вечно ищут эти даосы. Рыцарь был страшный зануда, но на Ли это совершенно не действовало. Он почему-то проникся своей новой жизнью и ничего в ней менять не собирался.

Неожиданно тишину деревни разорвал крик. Солдаты ворвались в деревню, словно со всех сторон. Я припала к земле еще ниже, хотя, казалось бы, куда еще ниже. Но вначале мне показалось, что это по мою душу. Их были сотни тысяч. Все плохо одетые, оборванные, много больных и увечных. Они с хохотом растаскивали все, что есть ценного в деревне и глумились над ее жителями. Миг, и добрая вдова лишилась своих единственных трех куриц и дойной козы. Впрочем, она молча смотрела, как солдаты глумятся над ее хозяйством, и не сопротивлялась, когда чужие руки рванули на ней халат.

— Эй, вы, там поаккуратнее. — Рывкнул рыцарь. Который тоже лишь молча смотрел на казнь несущек. А ведь, наверняка, голодный.

— Ты кто вообще будешь? — Грозно спросил его один из солдат, тот, что был одет побогаче.

— Бедный ученик. — Ответил рыцарь вставая. Встав, даже не смотря на свой плачевный вид, он навис над солдатами. Те, даром, что их было много, порядком струхнули.

— Ученик, говоришь. — Недобро усмехнулся тот. — А к императору как ты

относишься?

— У меня свой король. — Ответил рыцарь. — Я здесь временно и не ищу неприятностей.

Старший построил своих воинов, и бесчинства в деревне не сказать, чтоб прекратились, но размах их однозначно уменьшился. Впрочем, все, что было съестного, безжалостно уничтожалось.

— А, скажи-ка мне ученик, — пнул его дрянным сапогом уже другой начальник. — Насколько неприступна эта Академия?

Рыцарь спокойно позволил себя пинать, и вообще опять сел рядом с Ли, и так и продолжил сидеть, словно все происходящее его мало касалось.

— Академия стоит в высоких горах. — Спокойно начал рыцарь. Вверх ведет больше тысячи ступенек. Со всех сторон она окружена неприступными скалами. Ворота Академии прочны, и всегда запираются на ночь. Да и днем их отпирают лишь по праздникам, да ежели нагрянет вдруг император. Послушников принимают новых сбоку, где маленькая калитка. Впрочем, и калитку ту взять штурмом не так-то просто. Впрочем, для такой могучей армии, как ваша, небось это не составит труда.

— Уж не смеешься ли ты над нами? — Нахмурился начальник.

— Что вы? — Вид рыцаря выражал полнейшее смирение. — Как могу я ничтожный?

— Ничтожный, вот верное слово! — Старший еще раз напоследок пнул рыцаря и отправился дальше наводить порядок.

Я начала аккуратно пятиться назад, стремясь покинуть свое теплое местечко. Возле забора я неаккуратно зацепилась задней лапой, из-за чего позади меня упал цеп. Обмолачивать зерно придется еще не скоро, и скорее всего, вдова поставила его просто чтоб он не мешал ей в сарае, где теперь большую часть времени обретался Ли.

Я прижала уши и задала стрекача.

— Лиса! Смотрите, лиса! — Закричал какой-то глазастый солдат.

Я лишь побежала быстрее.

— Нам бы не помешала ее шкура. — Крикнул начальник, и это послужило солдатам приказом к погоне.

Впрочем, побежали не все. Многим было лень, или близость вожаемой еды оказалась желаннее, призрачной лисы.

— Здоровые лисы не подходят к людскому жилищу. — Спокойно заметил рыцарь. — Как бы она вам пол армии не заразила.

— Тебе-то какая забота? — Начальник зло плюнул возле рыцаря, на что тот лишь улыбнулся.

— Мне, никакой. — Рыцарь поскреб голову.

Я бежала, как никогда еще не бегала в этой жизни. Лапы мои мелькали подо мной, а сама я была уже готова начать молиться всем известным небожителям, хозяину подземного царства и даже лично знакомому демону. Вдобавок в меня полетели стрелы. Впрочем, пока серьезного вреда они мне не причиняли, поскольку никто не мог толком прицелиться, но летели они как попало, да и я скакала без какой-либо системы. Я добежала до ближайшей скалы и с упоением вклинилась между камней, грубой наваленных у подножья. Мои преследователи немного приотстали. Карабкаться за мной им было тяжело, и часть их просто отказалась от этой затеи. Впрочем, несколько преследователей стали, наоборот, слать стрелы, в надежде, что уж здесь то я не смогу петлять, и они смогут порадовать своего

начальника моей пушистой шубкой. Хорошо, что расстояние между нами было весьма приличным, и они не видели лопатку у меня на голове. Иначе охотиться на меня они стали бы с куда большим упорством, ведь как известно если убьешь лису оборотня, спасешь души всего рода. Как настоящая лиса- оборотень, хочу заметить, что это полный бред. Никакого спасения через мое убийство вам не будет. Все эти размышления не мешали мне карабкаться по почти отвесным скалам, в надежде окончательно избавиться от любителей чужих шкур.

Я нырнула в какую-то пещеру, прошмыгнула там ужом и выскочила в небольшой лаз. Мои преследователи потеряли меня из вида и отстали. Я воспользовалась этой передышкой, чтобы отдышаться.

Я вернулась в Академию у утренней медитации. Лопатку я прикопала во внутреннем дворе Академии, боюсь, что в свете последних событий, у меня не будет времени ее искать.

На медитации я была занята совсем не поиском моего внутреннего я, я думала, не сбежать ли мне из Академии, спасая свою лисью шкуру. Конечно, Академия, неплохо укреплена, и взять ее штурмом, наверное, практически невозможно. Меж тем, армия эта не императорская. А значит, что Хуан Хэ опять разлилось и затопило соседние деревни. Это здесь, у нас в горах, весна только вступает в свои права. В долине реки же, уже всю сажают рис, а значит, что опять грядет голод. Впрочем, и восстание явно готовилось не быстро. И Хуан Хэ стало последней каплей в чаше народного терпения.

Лично мне было все равно кто сидит на троне. К нынешнему императору, а правил нынче Чжу Юнчжан, я не испытывала теплых чувств. По его приказу казнили дедушку. Так что я бы не стала плакать, если бы императора вдруг свергли. В конце концов, милость Небес вещь весьма не прочная, и у императоров быстро заканчивается. Но меня смущало желание нового претендента на императорский трон непременно захватить и сравнять с землей нашу Академию.

С одной стороны, я их понимала. Оставляя за спиной воинскую колыбель, полную хороших воинов опасно, а с другой. Мы здесь довольно изолированное живем. И как скоро получили бы весточку, что император нуждается в нашей помощи. Да и по зрелому размышлению, стали бы учителя прилагать усилия, чтобы поддержать нынешнего императора? Или понаблюдали бы за ходом битвы из-за крепких стен, а после уверили в своей вечной преданности победителя?

Я не знала ответов на эти вопросы, но всерьез думала, успею ли я убраться из зоны военных действий между медитацией и обедом.

Я не успела. Потому что не успели мы завершить медитацию, как в главные ворота постучали.

Учителя дружно игнорировали этот стук. Но стучавшим это было в общем-то все равно. Взревел рог, и зычный голос прокричал:

— Хуан Хэ разлилось. Это значит, что нынешний император более не угоден Небу. Народ голодает, мы задушены непосильными поборами! Чжу Юнчжан должен освободить трон. Наш господин Ма Лунь, по прозвищу «Непобедимый Дракон», приведет Царство к процветанию. Отворите ворота, принесите господину клятву верности и присоединитесь к освободительному походу. Правда на нашей стороне!

Учителя с удовольствием послушали эту проникновенную речь, а после на кричавшего вылилось ведро нечистот. Посланник, конечно, был сам виноват- стоял слишком близко. Можно сказать в прямой досягаемости от содержимого ведра.

Посланник, судя по звукам из-за ворот, утерся.

— Ну, тогда мы сравняем Академию с землей. — Крикнул он, перед тем, как убраться.

Мы спокойно продолжили свои занятия. Ну, как спокойно. Спокойствие и невозмутимость излучали только учителя. Ученики из внешнего круга волновались, а мы хоть и жили изолированно, но все же общались между собой. Второй круг вели себя поспокойнее, и все же тоже нет-нет, да ошибались, не так дышали, или даже позволяли себе пошевелиться в стойке.

Учителя не свирепствовали сегодня. Это было странно. Ошибок было много, даже у нас, а что уж говорить про детей внешнего круга.

Все было тихо, и как будто спокойно, лишь в воздухе разлилось напряжение.

Я ждала штурма, но его все не было. На обед была жидкая чечевичная похлебка и две лепешки. Немыслимое пиршество. К вечеру все тоже было тихо. Я беспокоилась. Где то у них там Роланд, и я сама не знаю почему, переживала за него. Вечером, уже после отбоя я нога за ногу дошла до схрона, где я прятала лопатку. И там сидела учитель Цинь.

— Сбежать собираешься? — Устало спросила она. — Понимаю. Никто не хочет умирать.

— Вы тоже хотите? — Помимо воли спросила ее я.

— Я славно пожила. — Ответила мне старушка. — Но тебя я не могу винить. Ты здесь случайно, и видно, что не собираешься делать карьеру воина.

— Почему это! — С обидой в голове воскликнула я. — Может, это мечта всей моей жизни!

— Я вижу, что тренироваться для тебя привычно. — Ответила учитель. — Видно, что ты жила этим с детства, твои члены гибки, этого не было бы, начни ты заниматься поздно. Стопы твои огромны, что ужасно для девушки. Но при этом видно, что ты из благородной семьи. Речь, манеры. Не удивлюсь, если ты знатного рода. Ты здесь прячешься от опалы? Твои родные возможно казнены. Я не могу винить тебя. Но хочу знать, не хочешь ли ты переметнуться на их сторону и открыть им ворота например?!

— Меня зовут А Лия. — Ответила я. — И я внучка Хоу Шэньлуна.

— Школа «Темного Дракона». — Задумчиво пробормотала учитель. — Наслышана.

— У меня нет причин любить императора, да продлят его дни Небо. — Ответила я. — Но да, я хочу жить.

— Как так вышло, что у внучки Хоу такие уродливые ступни? — Словно не слыша меня спросила учитель.

— Когда мне пришло время первого бинтования, — начала я, — к деду на улице подошел странствующий даос. Он сказал, что его внучка отмечена Гуаньинь, и, если он хочет, чтобы я была счастлива, ему нельзя бинтовать мне ног, и необходимо взять меня в обучение.

— Какой бред. — Воскликнула учитель. — Девку и в школу боевых искусств.

— Кто бы говорил! — Буркнула я.

— И он послушался? — Удивилась учитель. — Даосы, конечно, святые люди, видят бесов и лисиц, но все же, и среди них полно шарлатанов.

— Дедушка скептически воспринял эту идею. У него хватало учеников, и сыновей, да и невестки успели порадовать его тремя внуками. Ему было из кого выбрать. Но моя мать узнала в этом даосе самого великого Фэня, и принялась причитать. Вслед за ней подняли вой и остальные три жены отца. Дедушке пришлось скрепя сердце послушать даоса. Ибо нет хуже, чем голосащие женщины в доме. Никакого покоя не стало, лишь плач и причитания.

— И как тебе с такими ногами живется? — Жадно спросила учитель. К слову, ее ступни были, как положено, перебинтованы. Несмотря на красивую утиную походку, старушка легко стояла в нужных стойках, прыгала в шпагате и могла отвесить мощного пинка.

— Хорошо. — Ответила я. — Я же не знаю, каково это жить с красивыми ногами.

— Это... — заметила старушка, — больно? Пожалуй, это-то самое слово. Они гниют, их приходится часто мыть и мазать мазями. К перемене погоды они ноют. Зато и шпагат мне дался легко. Что такое шпагат, когда ты ежедневно терпишь это...

Я мудро промолчала. Моим сестрам бинтовали ноги, и они плакали ночами и днем, когда надо было ходить на искалеченных пальцах. Но зато они ушли первыми женами к чиновникам, и лишь меня с трудом родителям удалось сбить с рук.

— «Девочка не красива, к тому же на что еще она может рассчитывать с такими ногами?»- Ответила маме сваха, осмотрев меня со всех сторон. — «А цвет ее волос?! Не было ли у вас демонов в роду?»

— «Как ты смеешь?»- Ответила моя мать. И сваху заменили. Но и вторая и даже третья сваха не могли мне ничего предложить. Потенциальных женихов отпугивали мои ноги и мои рыжие волосы, в чем они видели примесь нечистой крови.

Самое интересное, что моя бабка, и моя мать были лисами. У бабки было аж пять хвостов, и она немало пожила и повидала, у них были очаровательные маленькие ноги и длинные черные волосы. И они-то точно были чистокровными демонами.

Бабушка бросила нас, когда казнили дедушку, но мама говорила, что она жива. Просто начала новую жизнь, снова став молодой и красивой.

— Так, значит, ты не решила сбежать, бросив нас на произвол судьбы. — Вернулась к насущной теме Цинь.

— Там у них остался ваш ученик. — Мрачно ответила я. — Вчера я смогла унести свои ноги, а он остался.

— И ты хочешь убедиться, что он не сдал тайн Академии? — Уточнила учитель. — Ты убьешь его? Загрызешь?

— Я?! — Я замолчала, — Кажется, я переживаю о нем?

— Зачем? — Удивилась учитель. — Чем ты сможешь ему там, внизу? Я бы могла тебя понять, кинься ты спасти свою шкуру. Но идти туда за ним? Он же неудачник.

— И, тем не менее, вы взяли его в личные ученики?! — Уточнила я.

— Люблю бесполезный материал. — Ответила старушка.

— Он не бесполезный. — Воскликнула я. — Да, нам не всегда понятна его мораль или действия, но ведь он иноземец. Тоже воин.

— Он не воин. — Махнула рукой учитель. — И не учился никогда на воина. Здоров как бык, это да. Видно, что долго выполнял тупой монотонный труд. Очень силен. Но он не воин. Не думаю, что там воинов учат сильно по-другому. Мышцы все равно должны быть разработаны, привычки. Он тебя обманывал, ну и нас тоже пытался.

— Если он самозванец, зачем же вы взяли его учить? — Удивилась я.

— Ничто не происходит просто так. Он дошел, выдержал испытание и был принят. Таковы традиции, их придумал Великий Учитель еще на заре времен, кто мы такие, чтобы что-то менять. Может быть, именно его не хватает Колесу Сансары, чтобы сделать полный круг.

Я пожала плечами.

— Так вам все равно, если ваш ученик примет ужасную смерть там?

— У меня было много учеников. — Пожала плечами старушка. — Кто-то уже умер, кто-то умрет завтра. Смерть- это лишь новое перерождение. Возможность осознать и на новом круге стать лучше.

— А я с вашего позволения, пожалуй, сбегая, проверю, как он там. — Ну и заодно послушаю, что они делать собираются. — Дерзко ответила я, залезая с головой в кусты, где вчера закопала лопатку.

— Я тебе и так расскажу, чем они занимаются. — Ответила мне учитель. — Сегодня их старший навел подобие порядка. Они съели все, что было в деревне. И выпили. Им закономерно не хватило. Кормить такую армию- недешевое удовольствие. Так что сейчас они сидят злые. Большая часть легли спать с пустыми желудками. Твой друг скорее всего жив, если не делал совсем уж глупостей. Его держат живым на всякий случай. Убить можно и потом. Но держат со вчерашнего дня голодным. Зачем на него переводить еду, которая нужна самим. Завтра утром они пойдут на штурм. Иначе от голода у них случится свое восстание, или солдаты начнут дезертировать. Так что завтра утром мы ждем армию под стенами. Впрочем, утром, это вряд ли. Скорее ближе к обеду.

— Так я пойду? — Опять спросила я.

— Иди. — Старушка отвернулась. — Можешь даже не возвращаться. Скорее всего, тебе за это ничего не будет.

— А что мне может быть за это? — Удивилась я. — Наше пребывание здесь сугубо добровольное.

— Ну, да. — Учитель улыбнулась. — Вы все мечтаете о свитке, полном иероглифами, что обучались здесь. А еще лучше о татуировке. Но лишь единицы получают ее. Многие привыкают к сытой обеспеченной жизни и остаются здесь навсегда.

— Как сделали вы?! — Снова дерзко спросила я.

— Да. — Кивнула учитель. — Я с детства здесь, и не знала иной жизни.

— Но ноги-то перебинтованы. — Указала я на нестыковку. — Их бинтуют только девочкам из благородных семей. Крестьянкам не бинтуют их. И монахи тоже не стали бы этим заниматься.

— Ты права. — Ответила старушка. — Но тебе уже пора идти, если ты хочешь успеть вернуться. Занятия завтра начнутся как обычно.

Я поклонилась и оставила одежду под тем же кустом, где до этого схоронила лопатку. Сегодня уже не было полнолуния. Луна постепенно стала сдавать свои позиции, но все еще была хорошо видна. Я оставила ее за своим левым плечом и приступила к поклонам. Миг и мир перевернулся, увеличился и наполнился запахами и звуками.

Учитель с любопытством наблюдала за мной.

— Скажи, а тебе после видения мира лисой хочется ли становиться вновь слабым человеком? — Спросила она. — И не мешает ли тебе второй хвост?

— Тяф. — Ответила я. И если бы она могла понимать лисью речь, то услышала бы «да». Быть человеком гораздо интереснее. Хотя миг, когда твои зубы смыкаются на нежной курячьей шейке, и ее еще теплая кровь течет по горлу ни с чем не сравнимы. Она трепыхается в твоей пасти и постепенно затихает. После остывает. Есть ее надо пока она еще теплая, так вкуснее. Человеком не познать этой радости. Хотя, однажды я голодала почти неделю, и когда потом мне досталась чашка риса, я испытала почти тоже самое. Хотя и не так остро.

Когда-нибудь при виде курицы я научусь держать себя в руках. Но пока это сильнее

меня. А хвост? У всех свои недостатки. Жила же моя бабка как-то аж с пятью.

Армия была огромна. Я спустилась с гор, и это заняло у меня немало времени. Костры раскинулись далеко за пределы деревни, которая занимала лишь крошечный пятючок пространства среди людского моря. С огромным трудом я пробралась в деревню. Сейчас мой поход напоминал мне совершенное безумство. Вчера мне повезло уйти от погони, но сегодня везде стояли посты, горели костры, и воины были вооружены. Конечно, вооружены они

были как попало, кто цепями, и видно, что совсем недавно эти цепи молотили зерно, кто копьями. Лишь у воинов более высокого ранга были мечи плохой стали. Но зато людей было много. На окраине были оборудованы площадки для тренировок молодежи, и там уже висели грубо сделанные чучела для отработки ударов. Жители деревни сидели в спешно выкопанной яме. Которая хоть и располагалась не в самом центре, но все же тщательно охранялась.

Из разговоров солдат я узнала, что днем они знатно повеселились, заставив рыцаря и пару деревенских мужиков самим себе копать могилы. Правда, потом оказалось, что это не могила, а типа тюрьмы. Глубокая яма, с осыпающимися стенками, выбраться откуда без посторонней помощи невозможно. Там сейчас сидели рыцарь, Ли и три мужика в самом расцвете сил, что, однако, отказались примкнуть к армии освобождения. У мужиков были веские основания отказываться идти в армию: у одного не было руки ниже локтя, другой был хромым и косым, а третий просто местный дурачок. Но это показалось армейским слабыми отговорками и нынче они все сидели и ждали казни. Казнь была назначена на неопределенное время. А именно на захват Академии и «когда ее сравняют с землей».

Солдаты даже сейчас развлекались за счет пленных: они мочились в яму и предлагали попить, иногда скидывали в яму яблоко и наблюдали за потасовкой. Насколько я поняла из разговоров, рыцарь не принимал участия во всеобщей забаве, он сидел, уставившись в стену ямы и медитировал. Ли же бранился, и бранился так, что его ругань воспринималась солдатами новыми раскатами смеха, и даже я, не рискнувшая близко пробраться к яме, все слышала. Я убедилась, что с пленными все в относительном порядке и начала отступать.

Отступать я решила к реке чтоб не повторяться. Там оставалось бы немного проплыть, а потом подняться по горе к Академии. План был неплох, и даже начало его осуществления не подкачало.

Я пробралась к камышам, и тут в деревне брехнула собака. У меня с собаками никогда не складывались отношения. Вроде бы мы и родственники, но собаки не любят лис. Это на каком-то древнем уровне у них. А сегодня, ну брехнула и брехнула. Я прижала уши и припала на лапы, готовая дать стрекача. Впрочем, дали собаке, и судя по звукам по лбу. А потом явно решили пустить шавку на рагу. Как она кричала. Мне ее даже жалко стало на миг, но потом представив, что на ее месте могла бы быть и я, я вновь продолжила свое движение. К реке я спустилась без проблем. Под звуковое сопровождение заживо зарезаемой собаки, но зато под такие крики можно было спокойно шуметь. Я прыгнула в воду и забилась.

Эти крестьяне, чтоб им хорошо жилось после ухода армии, не убрали сети. В которые я по собственной глупости и угодила. Угодила на мелководье, поскольку сети в основном были вытащены на сушу, и лишь часть их осталась в воде. Но тем было обиднее тонуть в нескольких чи от берега.

Я попробовала скинуть лопатку с головы и превратиться в человека. Идея тоже не сказать, чтоб хорошая, но человеком у меня было бы больше шансов выплыть. Но, как назло, лопатка держалась как прибитая, и я лишь молча барахталась, все глубже увязая в сетях.

Мной овладела паника. Я начала задыхаться и уже собралась завизжать, когда лапы нащупали дно. Я встала. Честно говоря, я почувствовала себя душой. Мокрой, облепленной сетями глупой лисой. С трудом я выпуталась из веревочного плена. Времени мне потребовалось немало. Местами пришлось выгрызаться, потому что распутаться было нереально. Проклятая лопатка все время норовила сползти и приходилось поправлять ее лапами. Подозреваю, шум я производила преизрядный, но мне очень помогла собака. Закончила выпутываться я одновременно с ее кончиной. Кому-то достанется жареная собачатина на ужин, ну а кто-то удовлетворится зрелищем ее длительной и мучительной смерти. Я выбралась на берег и отряхнулась.

Бежала я быстро, впрочем, мне удалось легко миновать все посты, и вскоре я уже уверенно поднималась в гору.

— Все же вернулась. — Резюмировала учитель Цинь, что так и не покинула своего насиженного места.

Сейчас лопатка легко скинулась с головы, я вновь прикопала ее там же.

— Признаться не ожидала.

— Почему? — Хрипловато спросила я. — Пока что здесь самое безопасное место.

— Ерунда. — Махнула рукой учитель, и принялась скручивать трубочку с сухими листьями. После чиркнула двумя камнями и с наслаждением вдохнула получившийся дым.

— Что это? — Удивленно спросила я.

— Сушеная конопля. — Ответила старушка, вдыхая дым.

— А вы уверены, что это безопасно? — Уточнила я, на всякий случай отступая подальше.

— Любое вмешательство не безопасно. — Ответила Цинь. — Даже когда ты кладешь в желудок пищу откуда ты можешь знать станет ли это пользой для тебя или нет.

— Ну, с вами-то да. — Кивнула я.

— Зато тебе помогли мои методы. — Отмахнулась старушка. — Сейчас ты ближе к воинам, чем была ранее.

— Но ведь я могла умереть. — Вздохнула я.

— Мы все можем умереть. — Отмахнулась учитель. — В любой момент. Не стоит этого бояться. Мы рождаемся и умираем, переходя на новый виток в колесе сансары. Кто-то выше, кто-то ниже. Все в наших руках и наших силах. Целью является вырваться, и достичь нирваны. Когда-нибудь у нас получится.

Учитель еще раз смачно затынула.

— Вы уверены, что сейчас то самое время, когда стоит терять концентрацию? — Осторожно спросила ее я.

— Сегодня утром у них ничего не получится. — Легко отмахнулась она. — Если они не придумают что-то хитрое, то не получится вообще.

— У них ваш ученик. — Уведомила ее я.

— Он им не поможет. — Отмахнулась Цинь. — Нет в нем коварства. Все что он сможет предложить они и сами смогут додуматься. Попереть на нас штурмом и завалить ворота телами. Для этого не надо мозгов.

— А вы что бы сделали? — Спросила ее я.

— Я? — Учитель задумалась. — Обошла бы Академию широким кругом и напала на Императора пока он не готов. Здесь они рискуют завязнуть боями и потерять много людей. Да, рано или поздно они возьмут нас количеством, но к тому времени птичка уже долетит до столицы.

Учитель рассмеялась.

— Но на твоём месте я бы не сильно рассчитывала выжить. — Ученики умрут первыми. Да и Император не пошлет нам на помощь. Никто не придет. Мы либо сами победим, либо умрем.

— Вы не против умереть. — Отмахнулась я. — Колесо сансары все дела.

Учитель лишь опять вдохнула дым и засмеялась. Я махнула на нее рукой, и не став кланяться, побежала на утреннюю медитацию.

Медитировалось плохо, все ученики были возбуждены. Конечно, никто не шептался, все сидели как положено, с ровными спинами и с полуприкрытыми глазами. Но в самом воздухе витало напряжение, отчего учитель, медитирующий сегодня с нами, тоже хмурился.

Напали на Академию без шума и пафоса. Огромная армия вползла по ступеням. Они тяжело дышали и бряцали оружием. К тому времени мы закончили медитацию, но остались без обеда. Что тоже не добавило нам хорошего настроения. Нам раздали оружие: луки и стрелы, ведра с кипятком и смолой. Когда вражеская армия подошла в зону поражения нам тоже разрешили воевать. Мы стреляли, а учитель ехидно комментировал наши промахи.

Впрочем, у меня стрелять вышло вполне неплохо. Стрелы ложились ровно и поражали плохо защищенных людей. Это было даже скучно.

Впрочем, в нас тоже стреляли, и один очень умный солдат даже додумался метнуть в нас копье. Копье, ожидаемо не долетело, а вот он умер почти сразу.

Нападающие потеряли уже очень много людей. Но их было много, и они могли себе это позволить.

Возможно, они хотели завалить стену телами и перебраться по ним. Но стена было очень высока, и начиналась практически от самых ступенек, а значит тела волей-неволей сползали вниз.

Наконец рог протрубил отступление. Спускались по лестнице они гораздо живее, чем поднимались. Тела погибших остались лежать под стенами Академии.

— Очень плохо. — Покачал головой учитель Мао. — Так и до болезней недалеко.

Впрочем, он не отправил нас убирать тела. И в воздухе повис тяжелый запах крови. Да и тучи мух не добавили картине красоты.

Обед нам дали на ужин. Когда мы перевязали друг другу раны и царапины. Из наших пока никто не умер, но мы не сомневались, что армия еще вернется.

А после ужина ко мне подошел Сунь.

— Ты куда-то ходишь ночью. — Сказал он. — Вниз да?!

Я молчала, предоставив ему право говорить.

— Ты на чьей стороне? — Прямо спросил он.

— Там внизу Лон. — Ответила я. — Тот парень, с которым мы вместе поступили. Он сидит в яме. В очень глубокой яме. Его заставили эту яму копать.

Сунь кивнул.

— Я хочу знать, что он еще жив. — Неловко закончила я.

— Иди. — Отступил Сунь.

— Спасибо. — Ответила я и в самом деле пошла.

— Надеюсь, он жив.

Я молча кивнула. Я тоже надеялась.

На самом деле в моем хождении туда не было никакого смысла. Я не видела возможности помочь Роланду. Моих слабых лисьих сил не хватит, чтобы бросить ему вниз доску или веревку. Да и вряд ли охранники позволят это сделать. Даже просто прокрасться к его тюрьме незамеченной я не смогу. Так зачем же я продолжаю туда ходить? Обе попытки едва не стоили мне жизни. К тому же я уже не спала две ночи, и это определенным образом стало сказываться на моем самочувствии.

Проснувшись я ночью, как от толчка. Я помнила, как Сунь пропустил меня, потом я помню учителя Цинь, что тенью мелькнула рядом со мной, потом темнота. И теперь я лежала на циновке, где обычно спала, во внутреннем круге Академии. Рядом никого не было, но я слышала шум. Я подхватила меч. Рядом со мной лежал лук со стрелами. Я схватила их и побежала на шум. Хотя я проспала всего несколько часов, я прилично отдохнула. Спасибо учителю. Хотя я все равно, наверное, предпочла бы знать, что с рыцарем все хорошо, а также знать, что повстанцы готовились к ночному штурму. Бой шел во внешнем круге. Им удалось разбить парадные ворота, и теперь часть повстанцев проникли во внутренний круг. Пройти дальше им мешали еще один ворота, ведущие во второй круг, которые тоже были очень прочны.

Я не стала геройствовать и пристроилась за выступом скалы, откуда было очень удобно стрелять. Не смотря на падение ворот, прорваться всем во внутренний периметр было невозможно. Армия была все еще огромной, а внутренняя площадка Академии хоть и вмещающей всех послушников на утренней медитации и занятиях, но все же не достаточной для встречи армии и кучки учеников. Стрелять было удобно, враги были как на ладони, в то же время я была им плохо видимой. Впрочем, стрелы быстро закончились, и мне пришлось спуститься во второй круг. Там было множество вражеских стрел, которые не долетели до целей. Собрать их тоже не составило труда. Так я сделала несколько заходов. Но процесс был бесконечным. На место убитых и раненых вставали все новые и новые солдаты. Да, они пока не могли взять штурмом вторые ворота, потому что нам пока удавалось сдерживать их натиск, но первые ворота мы похоже, потеряли.

— Как они умудрились выбить ворота? — Спросила я в секундную заминку Суня, что неожиданно оказался рядом.

— Мы были беспечны. — Пожал плечами тот. — Думали им ворота не по зубам, но их лазутчики смогли преодолеть стену, убили наших караульных и просто открыли ворота изнутри.

Я неодобрительно покачала головой. Воистину, мы что, думали, что неуязвимы.

— Много еще наших живы? — Опять спросила я его.

— Не знаю. — Вздохнул Сунь. — Ученики первого круга почти все мертвы. Но я видел учителя Мао и Цинь. Думаю, они точно живы.

Я вздохнула, не удивлюсь, если они как раз единственные и выживут тут.

Моя маленькая передышка закончилась, и я вновь начала стрелять. Стрел было более чем достаточно, солдаты тоже не жалели стрел, и они тучами возвращались к нам, во второй

круг. Очень быстро рассвело, и моя позиция стала не такой выгодной. Впрочем, мне все равно было лучше, чем тем, кто сражался внизу. Я видела, что наших сильно теснят. Мы уже давно потеряли внешний круг, и сейчас бой шел за право прорваться ко вторым воротам. Впрочем, здесь наша ситуация выглядела пока неплохо. Особенность Академии была в том, что стояла высоко в горах. Сама местность здорово помогала нам. Высокие скалы, множество ступенек и крепкие стены с воротами сильно помогали нам и мешали солдатам.

Я сделала еще пару вылазок за стрелами. Мне ужасно везло, впрочем, сейчас я отсиживалась за спинами своих товарищей, и можно ли назвать везением подобную трусость. Впрочем, я считала от этих моих действий гораздо больше пользы, чем, если бы я вышла во второй круг Академии с мечом в руках. Да, возможно, я бы смогла долго продержаться, возможно, гораздо дольше, нежели эти бедные мальчики, чьи тела остались на каменных площадках.

Постепенно наступило время обеда, но никто и не думал прервать битву и подкрепиться. Учителя казались неуязвимыми, до того момента, когда зацепили учителя Хальвана. Этот огромный беловолосый варвар сражался в самом центре, он без устали орудовал огромным топором, и тем глупее выглядело его падение, когда какому-то солдату удалось воткнуть в него свое плохонькое копье. Впрочем, варвара воспитанники Академии прикрыли щитами и затащили во двор внутреннего круга. Копье, естественно солдат вытащил, но нога учителя выглядела ужасно. Учитель Цинь наскоро перевязала его и дала проглотить пару пилюль.

Варвара устроили во внутреннем круге и дали ему в руки лук со стрелами и меч. Но всем было ясно, что спасти его может только чудо. Впрочем, как и нас всех.

Солдат было ужасно много. Правда каждый ученик Академии стоил десятка солдат, а учитель, пожалуй, и сотни. Но армия была готова идти на эти потери, их людские ресурсы поистине впечатляли. На смену умершим солдатам поднимались все новые и новые. Плохо обученные, но полные сил. В то время, как мы уже здорово устали.

Ближе к вечеру их главнокомандующий скомандовал отступление. Их потери удручали. Внешний круг был завален телами, тела также громоздились на лестницах, и лежали вплоть до подножия гор. Никто их не убирал. Некоторые были еще живы, они ужасающе стонали и шевелились.

Наши потери тоже удручали. Хальван умер ночью, и уже в бреду жалел, что не сделал это в бою. Мальчики и девочки из внешнего круга тоже умерли, за исключением трех везунчиков, что сейчас помогали нашим раненым: носили воду из внутреннего источника, кипятили немудреные повязки и помогали обрабатывать немногочисленные раны.

Никто не терял бдительности, мы ждали от повстанцев подвоха. Никто не думал, что они, потеряв столько человек решат отступить. Это вчера мы потеряли бдительность. Мы расслабились и не ждали от вчерашних крестьян военной хитрости и диверсий. А сегодня мы уже были во всеоружии.

Сегодня некому было приготовить нам ужин, поэтому каждому досталось по несколько пресных лепешек и паре глотков пресной воды. Воду не было необходимости экономить, во внутреннем дворе Академии был свой источник, и мы могли долго продержаться при осаде. Но я подозревала, что у повстанцев есть какой-то план.

Вряд ли их планом было застрять, осаждая ненужную Академию до первого снега.

— Что ты собираешься делать? — Учитель Цинь опять сидела с самокруткой и вдыхала

сладковатый дым. Выглядела она порядком уставшей.

— Не знаю. — Честно призналась я. — Сейчас пробраться в деревню будет и проще и сложнее.

— Я бы попросила себя сходить. — Произнесла Цинь. — Я не могу приказать. Ты и не мой ученик, да и это как-то не этично что ли. Все же у тебя много шансов не вернуться.

— Да ну. — Беспечно отмахнулась я. — Два раза же получилось.

— Надо узнать планы командования. — Снова приложила к сигаретке учитель. — Значит не под забором посидеть и послушать солдат, а подобраться совсем близко. А там уже совсем другой уровень безопасности.

— Я справлюсь. — Легко кивнула я. — А не справлюсь, так какая беда.

— Сейчас нам больше не на кого рассчитывать. — Серьезно ответила учитель. — Никто из нас не сможет близко подобраться.

Я сложила одежду под тот же куст и приступила к поклонам. Учитель мне не мешала, покуривая и думая о чем-то своем. Сегодня пришлось отбить множество поклонов. Я уже устала, а лопатка два раза падала с головы. Но учитель молчала, и я продолжала пытаться. Наконец мир перевернулся и замер. Я подпрыгнула и тьякнула.

Спуск вниз дался легко, но к самой деревне пробраться оказалось сложно. Несмотря на то, что солдат погибло немало, охрана деревни стала только лучше. Никто уже не шутил, не пел песен и не пил вина. Палатку самого главного повстанца окружали аж несколько кордонов. Везде горели костры, а солдаты, хоть и уставшие, но верно несли караулы. Я затаилась с задней стороны палатки, которая была выполнена из отличной кожи, но все же вполне неплохо пропускала звуки. Юй Лун ругался. Он был ужасно недоволен, что до сих пор не смогли захватить Академию, где всего семерка опытных бойцов, а остальные никчемные ученики. В то время, как у него огромная армия воинов, которая теперь уже не такая уж и огромная.

Его собеседник слабо оправдывался, что Академия неплохо укреплена, что подъем в тысячу ступенек непростое испытание для воина.

— Да, тут ученики бегают по утрам по этим ступенькам! — Вскричал Юй Лун. — Просто бегают. С ведрами с водой.

— На то они и ученики. — Философски ответил его собеседник. — В монастырях испокон веков любили над учениками по всякому издеваться. Тупая монотонная работа, бесконечные задания, тяжелые физические упражнения. Я всегда говорил, что мы плохо тренируем наших солдат.

— Довольно пустых слов. — Рыкнул претендент на императорский халат. — Что нам делать. Мы не можем развернуться и просто уйти.

— Не можем согласился собеседник. Для репутации будет сильно плохо.

— К демону репутацию! — Рыкнул Юй Лун.

— Нельзя. — Вздыхнул его собеседник. — Репутация сейчас для Вас самое главное. Монастырь надо захватить любой ценой.

— Может, предложить им сдаться? — Задумчиво предположил повстанец. — Ну, сколько они еще могут упорствовать?

— Да еще пару лет. — Отмахнулся его военачальник. — Еда у них есть, вода, судя по всему, тоже. Сиди себе в Академии. Можно и дальше обучать учеников. Нет. Надо завтра провести победоносный бой и убить всех.

— Как?!

— Желательно покровавее. — Охотно подсказал военачальник. — Чтоб надолго людям запомнилось.

— Может лучше пару деревенских казним. — Предложил Юй Лун. — И солдатам развлечение, и рты лишние не кормить.

— Лучше пойдем ученика из Академии попытаем. А там и казнить можно покровавее. А тело к Академии подкинуть.

— Зачем? — Удивился будущий император.

— Ну, акт устрашения, и все такое.

— Глупости. Будь он дорог, за ним бы уже пришли.

— Куда? Сюда? Сюда и мышь не проскочит. Это мы ходим к ним, как к себе домой, а у нас с дисциплиной все в порядке.

— Ну, на самом деле над дисциплиной нам еще работать и работать. — Признался Юй Лун. — Но сейчас уже и в самом деле лучше. Мы повесили каждого двадцатого, но остальному сброду вроде бы удалось вбить в головы, зачем они здесь собрались. Тренируются правда они из рук вон плохо, жрут как не в себя, и подворовывают. Не о таком воинстве я мечтал.

— Признаюсь честно, у императора Чжу Юньжана те же проблемы. — Отмахнулся советник. — Во все времена были проблемы с дисциплиной в армии. Немало трактатов написано было, как правильно воспитывать воинский дух.

— И как же? — Заинтересованно спросил Ма Лунь.

— Пытки, казни, шантаж. Побои еще помогают. И иногда награды отличившихся. Чтобы знали к чему можно стремиться. — Заметил советник. — Все, как при воспитании детей. Ты им родней отца, а они тебе как дети.

— Не припоминаю, чтоб мой отец детей казнил. — Задумался Ма Лунь.

— Плохой отец значит. Ну, что, приказать, чтоб белобрысого из ямы достали?

— Сами туда сходим. Незачем тут палатку пачкать.

Мне стоило огромного труда незамеченной проскочить за ними.

Из ямы достали всех. Роланд был заметно осунувшимся и явно уставшим. Ли держался молодцом, пока его вытаскивали, он ни разу не повторился в бранных словах, заворачивал так, что я поневоле заслушалась. Вот уж не

ожидала в нем таких талантов. Ему бы трактаты писать, или устроиться секретарем какому чиновнику. Крестьяне были молчаливыми и сильно напуганными.

— Сейчас мы будем вас пытаться! — Радостно заметил Ма Лунь. — А знаете почему?

Все молчали.

— Потому что вы преступники и заслуживаете самой суровой казни. Но мы милостивы и готовы сохранить ваши жизни, если вы расскажете слабые места Академии.

Крестьяне озадаченно переглянулись. Рыцарь молчал, а Ли расхохотался.

— Но, господин, — один крестьянин принялся кланяться, — откуда бы нам значить их слабые места, коли мы ни разу там не были.

— Вы давно здесь живете. — Ответил вместо своего господина военачальник. — Слушали сказки и предания, общались с монахами и их учениками. Ученики небось сюда постоянно бегали от строгих наставников отдохнуть. Кто-то что-то болтал.

— По одному будем пытаться. — Заметил Ма Лунь. — начнем с тебя. — Палец будущего императора ткнул в говорливого крестьянина.

— Какую пытку предпочитает господин? — Услужливо обратился солдат, которому

было приказано проводить экзекуцию.

Ма Лунь принялся перечислять все, чему он хотел бы подвергнуть несчастного.

Я разочарованно слушала. Фантазия у него была убогая. Резать, колоть, жечь. Вот помнится, дедушка у меня помимо трактата о том, как правильно тянуть мышцы чтобы гибкость ребенка оставалась с человеком на долгие годы, немного отвлекся и написал трактат по пыткам. Чему немало поспособствовали его тренировки на нас. Например, иголки воткнутые в определенные точки на теле не давали крови и увечий, но давали ужасные боли, и порой от одного укола отнимались конечности. Помню, один раз я ждала почти сутки чтобы рука вновь обрела подвижность, а уж сколько слез я тогда пролила, сколько обещаний принесла.

Или, например, пытка водой. Когда дедушка за какой-то проступок велел зафиксировать своего ученика, запрокинул ему голову а сверху приладил худой кувшин. Это мерное капанье воды на его лоб. Казалось бы, ничего особенного, но когда его отвязали, он был седым и безумным. На его лбу была вмятинка, что оставила столь безобидная с виду вода. К ученику так и не вернулся разум, не смотря на курс иглоукалывания и прижиганий. Одной только этой пытке дедушка посвятил шесть свитков.

Или когда поставщик зерна попался на некачественной поставке. Так его связали и кормили недоваренным рисом и обильно поили водой. Рис пророс в его желудке и смерть несчастного была поистине ужасна.

Меж тем, бедного крестьянина начали колоть ножами. Ранения наносили глубоко и весьма густо по телу. Его крики заполнили пространство. К сожалению, я была возможности заткнуть уши, ибо его мучения были ужасны. И, главное, даже если его мучения прекратить, он уже не сможет жить.

Я приоткрыла глаз. Ма Лунь искренне наслаждался процессом. По моему скромному мнению, ему был совершенно неважен результат. Рыцарь отворачивал голову, пока ему еще позволяли это сделать, остальные крестьяне втянули головы в плечи и старались сделаться незаметными. Ли же с интересом наблюдал за происходящем.

— Ой, он умер. — Воскликнул бывший ученик. — Какая жалость, да?!

Он захохотал, запрокидывая голову, показывая желтые зубы, передних из которых уже не было. А ведь еще совсем недавно он мог похвастаться красивыми зубами и веселой улыбкой.

— Он сошел с ума? — Удивленно спросил Ма Лунь. — Но как он тогда нам откроет секреты Академии?

— У нас еще есть один ученик. — Ответил его подчиненный, — и он пока в своем уме. Ведь так?

Он пнул рыцаря, тот поморщился но не посчитал нужным отвечать.

— Ах так? — Воскликнул уязвленный военачальник. — А если в тебя воткнуть пару острых предметов. Тогда ты как запоешь?

— Я, конечно, буду кричать. — Наконец заговорил рыцарь. Плоть слаба, и я, увы, не горой древних легенд. Но, увы, я не смогу при всем моем горячем желании поведать секретов Академии. Я их просто не знаю.

— Ничего, возможно, мы сможем помочь твоей непрочной памяти. — Захихикал Ма Лунь. — Иногда люди такое вспоминали, что мне бы и в голову не смогло прийти.

— Он Вам ничего не расскажет. — Неожиданно заговорил Ли. — А вот я расскажу.

От неожиданности рыцаря отпустили. Впрочем, он не стал совершать глупых поступков

и просто сел на землю там, где стоял.

— У меня нет причин беречь тайны Академии. — Продолжил Ли. — Я служил учителем верой и правдой долгие годы, но он предал меня, и сейчас я думаю, будет справедливо, если я открою пару их тайн вам.

— Они ведь все равно всех убьют! — Пробормотал рыцарь.

— Убьют. — Кивнул Ли. — Более того, я теперь точно попаду в ад и пару тысячелетий буду мучиться у Янь Ло Вана, пока мою душу не отпустят на новый виток перерождения. Да и там я вряд ли смогу родиться удачнее, чем собака. Но я все равно готов показать вам, где слабая кладка в стене. Это случилось, когда я только попал сюда ребенком, и сейчас уже вряд ли кто-то помнит. Но в стене есть слабое место, где раствор я клал кое как, и никто меня не проконтролировал.

— Говори! — Кивнул ему Ма Лунь. — Где эта кладка?

Ли опять безумно захохотал, но все молча ждали, пока этот приступ смеха завершится.

— Я пойду с вами. — Наконец сказал Ли. — Вы без меня не найдете, а потом скажете, что я плохо объяснял. Я годами терпел боль, и не хочу новой. Обещайте, что после того, как захватите Академию, вы подарите мне легкую смерть.

— Еще чего! — Воскликнул претендент на императорские тапочки. — Обещания еще всяким проходимцам раздавать.

— А с чего бы мне тогда вам помогать? — Удивился Ли. — Так вы меня сейчас будете пытаться. Но пытаетесь вы плохо. Вон он меньше чем через кэ умер. Я уже здорово подорвал свое здоровье и не смогу долго вас радовать. Так что да, я хочу гарантий.

— Мы дадим их тебе после того, как убедимся, что кладка и в самом деле может быть разрушена.

— Пойдет. — Махнул рукой Ли. — Тогда пошли.

— Не так быстро. — Махнул рукой Ма Лунь. — А где гарантия, что ты не заведешь нас в ловушку.

— В какую? — Опять рассмеялся Ли. — Будь у них ловушка, они бы уже давно вас в нее завели.

— В твоих словах есть зерно истины. — Согласился военачальник. — Но и ложь отчетливо пахнет.

— Учителя давно не воевали. — Ли стал серьезным и это было непривычно. — Они всю жизнь учили, как надо убивать, но не вести военные действия. Их сердца размякли, и они думают, что стены Академии неприступны. Вернее, думали так. Сейчас я более чем уверен, они испуганы и потеряны. Они бы отправили на разведку какого-нибудь ученика, кого не жалко, но думаю, младших учеников вы уже вырезали, а старшие сами не дураки. Вы тут хорошо крепились. Так чего же вы боитесь. Собирайте свою армию, стройтесь и идите за мной. Идти будет нелегко, но ваш штурм по парадной лестнице тоже не был легким.

Претендент на императорские чулки задумался. Потом нехотя кивнул.

Тут же была развернута бурная деятельность. Солдаты строились, оружие проверялось. Отовсюду зазвучали гортанные крики и отрывистые команды.

— Этих, куда? — Спросил солдат, кивая на оставшихся крестьян и рыцаря.

— Убить? — Спросил Ма Лунь.

— Ни в коем случае. — Ответил Ли. — Крестьян, конечно можно и убить, но лучше обратно в яму. Вдруг вам еще понадобятся. Убить-то всегда успеете.

— Твои советы не лишены логики. — Кивнул повстанец. — Тем обиднее осознавать,

что у тебя столь черное сердце.

— Ничего. — Ли кивнул, я со своим сердцем договарюсь. Когда мне придет время, а судя по всему, мое время все ближе и ближе, господин Янь Ло взвесит всю мою жизнь на своих весах и отмерит мне наказания для последующего перерождения.

— А твоего товарища? — Вновь спросил претендент на императорскую шапку.

— А его возьмите с собой. Рядом со мной поставьте, и пусть тоже испытывает тяготы и лишения. Он не достоин сидеть в яме и прохлаждаться. Опять же, вдруг по дороге и он чего вспомнит.

— А не хочешь ли ты меня обмануть? И, ну, например сбежать? — Ма Лунь ткнул носком сапога в бывшего ученика.

— Куда? И как? — Ли удивленно помахал в воздухе своей ногой. Вернее тем, что от нее осталось. — Вы, мой господин, очень умны, ваша мудрость и прозорливость не знают себе равных. Но я не смогу сбежать. А чтобы и он не смог, то пусть несет меня.

— Отличная идея! — Воскликнул военачальник. Пусть несет его и идет первым. Так даже если они что-то задумали, мы успеем им помешать.

Так они и пошли. Первым рыцарь, неся на закорках веселящего Ли, следом солдаты, в позадн Ма Лунь и его приближенные.

Я лежала в ужасе, зажав лапами хвост и молилась одному лично мне знакомому демону. Ибо кроме него мне никто не мог помочь. Впрочем, демон не спешил мне на помощь, а армия шла мимо меня.

О том, чтобы обойти армию и успеть первой не стоило и мечтать. Поэтому я рыжей тенью следовала за ними. Восхождение у армии заняло очень много времени. Ли и не думал заботиться о комфорте солдат и рыцаря и заставлял карабкаться по скалам, перепрыгивать через расщелины и, кажется, вовсе веселился перед своей скорой смертью. Рыцарь молча сносил его подколки и сравнения с лошадьо.

Ближе к утру остановились на привал. Армию решили разделить с тем, чтобы основная часть напала как вчера, через главные ворота, а меньшая часть разломала кладку, ворвалась, учинила панику и отворила ворота изнутри.

Представляю, как ругались солдаты, вынужденные проделать обратный путь.

Сам Ма Лунь после долгого размышления примкнул к основному штурму, я думаю из-за того, что там было безопаснее. Но он оставил приглядывать за диверсантами своего военачальника, которого оказывается звали Юй Лун. Я подумала, что в царстве у родителей воистину закончилась фантазия, коли каждого ребенка мужского полу стали называть драконами.

Во время недолгого отдыха я отползла подальше.

— Эй, малышка! — Я испуганно завертела головой.

В соседних кустах лежал демон, лежал он, расслабившись, подперев голову передней лапой и задумчиво за мной наблюдал. После поманил к себе когтистой лапой.

Я послушно к нему подползла.

— Я тебя слышу. — Успокоил меня демон. — Конечно, человеческую речь я лучше понимаю, но ты твякай потише, а то эти придурки нас заметят.

— Можешь их убить? — Послушно твякнула я потише.

— Нам как бы нельзя вмешиваться в дела смертных и все такое. — Задумался демон.

Я раздраженно засопела. Значит, как целую деревню в страхе держать, так можно, а здесь убить пару сотню солдат, так запрещено.

— Ну, так я и за деревню получил. — Расстроено признался демон. — Меня знаешь, как Ван Янь Ло ругал. Так ругал, так ругал, об мою голову аж две швабры сломал.

Демон показательно поскреб рогатую голову.

«Ну, пожалуйста»- Я состроила демону глазки.

— Не, малышка, даже не проси. — Демон опять поскреб голову. — Даже не знаю, чем тебе помочь. Хочешь, я вас двоих отсюда в безопасное место унесу? — радостно предложил он. — Могу даже того калечного прихватить.

Я замотала головой. Потом задумалась.

«Давай мы вначале попробуем отбиться»- Наконец твякнула я. — «А когда уже конец, то заберешь нас?»

— Не отобьетесь. — Вздохнул демон. — Чувствую, у Владыки сегодня будет перенаселение грешных душ. Он будет злой, как сто демонов и ему лучше под горячую руку не попадаться.

Я вздохнула.

— Ну, есть пара шансов. — Правильно понял мои печали демон. — Всегда есть место подвигу и все такое.

Я воспряла духом.

— Ты иди. — Махнул демон. Я если что быстро примчусь. Полежу еще тут.

«Может меня до Академии подкинешь хотя бы?»

— А что! — Воскликнул демон. — Это я запросто. Это в дела смертных мне нельзя вмешиваться, а ты-то сама демон. Своим можно и помогать. Можно даже и бескорыстно.

Демон вздохнул.

— Но ты лучше кредитов у меня не набирай. Я так-то добрый, но люблю повеселиться, особенно поесть.

Я послушно кивнула, мысленно пообещав не приставать за помощью к демону слишком часто.

Не смотря на то, что уже давно рассвело, учитель Цинь сидела там же, где и была. Правда уже давно не курила.

Демон стряхнул меня на траву и исчез.

— Вернулась. — Воскликнула она. — Я уже и не чаяла.

Я торопливо стряхнула лопатку и натянула штаны с рубашкой. Лопатку я сунула за пазуху. Чувствую, теперь ее лучше держать при себе.

— Они разделились. — Быстро доложила я, отвлекая внимание от моего фееричного появления. — Часть продолжит штурм, как вчера, а часть будет ломать какую-то кладку, я не знаю где. Ее давно сделал Ли, ну тот ученик учителя Мао.

Цинь задумчиво поскребла голову.

— Не припоминаю никаких кладок. — Наконец призналась она. — Тебя просто бесполезно отправлять в разведку. Вот что ты узнала, ничего полезного!

Я виновато потупилась.

Цинь подхватила и пошла в Академию.

— Мао! — Издалека закричала она. — Помнишь, у тебя был ученик, Ли? Много лет назад, ты отправлял его делать каменную кладку. Где она?

— Во внутренней части Академии. — Произнес учитель. — Плохо сделал он ее, очень плохо. Я тогда не стал его бить, все думал, что ученика можно без побоев воспитать, тихонечко сам после переделал. Да заделал так, что там теперь прочнее, чем сама скала.

Мы с Цинь недоумевающе переглянулись.

— А сам Ли знал о том, что вы ее переделали? — Спросила я.

— Да, наверняка знал. — Махнул рукой Мао. — Он же всегда был такой пронырливый.

Наверняка видел. И ведь у него тогда ни капли совести не пробудилось.

— А как она должна была пробудиться? — Заинтересовалась я.

— Ну, помочь мне встать. — Нахмурился учитель.

Мы все же отправились проверять эту кладку. Часть людей оставили оборонять главные ворота, поскольку штурм все равно начнется. А сами отправились проверять эту кладку. И вовремя.

— А вот и мы! — Радостно возвестил Ли, въезжая на рыцаре в небольшую дыру.

Мы в этот момент стояли вдалеке, но команда диверсантов нас видеть никак не могли. Первые солдаты вылезли в дыру безбоязненно и сразу же упали, пораженные учителем Цинь. Рыцарь с Ли отбежали подальше, чтобы не мешать драке.

— Засада! — Успел крикнуть, кажется, пятый солдат.

— Все равно в атаку! — Крикнул Юй Лун с той стороны, не торопясь, впрочем, лезть в дыру сам.

Солдаты полезли. Они лезли, мы их убивали. Они были в очень невыигрышной позиции, дыра была маленькой, пропустить больше двух солдат одновременно было невозможно. Поэтому они пролезали по двое и сразу умирали, наткнувшись на наше оружие.

— Как ты разрушил кладку? — Строго спросил учитель Мао. — Ведь я сам ее переделывал, она была прочнее скалы!

— Так вы не ту переделали. — Отмахнулся Ли. — Я же тогда почти месяц стены восстанавливал. Много успел напортачить где.

Учитель нахмурился, но промолчал.

— Отступаем! — Крикнул Юй Лун с той стороны и солдаты перестали лезть из дыры.

— Лезть туда самим смертоубийство! — Воскликнула я. — Теперь преимущество будет у них.

— Может, ты быстренько сбегаеть, посмотришь, как они там? — Предложила учитель Цинь.

— А, может, вы сами сбегаете? — Дерзко ответила я.

— Но у тебя все для этого есть! — Учитель Цинь кивнула на мою рубашку.

Мужчины, пока не знающие в чем дело задумчиво уставились на мою плоскую грудь.

— Это глупо! — Наконец заметил учитель Мао. — Такой грудью врага не отвлечь. Да и там темно, они все равно вначале убьют ее, а потом начнут на груди пялиться.

Учитель Цинь заскрежетала зубами, но не стала пояснять свою мысль.

— Свою показывайте! — Опять дерзко ответила я.

— На ее уже точно не отвлекутся. — Опять задумался учитель Мао. — Вот лет двадцать назад...

Учитель Цинь покраснела.

— А давайте, просто дыру завалим камнями? — Бесхитростно предложил рыцарь.

— Чтобы раствор схватился нужно длительно время. — Заметил Ли. — Мы сейчас завалим. Они развалят. Мы же не можем тут сидеть и контролировать. Так Академию захватят, пока мы тут сидим.

Я прислушалась. С той стороны было тихо.

Я подхватила меч и прошмыгнула в дыру.

— Эй, а раздеться? — Крикнул вдогонку Ли, чем чуть не испортил мою маскировку.

Впрочем, с той стороны никого не было. По моим скромным подсчетам, всего несостоявшихся диверсантов оставалось не более семерки.

Я кралась по темным лазам. Здесь было темновато, но за счет сети естественных пещер незначительное количество света все же сюда проникало.

Я вновь затаилась, и задержала дыхание и была вознаграждена.

Их осталось восемь, и они напали одновременно. Мне пришлось нелегко. Одного я разу вывела из строя, полоснув мечом по животу. Да, это были плохо обученные солдаты, но сам Ма Лун умел драться. Впрочем, здесь они скорее мешали друг другу. Я увернулась от копья одного солдата, поднырнула под другое и, оказавшись у них за спинами, резким взмахом своего меча убила еще двоих солдат. Остальные торопливо развернулись лицом ко мне. Я повторила свой коронный трюк с нырком, и с земли удалось захватить горсть мелких камушков, которые я швырнула в лицо Юй Луню. Я почти зацепила его мечом, но мне пришлось отвлечься на левого солдата, и момент был упущен. Я сделала выпад, словно целюсь мечом в ноги и тут же резко взмахнула им в лицо солдату. Меч прошел сквозь его челюсть, и зрелище было ужасным. К сожалению, вытащить меч быстро я не смогла. Пришлось выхватить копье у упавшего солдата. Против меня остались два противника. И если солдата я легко убила, просто нанизав на копье, то с Юй Лунем так легко не получится.

— Ну, что ж. — Юй Лунь легко покачал своим мечом. — Признаюсь, я восхищен. Вытащи свой меч.

Я, не выпуская его из вида попятилась до солдата, в ком остался мой меч.

Юй Лунь позволил мне взять меч.

— Я восхищен твоим мастерством, ученик. — Опять произнес военачальник. — Как твое имя?

— Ша. — Легко ответила я.

— А настоящее? — Нахмурился Юй Лунь. — Не ученическое прозвище, а родовое имя? Я же вижу, ты из благородных. Когда я убью тебя, я пошлю весточку твоим родным.

Я бы расхохоталась, но не могла терять концентрацию перед решающим боем, поэтому лишь кривая ухмылка перекосила мое лицо.

— Ну, что ж. — Притворно вздохнул он, — не пошлю весточку. Умрешь как бездомная собака.

Без предупреждений он сделал длинный выпад, видимо рассчитывая покончить со мной одним росчерком меча. Но я ожидала чего-то подобного и отскочила. В свою очередь я подхватила с земли копье, и метнула его в него.

Впрочем, от этого толка было не много. Копье я кинула левой рукой, и оно ожидаемо пролетело сильно левее, не причинив и тени ущерба. Военачальник сделал выпад ногой в мою сторону, но я легко отразила удар ноги, поставив блок, а его меч наткнулся на сталь моего меча. Я сделала вид, что буду бить по ногам, а когда он подпрыгнул наугад ткнула мечом в его корпус. Мой выпад был удачным, но в то же время, меч Юй Луна тоже чиркнул мне по предплечью. Впрочем, он на миг замер, с недоумением уставившись на красное пятно, расплывающееся на его халате. Я воспользовалась его заминкой и еще раз воткнула свой меч ему в живот.

— Меня зовут А Лия. — Произнесла я, глядя в его тускнеющие глаза. — Я внучка Хоу Шэньлуна.

— Это многое объясняет. — Булькнул Юй Лун, прежде чем окончательно умереть.

— Могла бы вместо пафосных вещей принести его в жертву, например. — Недовольно буркнул демон, присаживаясь рядом с телом.

— Кому? — Удивилась я.

— Хотя бы мне. — Опять нахмурился демон. — Мне было бы приятно.

— Но я не знала. — Растерялась я.

Демон радостно захохотал.

— И в кого ты такая наивная, малышка. — Он веселился и вытирал слезящиеся глаза кисточкой от хвоста. — Я же поднебесный демон. Нам не приносят жертв. Владыка Подземного Царства может разгневаться. Просто ты бы видела себя со стороны: «меня зовут, я внучка...»- Демон передразнил меня писклявым голосом. Вот умора!

Я и в самом деле засмушалась. Наверное, я и впрямь глупо выглядела.

— Что дальше собираешься делать? — Поинтересовался демон.

Я задумалась.

— Пойду обратно? Наверное, надо завалить эту дыру камнями и продолжить оборонять Академию. Рано или поздно они поймут, что мы им не по зубам и уберутся.

— Поздно. — Махнул лапой демон. — Академию захватили.

— Как?

Я бросилась бежать обратно.

— Твои выжившие друзья расскажут тебе подробнее. — Демон пристроился рядом и легко бежал рядом со мной.

Я вылетела к дыре, через которую попала сюда. Перелезть через каменные завалы было быстрым делом, и вот я уже вновь в стенах Академии. Бой велся в пределах второго круга, враги взяли штурмом вторые ворота и их продвижение во внутренний круг было делом времени.

— Отходим! — Крикнул Ли, который бодро прыгал, помогая себе мечом. — Быстро отходим во внутреннюю часть.

Как ни странно, но его все послушались, учитель Цинь и Мао, и еще учитель Ван, которого я знала плохо. Он был наставником детей, и вроде бы не отличался повышенной злобой. Следом за ними слаженно отступили и оставшиеся в живых ученики. Среди них я с удивлением увидела Суня. Тот нес в руках факел, которым до этого поджигал стрелы, чтобы доставить врагам еще больше удовольствия. Сильно похудевший парень тоже узнал меня и задорно подмигнул, хотя ситуация мало способствовала веселью.

Мы отступили во внутренний круг, а Ли шел последним и немного замешкался.

— Бегите! — Крикнул он, выхватил факел из рук Суня и бросил его в бутылки с маслом, что стояли рядком под стенами. Масло вспыхнуло, а следом что-то громко бахнуло, а потом еще и еще. Сверху на нас посыпались камни, я пригнула голову, когда мимо меня пролетел кусок камня, размером с голову.

— Быстрее! — крикнул Ли и я послушно прибавила ходу.

Потом раздалось еще несколько баханий. Мы добежали до хода в скале, и я напоследок оглянулась. Ли каким-то образом разрушил кусок скалы, и она сейчас погребла под собой огромную часть и без того прореженной армии, второй и почти весь внутренний круг Академии. Разрушения были огромны. Но хуже всего, что Ли остался там.

— Уходим. — Буркнул рыцарь, проталкивая нас в дыру.

— Надо завалить лаз как сумеем. — Принялась командовать учитель Цинь. — Им сейчас, конечно не до нас, но этот сопляк будущий император не пострадал, так что рано

или поздно он примется за поиски уцелевших нас. К тому времени нам надо будет убраться как можно дальше отсюда.

Мы завалили лаз. Выглядел завал конечно не так цельно, как был до вмешательства, но все же сейчас уже было не понятно, что мы прошли этим путем.

Здесь была целая сеть природных пещер, но учитель Мао уверенно повел нас через них.

Мы блуждали очень долго. Ноги гудели, но никто не жаловался. Среди нас были трое мальчишек, но даже они шли молча.

— Отдохнем немного. — Наконец произнес учитель Мао.

— Нам надо предупредить императора Чжу Юнчжана. — Произнесла учитель Цинь.

— Думаю, он знает. — Отмахнулся учитель Мао. — Кто мы такие, чтобы ломиться к императору.

— Отправить птичку? — Предложила старушка.

— Уже трех отправили. — Скептицизм в голове учителя Мао только рос. — Императору или все равно, или наши птички были пожарены солдатами на ужин.

— Но мы не можем просто уйти, спасая свои шкуры! — Воскликнула учитель Цинь.

— Мы должны дождаться пока солдаты уйдут, и начать восстанавливать Академию. — Произнес Мао. — Наш долг и наше служение заключается в этом.

— А я считаю, что наш долг- служение императору. — Упрямо мотнула головой старушка. — И готова одна отправиться к запретному городу, чтобы добиться у императора аудиенции и рассказать об армии.

— Иди. — Легко отмахнулся Мао. — Можешь даже прихватить кого-нибудь из учеников. Но в таком случае, об обучении в Академии придется забыть.

— А диплом? — Спросил рыцарь.

— Диплом дадим. — Кивнул Мао. — Я даже напишу, что ты тут два года обучался. Надо?

Рыцарь задумался. А я неожиданно для себя ответила.

— Я согласна.

Учитель Цинь радостно кивнула.

— Пишите мне диплом, напишите, что я обучалась два года, мне этого хватит. И от татуировки не стану отказываться.

— Ничего себе, какая ты быстрая. — Ответил учитель Мао, повнимательнее ко мне присматриваясь. — В хватке тебе, девица, не откажешь.

— Неизвестно, дойдем ли мы живыми до императора. — Ответила я. — А если дойдем, то не велит ли он нас казнить, по какому-нибудь предлогу. Хочу умереть максимально счастливой.

— Извини. — Покачал головой Роланд. — Я останусь. Не хочу такой диплом, да и татуировку хочу заслужить по-настоящему.

Я философски пожала плечами.

— А еще я напишу балладу про славного ученика Ли, что сделал немало ошибок в этой жизни, но под конец раскаялся. Думаю, он в вашем раю, или во что вы там верите.

Мне стоило большого труда держать каменное лицо.

ЧАСТЬ II. МАСТЕР. ГЛАВА 1. ДОРОГА

Мы вышли на рассвете. Мое правое плечо побаливало от свеженькой татуировки. Учитель Цинь пересчитала убитых мною повстанцев, покивала над трупом военачальника и лично выбила мне меч на цифре восемь. С собой я забрала тот самый меч, которым и убила. Учитель Мао, правда, предлагал взять «волчью метлу», мол она мне больше идет к наряду, но я не оценила его шутки. Меч был проще. Коней в конюшне Академии, естественно не было. Роланд очень сильно убивался по своему коню, но в погоню почему-то не отправился. Я почему-то была уверена, что его конь как раз не был пущен на колбасу, а сейчас, скорее всего, красуется под задницей самого Ма Луня.

Армия ушла из Академии еще вчера, перед этим съев все, что могло быть съедено и разграбив все остальное. Работы оставшимся было слишком много. На миг мое сердце даже кольнула мысль, что следовало бы задержаться и помочь с восстановлением, но я ее подавила. Честно говоря, Академия не дала мне того спокойствия, что я искала, я поняла, что не хочу отсидеться. А хочу справедливости.

Для учителя Цинь мы нашли ослика, я же побрела пешком, принаравливаясь к неторопливому шагу животного. Наши заплечные мешки были почти пустыми, в моем лежала лопатка, вновь завернутая в пару чистых тряпок, да запасные штаны, у учителя Цинь запас явно был богаче, но тоже ненамного. Мы не особенно надеялись пополнить наши запасы в ближайших деревнях. Пока что армия нас опережала, а значит, после них нам не на что было рассчитывать.

Утро у нас выдалось спокойное. Мы шли следом за армией по разоренным землям. Цинь бодро колыхалась в такт ослиным шагам, я же шагала размеренно и пока не отставала. На обед мы расположились возле ручья. Ранняя травка была безжалостно вытоптана прошедшей здесь армией. На обед у нас был одна лепешка на двоих и полный ручей воды. Цинь задумчиво посмотрела на меня, на лепешку и вновь на меня.

— По моим скромным прикидкам, ты еще не голодна. — Заявила она мне.

— Я больше не ученик. — Ровно заметила я. — Мы теперь вроде как в равных правах, уважаемая госпожа Цинь. — Заявила я ей со всем почтением.

Цинь долго-долго смотрела на меня, потом все же разломила лепешку. Разлом вышел не пополам, уж не знаю специально ли, или случайно. Впрочем, вряд ли случайно. Опять удостоив меня долгого взгляда, учитель протянула мне ту часть, что сильно меньше. Я не стала привередничать и взяла. Даже поклонилась и поблагодарила.

В моей жизни были периоды, когда приходилось голодать, но я не любила без необходимости слушать бурчание в желудке.

После скудного обеда мы продолжили путь.

— Нет. — Наконец заявила Цинь. — Так не пойдет. Идя следом за армией, мы все время будем отставать. Так мы рискуем дойти, когда они уже захватят город.

— Не думаю на самом деле, что у них хватит сил захватить город. — Заметила я. В целом я была согласна с мнением учителя, что идти позади армии глупое дело. Так мы не добудем себе пропитания, а идти нам дней семь при самом удачном стечении обстоятельств, и при условии, что часть пути удастся проехать с кем-нибудь. При самом неблагоприятном стечении обстоятельств, мы могли добираться пару месяцев и дойти к осени, а то и к зиме.

Впрочем, часть армии тоже идет пешком и все равно на что-то надеются.

— Может и не хватит. — Миролюбиво заметила учитель. — Академию мы тоже думали они не смогут захватить, а вот оно как вышло.

— Это потому что вы беспечно отнеслись к защите. — Мрачно заметила я. — Кто-то спал, кто-то кушать пошел. И это во время бдения на стене. Непозволительная беспечность.

— Хорошо быть умной, читая трактаты древних. — Желчно заметила Цинь. — Или приключения «Сунь-Укуна», рассуждать, сидя в тепле и сытости, как ему поступить. Сама небось, тоже не проявила героизма.

— Не проявила. — Миролюбиво согласилась я. — Я вообще слабо себе представляю что это такое.

Цинь промолчала и на этом наша перепалка сошла на нет. Дальше мы какое-то время ехали в благостном молчании, пока учитель не направила ослика прямо в заросли.

— Госпожа! — Воскликнула я. — Вы уверены? Дорога вон она.

— Я в своем уме. — Тихо произнесла учитель. — Но здесь можно свернуть с дороги. Дорога делает крюк, мы же проедем по прямой через перелесок и выйдем снова на дорогу. Возможно, это поможет нам скоротать полдня пути.

— Но тогда мы можем выйти к самой армии. Прямо ей под нос.

— Нам и надо догнать армию. — Недоумевающе уставилась на меня учитель.

— Нам надо ее опередить. — Внесла я правку. — Вряд ли мы обрадуемся, если в самом деле догоним армию.

— Твоя правда. — Нехотя призналась старушка. — Девка наглая.

Я усмехнулась. Не сомневаюсь: мы поладим.

Мы пролезли через кусты, ветви которых после нас вновь плотно сомкнулись. И впрямь перед нами зазмеилась тропинка. Учитель уверенно направляла своего ослика. Мне оставалось лишь не отставать, ибо, подозреваю, ждать меня старушка бы не стала. С другой стороны, попросила же она зачем-то себе сопровождающего.

Начинало припекать весеннее солнышко. Сейчас было то самое время, когда ночи еще были вполне себе прохладными, а днем на солнце уже, казалось, что наступило лето. Для ночевок у нас ничего не было. Ну, по крайней мере у меня. Только медитация, которая будет меня согревать ночами, и она же, судя по всему будет меня кормить днем.

Тропинка была вполне удобной и вскоре привела нас к одинокой горной хижине. В которой, Впрочем, никого не было.

Учитель спрыгнула с ослика. Бросила мне поводья и велела заняться скотиной. Я пожалала плечами и на самом деле привязала его к ближайшему дереву. Принесла ему ведро воды и на этом сочла свой долг перед бессловесной скотиной выполненным.

— Привет, Чжан. — Приветственно кивнула Цинь поднимающемуся по склону почтенному старцу. — Мы тут у тебя похозяйничали немного.

— От тебя старая перечница нигде не скрывается. — Усмехнулся старец. — Даже в горах не помедитируешь спокойно.

Цинь польщенно просияла.

— А это с тобой кто? — Нахмурился старец. — Демон?

— Ой, Чжан. — Махнула рукой старушка, — отбрось ты эти предрассудки. У всех свои недостатки.

Старец продолжил буровить меня тяжелым взглядом.

— Откуда столько видящих на мою голову? — Буркнула я. — Я же не виновата. Я такой

родилась!

Старец медленно кивнул.

— Что привело тебя ко мне в такой странной компании? — Наконец спросил он. — Изгнать из нее демона я не смогу. Ибо она и есть демон.

— Не надо никого изгонять. Ша отличная девочка, только невоспитанная немного, но я работаю над этим.

Я на это хмыкнула. Работа явно шла с двух сторон.

— Тогда что у тебя случилось?

— Ты знаешь, что Хуан Хэ разлилось? — Вопросом на вопрос ответила старушка.

Старец удивленно поднял брови.

— В самом деле? И кто во главе восстания?

— Ма Лунь, зовет себя «непобедимым драконом». — Бодро ответила Цинь.

— Развелось этих драконов. — Буркнул старец, и я была с ним совершенно согласна.

Цинь удивленно приподняла бровь, мол нам-то какое дело как они себя зовут.

— И что ты хочешь от меня? Я не святой, я только учусь, я не умею возвращать реки в берега. — Опять спросил старец.

— Нам надо обогнать армию и успеть предупредить Императора о покушении. — Серьезно заметила старушка.

— И чем же я смогу вам помочь? — Ехидно усмехнулся старец. — У меня нет ручного дракона чтоб в два взмаха крыла донес вас до императора.

— Жаль-жаль. — Заметила старушка. — Дракон нам бы не помешал.

— Дракон- это император. — Серьезно заметил старец. — Я не могу держать здесь у себя императора.

— Вдвойне жаль. — Ответила Цинь.

— Но ни за что не поверю, что мы проделали такой долгий путь зря.

Я про себя удивилась. Долгий путь? Она серьезно? Мы шли неторопливым шагом полдня. Шли в направлении армии, а значит, нам все равно было по пути.

— Хоть переночевать пусти и еды какой дай в дорогу. — Махнула рукой старушка.

— Переночевать? — Удивился старец. — Но сейчас едва минул полдень.

— Я уже не молода. — Заметила учитель. — Быстро утомляюсь, и признаюсь честно, уже порядком подустала.

Я вытаращилась на нее. От старца не украдась моя пантомима.

— Хуа, нежный мой цветочек, — ласково начал он, — кому ты это рассказываешь? Даже демон вон выпучила глаза. А уж мне-то тем более известно, что тебя и бег с норовистой лошастью не умает, а уж тем более не короткая увеселительная прогулка.

— Тебе бы так веселиться. И как тебя армия не заметила, мимо прошла? — В сердцах буркнула старушка.

— А зачем им ко мне? — Удивился старец. — Живу я бедно, взять у меня нечего, победа над одиноким старцем тоже не добавит веса в глазах солдат. Я не богатая Академия, полная отборных воинов, разграблением которой можно долго хвастаться.

Цинь скрипнула зубами.

— Итак. — Голос старца построжел. — В последний раз спрашиваю: чего ты сюда приволоклась?

— Еды в дорогу, халат на девочку, и письмо к твоему дяде чтоб нас пустили к императору. Ну или чтоб дядя сам передал наместнику Неба о покушении. Но лучше, чтоб он

нас все же принял.

— Ничего себе у тебя запросы. — Усмехнулся старец. — Еду небось уже сама нашла?!

Старушка поморщилась.

— Две лепешки только и было. — Протянула она. — С каких пор ты такой жадный стал?

— С тех, когда ты отказала мне. — Выдохнул Чжан. — И выставила на посмешище перед всем дворцом.

Цинь рассмеялась.

— Ой, да брось ты. Ты от этого только выиграл и нисколько не жалеешь.

Старец неожиданно усмехнулся.

— Да, я теперь знаю, какая ты редкостная зараза. Но в тот момент я был безутешен.

— Ничего. — Цинь прищурилась. — Насколько я знаю, ты быстро утешился в объятьях этой крысы Дунмэй.

— Ревнуешь? — Старец прищурился еще сильнее, хотя его глаза и так были как две щелочки. — А ведь не откажи мне ты тогда, я бы о второй жене и не стал помышлять.

— Ты бы не стал, родители бы твои стали. — Махнула рукой старушка. — Но к чему ныне былое ворошить? Давай о делах нынешних поговорим. Так ты нам поможешь или нет?

— Нет. — Жестко заявил дедушка. — Вернее помогу, но не так как ты хочешь. Еду забирай, что уже успела наворовать. Халата у меня нет и не предвидится. Сама видела и уже уперла бы, коль нашла бы. А письмо писать без надобности. Коли доедешь до Запретного города, то найдешь старого Чжао да скажешь ему, что Чжан шлет ему привет и просит напомнить про «один пояс, один путь». Смотри не перепутай ничего.

— Я знала, что где-то глубоко в тебе есть что-то светлое. — Причмокнула губами учитель.

— Если только очень глубоко. — Усмехнулся он. — Может быть, раз мы договорились, то желаете чаю?

— Не станем отказываться. — Благосклонно кивнула учитель. — Мы давненько не пили чаю.

Старушка врала. Не далее, как три дня назад она выпила целый чайник отличного высокогорного чая. И заела его кунжутной лепешкой. Мне в тот момент оставалось лишь глотать слюни. Но сегодня я собиралась сполна насладиться всеми прелестями своего нового положения.

— Демон. — Окликнул меня старец. — Сбегай, набери водички.

— Я не демон. — Вздохнула я. — Меня зовут Ша.

— Хм. — Нахмурился старец. — Мне показалось, что я вижу черты семьи А. Не мог ошибиться.

— Ты и не ошибся. — Благосклонно кивнула старушка. — А ты иди-иди. Вода сама себя не наберет.

Волей-неволей пришлось идти. Судя по накалу страстей, старичкам было весело в молодости, да и сейчас было что вспомнить. Надеюсь, они там не подерутся без присмотра.

Быстро я набрала воды и принесла котелок обратно в хижину. Там на удивление царила атмосфера уюта и взаимопонимания.

На грубом столе лежали лепешки, судя по всему, из незамеченных учителем, лежал козий сыр, при виде которого мой желудок испустил просто неприличную руладу. И совсем уж немыслимое лакомство: несколько полосок вяленого мяса змеи.

— Бери- бери! — Рассмеялся старец, глядя мне в глаза. — Это, конечно, не курица, но чего уж не держу.

Я торопливо схватила полоску и сразу сунула ее за щеку, пока не передумали и не отобрали.

— Нечего кусочничать. — Неодобрительно заметила старушка. — Опять же негоже ученикам поперек старших куски хватать.

— Я теперь мастер. — Буркнула я с полным ртом вкусняшки.

— Мастер. — Хмыкнула учитель. — Знаем мы цену твоему мастерству.

— Мастер? — Удивился старец. — В самом деле? Такая молодая и уже заслужила мастера?

Учитель Цинь не стесняясь в выражениях поведала как я выторговывала свой свиток и татуировку.

— Ай, молодец! — Расхохотался старый Чжан. — И говоришь, эта старая доска тебе сама ее сделала?

Я напряженно кивнула.

— Неудивительно, что она теперь так злится. — Старец усмехнулся в усы. — Это ее первая татуировка. Ты первая, кто удостоился ее из рук этого «великого учителя». Можешь представить, как она злится.

— Но, — я удивленно спросила, — разве это не почетно иметь много учеников мастерами?

— Вот еще. — Буркнула Цинь. — Конкуренентов себе плодить.

— Она не молодеет. — Вздохнул старец. — И банально тебе завидует.

— А я думала гордится. — Фыркнула я и засунула в рот очередную полоску мяса.

— В душе гордится. — Кивнул старец, — ибо умение торговаться одно из самых важных в жизни любого жителя Поднебесной.

С этим я не могла не согласиться. Торговаться мы умели и любили. А вот тот же рыцарь, совсем лишен этого важного свойства. Он считает, что благородные люди не торгуются. Да, наоборот, чем ты благороднее, тем больше причин можешь найти для того, чтобы сбить цену.

Я мечтательно улыбнулась, вспомнив, как матушка или бабушка могли завернуть на базаре. Или как дедушка костерил торговца пряностями, заставив того в итоге сбить цену почти вдвое. И как потом нам завидовал сосед, что смог сбросить всего пару мао.

— Идите значит на юго-восток. — Меж тем продолжил свой рассказ старец, глядя, как закипает вода. — Пройдете ложбинку, потом будет такой приметный камень среди столетних деревьев, спуститесь вниз, услышите звук водопада. Водопад оставляйте все время по левую руку. Дорога будет петлять, но вы держитесь левой стороны. Так и спуститесь. Если не заблудитесь, то сможете обогнать армию дня на два. А дальше уже все в ваших руках. Идите, предупреждайте встречные села. Глядишь, где и к каравану какому примкнуть удастся. Девку свою парнем представляй, внуком можешь. Так и проблем всем меньше будет.

— Не учи ученую. — Махнула рукой старушка. — Уж до этого-то она и сама додуматься смогла на заре юности, небось, и я соображу.

Старец усмехнулся, но настаивать не стал.

Потом мы пили душистый пахучий чай из щербатых глиняных кружек, и кажется я никогда ничего вкуснее не пила. А уж лепешки с крупными кусками сыра и вовсе были выше

всяческих похвал. Я налопалась от пуза, а дедушка знай вне новые и новые кусочки мне подкладывал, да улыбался как-то жалостливо.

Наконец, нас сытых проводили в дальнейший путь.

— Ты уж береги себя, демон. — Вздохнул старец. — Эта-та старая перечница уже пожила. Немало мозгов она запудрила, немало хороших людей в искушение ввела. А ты-то, я вижу, и первую сотню лет не разменяла, можно сказать ребенок еще по демонским меркам. Почти невинное дитя. Нелегкий путь вас ждет, но я помолюсь, авось и выберетесь живыми из всех передраг.

Подбодренные таким напутствием мы продолжили свой путь. Учитель взгромоздилась на своего ослика, я пристроилась сзади, и мы пошли.

Определить, где юго-восток труда не составило, вскоре мы прошли ложбинку и дошли до камня. Было вполне тепло, и дорога сама ложилась под ноги. И даже плечо пошла не болело. Особенно от мысли, что мое мастерство для старушки Цинь как кость поперек горла. Сверток лежал надежно завернутый в тряпицу рядом с лопаткой, и я была готова сделать что угодно, лишь бы они отныне всегда были со мной.

Вскоре мы услышали рев водопада. Но вместо того, чтоб оставить его по левую руку, мы свернули направо.

— Госпожа Цинь. — Со всем почтением обратилась я к ней. Пускай она мне и не учитель больше, меж тем старость надо уважать и вне зависимости от пола. Вот вообще мне всегда было странно, вроде бы женщина особенно не считается человеком. Конечно, благородный муж никогда не станет обижать жену, она всегда будет в достатке, тепле и уважении. Меж тем всем известно, что слова женщин пусты, и мудрости в них нет. Однако ж все это менялось, стоило женщине разменять пятый десяток лет. Сразу и мудрость появлялась в женщинах, и кланяться надо им с дедушками одинаково. Мне это всегда было странно, и я приставала с вопросами вначале к маме, потом к дедушке. А после я подросла и видимо, сама поумнела. Прекратила расспросы и стала больше наблюдать. И мои наблюдения показали, что мужчины не взирая на свой пол, что дает им множество преимуществ, не всегда мудры и знающы, что порой слово женщины значит больше. Но свои наблюдения я держала при себе.

— Госпожа Цинь! — Повторила я, не дождавшись реакции на свое первое предостережение. — Кажется, вы путаете лево и право.

— Ничего я не путаю, глупый ты мальчишка. — Воскликнула она. — Просто меня не так-то просто обмануть. Беги!

Крикнула она, и я побежала, до того, как сообразила, а зачем это я, собственно, бегу.

За мной гнались пять человек, бежали молча, экономя дыхание. Я тоже не стала кричать, что вам надо, раз бегут, значит надо. Я нырнула в какой-то овраг, потом с разбегу перемахнула ручей, пара преследователей поскользнулись на мокрых камнях и приотстали. Я воспряла духом и припустила с новыми силами. Впрочем, сильно оторваться от погони мне не удавалось. Я кубарем прокатилась со склона и под развесистой сосной оставила сверток с дипломом и лопаткой, поскольку подозревала, что меня рано или поздно все же догонят.

Немного подотставшие преследователи вновь стали догонять меня. Я, признаюсь честно, подивилась столько отличной физической форме людей. Я постаралась запомнить сосенку и увести погоню подальше от нее.

— Здоров же ты парнишка бегать. — Миролюбиво заметил мне первый повалившийся

меня на землю парень.

— Только не бейте! — Я постаралась выглядеть максимально безобидно.

— А чего убежал? — Строго спросил второй, более рослый и с редкой порослью на лице и голове.

— Так, испугался я. — Максимально слезливо пробормотала я.

— Пошли. — Поднял меня за шкуру третий, самый здоровый и сильный на вид парень. — Проводим тебя до Вана, пусть он смотрит кто тут такой шустрый.

Убежать варианта не было, драться с ними? Но учитель Цинь четко велела бежать. И не кричала убивать. Попробуем для начала договориться миром. И тут они увидели среди моих пожиток меч.

— А это у нас что такое? — Строго спросил второй.

— Украл, добрый господин! — Воскликнула я. — Кушать очень хотелось, думал продам, куплю лепешек себе и бабушке. Там мертвый солдат лежал, много-много мертвых солдат, ну я и украл сколько смог. Арбалет уже продал, вчера за три лепешки, только съел их уже, не бейте меня, добрые господа. Ша- дурак, но у Ша старенькая бабушка.

— Твою бабушку мы уже тоже поймали. Очень шустрая бабушка, очень. — Недобро протянул третий.

— Бабушка с детства тайцзи занимается. — Опять начала я кланяться и нести чепуху. — Хоть и старенькая, а все равно каждое утро зарядку делает, ну и бегает тоже наверное хорошо. И меня заставляет зарядку делать, а я так не люблю. Но рука у нее тяжелая, как-то не хотел я зарядку делать, а она меня как треснет оглоблей, аж искры из глаз посыпались. Сыпались и сыпались, а зарядку все равно пришлось делать. Уж очень бабулечка суровая у меня.

Под мой непрекращающийся бубнеж мы пошли обратно. Меч нес самый здоровый парень, легонько похлопывая раскрытой ладонью по лезвию.

Такой неспешной процессией мы дошли до целого лагеря. Здесь, в отличие от лагеря солдат, что мне уже довелось повидать царил идеальный порядок. Легкие палатки стояли ровными рядами. Между ними сохла одежда, никто не слонялся без дела, все были чем-то заняты. Кто-то правил оружие, кто-то тренировался, кто-то кашеварил. Старенькая Цинь стояла навтыжку перед молодым на вид парнем. К нему же проводили и меня.

— Вот, господин Ван, и внучка ее поймали. Не знаю, зачем они тут ошиваются, но при виде нас убежать вздумали, как порядочные люди не ведут себя. — Отчитался здоровый. — А еще вот у него меч отобрали. Меч неплохой стали, легкий. Говорит украл.

— Вот всегда знала, что Небо покарало меня младшим внуком. — Закатила глаза Цинь. — Но что до такой беды нас доведешь и помыслить не могла.

— Ну бабулечка. — Заныла я. — Кушать хочется, и тебе хочется, ты же сама ноешь, что кушать хочется и какой я внук непочтительный, не могу на еду заработать для своей любимой бабулечки. А тому солдату он уже без надобности был, как есть мертвый. Я же не преступление совершил какое, ну забрал то, что плохо лежало, так ему не надо уже, а моей бабулечке на теплый халат бы хватило. Мерзнет бабуля, хоть и занимается тайцзи каждое утро, и меня заставляет, а я, добрые господа, как есть не хочу заниматься. Я кушать хочу и спать.

— Хватит болтать. — Строго произнес молодой господин и я послушно замолчала.

По законам царства носить меч может только тот, кто имеет на это право. За меч без грамоты, можно расстаться с головой весьма мучительным способом. Может быть зря я

выкинула диплом? С ним я спокойно могла владеть мечом. Может быть мы зря затеяли весь этот маскарад?

— Ты и правда дурак, или так хорошо прикидываешься? — Опять спросил господин.

Я испуганно пожала плечами, а Цинь запричитала:

— Ой, как есть дурак, господин, уж сколько я с ним мучаюсь, уж сколько оглоблей о его голову сломала, а все одно никак не поумнеет.

— Может из-за оглоблей и дурак? — Задумчиво протянул господин.

— Да я же с понятиями. — Пробормотала Цинь, и у нее вышло вполне естественно.

— Ну, рассказывайте. — Приказал господин. — Кто такие, куда путь держите.

Видно было, что господин расслабился и не ждал от нас подвоха. Похоже он и впрямь уверился, что мы безобидные бабушка с внуком.

— Ой, господин, горе-то какое. — Запричитала Цинь. — Жили мы не тужили в деревне, что за этими горами. Жили-жили, налоги платили, детей рожали, Академии, что высоко в горах, завсегда помогали чем могли. Но они нам тоже, конечно. Монахи к нам частенько захаживали, и больных врачевали, хоть и есть у нас свой лекарь, а монахи они к Небу ближе, им и иные секреты ведомы. Да пришли солдаты, на деревню напали, кого смогли убили, кого в солдаты забрали. Остальных обижали по-всякому, всю еду забрали, как и сборщики налогов не делают. Теперь нипочем не дожить нам до урожая, ибо сажать нечего, кушать нечего, все умрем.

Цинь причитала вполне профессионально, и даже говор ее и тот сделался как у деревенской бабушки. Хотя она и до этого любила дурочкой прикинуться. Благородное воспитание и не чувствовалось временами.

— То есть вашу деревню разграбили? — Выцепил главное господин.

— Так и есть, господин. — Принялась кланяться Цинь. — Как есть разграбили, супостаты проклятые. И курочку мою убили, курочка была хорошая, яйца справно несла, редко, но справно.

Господин поморщился, даже мне было тяжело слушать историю, про справную несущку, что была трехцветной и несуществующей.

— Так и куда же вы направились? — Наконец вклинился он в монолог Цинь.

— Так к императору! — Так бесхитростно ответила старушка, что даже я вытаращилась на нее, что уж говорить про остальных.

— Куда? — Аж привстал господин а остальные, с интересом прислушивающиеся к нашей беседе побросали свои дела и просто встали рядом.

— Так к императору! — Опять повторила Цинь. — Он же не знает, что его идут свергать. А он нормально правил, народ свой защищал как мог, вот нашу деревню правда не защитил, так то потому что не знал просто. Так ведь и мы должны его защищать, как он нас. А вдруг он не знает до сих пор, что армия огромная на него движется.

— Вы вдвоем отправились предупредить императора о том, что на него движется огромная армия?! — Еще раз переспросил господин. — Бабуля, а тебя твоя бабушка тоже оглоблей часто била?

— Как можно, милый. — Отмахнулась старушка. — Я-то всегда была послушной девочкой, это внучок у меня непутевый, с детства дурачок, так и назвала его мамка, как увидела, ты, говорит, будешь зваться Ша. Ну и уж не знаю, то ли, что назвали его так, поглупел малый, то ли мать в самое нутро его глядела.

— Да я смотрю, вы всей семьей отличаетесь большим умом. — Пробормотал господин.

— Так а как же иначе, господин. — Вопросила Цинь, — кто-то же должен быть в семье умным.

Господин покивал.

— А можно я спрошу. — Спросила Цинь. — А вы здесь что делаете?

— Так, грибы собираем, бабушка. — Усмехнулся здоровяк, что все еще держал мой меч.

— Ой, так давно грибов не ела. — Вздохнула старушка так, словно не она не так давно плотно перекусила у старца. Но какой старец оказался коварный, отправил нас прямо в лапы разбойников. Ведь их лагерь оказался разбит прямоком по левую руку у водопада. Если бы мы пошли, как он нам велел, мы бы угодили прямоком в их лагерь. Впрочем, мы и так сюда попали, только перед этим еще и побегали. Но все же интересно, кого они только тут могут грабить, вдали от караванов и жилья людей?

— А мы благородные разбойники. — Весело усмехнулся господин. — Банда благородного Вана. Может слышали?

Мы с Цинь недоуменно переглянулись и синхронно пожали плечами, на сей раз вполне искренне.

— Простите, благородный господин. — Пробормотала я. — Не слышали.

— Да и не страшно! — Ответил господин Ван. — Мы и не расстроены. Мы грабим богатых и помогаем бедным. — Продолжил господин.

— Вы нам поможете? — Радостно спросила я. — Кушать хочется и мы очень-очень бедные.

Благородный Ван расхохотался.

— А ты, парень, не промах. Впрочем, с такой бабушкой это и не удивительно.

Господин задумался. Мы почтительно молчали, не решаясь прервать его раздумья и склонить чашу весов не в нашу пользу.

— Пока идите. — Велел он нам. — Там на берегу стоят корзины с грязным бельем. Постирайте. Нам все недосуг было. Как закончите работу, подумаю, может быть дам вам еды за работу.

Крупный разбойник, из тех, что преследовал меня отправился присмотреть за нами. Меч мой он так и не выпустил из рук.

— Ну, Чжан, — бурчала себе под нос Цинь, послушно ковыляя к корзинам. — Старый хрен, ну, ничего, и на моей улице будет праздник.

Я шла молча. Наш надзиратель тоже молчал, и даже смотрел на нас немного жалостливо.

Корзины на берегу в самом деле были. Большие. Полные грязного белья. Вода в ручье была очень и очень холодной. В помощь для стирки был песок и мыльные коренья, корзинка с которыми стояла рядом. Запах над корзинами витал тот еще.

— Такое чувство, сынок, что вы и годами копили? — Задумчиво протянула Цинь.

— Все для вас. — Усмехнулся надзиратель, пристраиваясь с комфортом на камушке. — Приступайте.

Мы и приступили. Учитель Цинь работала на совесть. Стирала она так, словно портки и рубашки принадлежали ее любимым внукам. Терла песком, споласкивала, терла мыльным корнем, полоскала от души, и хлопала во воде со всех сил. А сил-то в ней было достаточно. Я старалась не отставать, но мои движения не были такими точными. Признаюсь честно, стиркой я в своей жизни пренебрегала. Во времена отрочества и молодости у нас всегда был полный дом служанок, что отлично справлялись сами. Дедушка

меня тоже воспитывал иными способами. А во времена моего бродяжничества, стирать, конечно, приходилось самостоятельно, но никогда еще прежде настолько грязное и в таком количестве.

— Сынок, помоги веревки натянуть. — Произнесла Цинь, отжимая очередную рубаху. Место на отведенной веревке закончилось.

Сынок и впрямь встал, воткнул меч в землю и послушно отправился натягивать веревки. Я прикипела глазами к мечу, но после поймала взгляд Цинь. Она покачала головой.

— «Не время еще»- Беззвучно шепнула она одними губами.

Я послушно вернулась к стирке.

Руки уже давно заледенели и ничего не чувствовали. Но я продолжала усердно тереть очередную рубаху песком.

— Ладно. — Прервал меня надзиратель. — Пока хватит. Идите за мной.

Мы послушно сложили недостиранное обратно. Не смотря на нашу старательную работу горы белья словно и не уменьшились.

Нас привели на открытую кухню и бухнули по миске горячей каши. В каше попадались вкрапления корешков и даже мяса. К каше дали по две лепешки и с умилением смотрели как мы жадно едим, подцепляя горячую кашу кусками лепешки, а кое-где и руками. Руки стремительно отогревались об горячие чашки, и жизнь мне снова начала видаться в более позитивных тонах.

После короткого, но такого приятного обеда мы вернулись к стирке, и стирали до позднего вечера. Ужасно ломило спину, а руки посинели от холода.

После ужина нас опять отвели к господину Вану.

— Я весь день наблюдал за вами. — Произнес он. — И пришел к выводу, что вы и впрямь говорите правду, или ее большую часть.

Мы почтительно поклонились. Он работы я практически не чувствовала свою поясницу, и согнувшись в поклоне еле-еле смогла после распрямиться.

— Поэтому я решил вам помочь! — Ван расплылся в самодовольной усмешке. — Я вас сам подвезу до Запретного Города. И даже подожду там. Посмотрю, как вам там император головы рубит. Какое никакое, а развлечение.

— Спасибо, господин. — Бухнулась в ноги Цинь, принимаясь эти самые ноги целовать.

Господин испуганно отскочил, отдергивая столь дорогие его сердцу конечности от слюней полоумной бабки.

— Полно- полно, перестань! — Воскликнул он. — Ступайте, отдохните, дорога предстоит долгая.

Мы опять принялись кланяться. После пятись отошли. Господин Ван смотрел на нас и улыбался.

Спать нас уложили между двух разбойников: одного здорового, что так и воткнул рядом с собой мой меч, а второй мне был незнаком: молодой, еще безусый и улыбчивый.

— Тяжело тебе бабскую работу выполнять. — Пожалел он меня вечером, помогая расстелить циновки и протягивая нам колючий плед чтоб накрыться. Один на двоих, но и это уже было немало.

— Ничего. — Простонала я, вытягиваясь со стоном и давая отдых измученной спине. — Бабусе своей помог.

Бабуся лежащая рядом хмыкнула, но ничего возражать не стала.

Вскоре наши конвоиры сладко засопели.

— Где? — Шепотом спросила она у меня, наклонившись так близко, что шепот был почти неслышимым.

— Сосна, где мы проходили, после ручья. С длинными корнями.

Старушка кивнула и неслышно выскользнула из-под пледа. Я лежала, боясь пошевелиться. А вдруг ее поймут с моим дипломом и лопаткой? А вдруг она заблудится? Или еще хуже сбежит? Тяжелые думы одолевали меня всю ночь. Мои же охранники сладко посапывали рядом и их как раз ничего не беспокоило. Они даже не думали на самом деле охранять нас, и похоже, отлично выспались.

Цинь вернулась к самому рассвету и на мой немой вопрос легко кивнула. Одежда ее нигде не топорщилась, поэтому я не могла догадаться, нашла ли она мои вещи, а если нашла, не найдут ли их и наши пленители.

— Где ты была? — Строго спросил ее здоровяк-охранник.

— Так, в кусты ходила, добрый господин. — Зачастила старушка. — Я же не таилась, спокойно пошла, свои дела сделала. Простите, что не разбудила, но так вам небось не интересно на мои прелести старенькие смотреть, да и я же здесь рядышком была. А вы так спали сладко, я и не стала будить. Я же рядышком.

Охранник поморщился и сделал ей знак замолчать.

Я тоже поднялась и с молодым охранником спустилась к ручью. Стирать он меня не заставил, лишь посмотрел, как я, старательно стуча зубами, умылась, не снимая рубахи, просто поплескав в лицо воды. Если он и хотел мне попенять на такую неряшливость, то прикинув температуру ручья промолчал. Сам он вообще не спешил совершать положенные утренние омовения.

Потом нас накормили завтраком, опять каша и пара лепешек. Очень вкусно и сытно. После к нам подошел сам господин Ван. Мы поднялись, кланяясь и благодаря за доброту.

— Плед себе оставите. В дороге может быть немного холодно. — Произнес он.

Мы опять начали бить поклоны, благодаря за доброту.

— Довольно. — Вскинул он руку. — Идемте.

И мы послушно пошли. Недалеко впрочем. В самом центре стоянки стоял оседланный огромный тигр. На нем красовалась сбруя, и тигр принимал ее вполне себе благосклонно. На спине его было три седла.

— Это Ху. — Господин почесал тигра под мордой и тот довольно взмуркнул, блаженно прикрыв глаза. — Поедем втроем. Но хочу сказать, что Ху слушается лишь моей руки, поэтому даже не думайте что-то выкинуть дорогой. В сам Запретный Город я вас, разумеется, не повезу, подкину до леса перед ним. Дальше уж сами. Но в городе у меня есть друзья, и они-то мне потом расскажут в подробностях как именно вас будут казнить.

— А может быть, император, наоборот, нас наградить велит? — Звонко спросила я, не в силах удержаться от соблазна.

— А, может, вы вообще не к нему путь держите? — Вкрадчиво спросил господин. — Подумайте еще раз. Из леса того другого пути, только в Запретный Город. Город-резиденция Императора, там нет простых людей, нет нищих и оборванцев. А уж тем более нет крестьян. Да и мужчинам там частенько не рады.

Но мы на это предложение лишь отрицательно замотали головами.

— Мы говорили правду, добрый господин. — Произнесла Цинь. — Нам и впрямь надс предупредить императора. Пусть он не поверит нам и казнит, а мы все же должны свой долг выполнить.

— Ну, как знаете. — Покачал головой Ван. — А ведь могли у нас остаться. Из внука твоего я бы воина вырастил, ну и пусть умом скорбен, небось копье в руках удержит, а то и столь полюбившийся ему меч. А ты бы у нас прачкой осталась. Смотрю, силушкой тебя не обделили, вон сколько вчера настирала. И кто теперь нам стирать продолжит?

Мы пожали плечами.

— Нам правда надо к императору, господин. — Произнесла я, кланяясь так низко, что макушкой едва не цепляя землю.

— Ну, надо, так поехали. — Произнес господин Ван. — Эй, Ли, дай им еще одну накидку. Мы помчимся быстрее ветра, как бы не замерзли.

Большой охранник нехотя протянул мне накидку. Накидкой оказался второй плед, с пришитыми к нему завязочками. Нам показали, как взобраться на тигра, и тот снисходительно вытерпел эту процедуру, после господин лично проверил, как мы замотались в пледы и только после этого сел сам. Он сел впереди, и его седло было гораздо интереснее и богаче наших. Лично я покрепче вцепилась в седло господина, что сидел передо мной. Цинь аналогично вцепилась в мое седло.

— А можно мне мой меч? — Решила я попытать удачу.

— Еще чего. — Буркнул господин Ван. — Больше ничего не надо?

Я помотала головой. И меч мне не отдали.

— Ты, Ли, останешься за старшего пока я не вернусь. — Громко крикнул Ван своим людям. Никаких грабежей, никаких походов. Сидеть в лагере, тренироваться с оружием, вести себя хорошо.

— Будет сделано, господин! — Выдохнули его люди, все до единого высыпая проводить нас. А людей было немало. Вчера у нас не было возможности оценить в полной мере сколько же разбойников, а сегодня перед нами было просто море человеческих лиц, и все они с обожанием смотрели на своего господина.

Тигр легко поднялся на мощные лапы и прыгнул вперед длинным прыжком. Мы длинными прыжками помчались вперед. Ход тигра был очень плавным, отчего мой желудок постоянно подкатывал к горлу. Впрочем, утренняя каша быстро провалилась внутрь и не собиралась покидать мой организм нетрадиционным способом.

Поступь тигра была не такой как у лошади или даже осла. Мягкая, я длинными прыжками, отчего я помимо воли вцеплялась в седло так, что пальцы побелели. Никакие силы не заставили бы меня разжать их и выпустить седло. На самом деле было очень холодно. Пронизывающий ветер проникал под одежду и даже накидки из пледов несколько не помогали. Вскоре я уже не чувствовала пальцев, да и нос стал подозрительно хлюпать.

Ближе к полудню мы остановились на привал. Господин достал из сумки, притороченной к переднему седлу маленький котелок, и отправил меня искать воду. Впрочем, найти ее оказалось не сложно, мы все время двигались вдоль того самого ручья. Я зачерпнула полный котелок и поспешила обратно.

На полянке уже вовсю полыхал костер, в котором мы пристроили котелок и после того, как вода закипела в него всыпали пару горстей риса и бросили пару полосок мяса. Каша вышла ароматной и очень вкусной. Ложек или мисок у нас не было, черпали по-простому из котелка теми же лепешками, большой запас которых оказался в той же сумке. После мне пришлось помыть котелок в том же ручье. Руки опять быстро замерзли, пришлось сделать комплекс упражнений.

К месту нашей стоянки я вышла сытая и согретая.

— Впервые вижу, чтобы мытье котелка холодной водой доставляло кому-то столько удовольствия. — Ехидно заметил господин.

— Я второй день сыт, добрый господин. — Почтительно заметила я. — Давно я не испытывал такого необычного ощущения.

— Как просто сделать счастливым человека. — Задумчиво заметил господин Ван. — У тебя была тяжелая жизнь?

— Не сказал бы. — Ответила я, тщательно взвешивая каждое свое слово, чтобы случайно не ошибиться. — Я рос в любящей семье, мои родители меня любили, у нас был кусок лепешки и плошка риса. Да, приходилось много работать, но трудиться- это не горе.

— Ты прав. — Заметил господин. — Работать это даже счастье. Особенно когда потом есть что положить в живот. Значит у тебя все было хорошо, пока не пришли эти повстанцы?

— Да, господин. — Произнесла я. — У меня все было хорошо.

— Ничего, еще будет. — Похлопал меня по плечу разбойник. — Ох, и худой же ты. Ни за что не поверю, что ты часто ел вдоволь.

Я пожалала плечами. Не сказала бы что часто, но обычно и не голодала. Даже в Академии я умудрялась приворовывать, в то время как на медитациях желудки других братьев выводили голодные рулады, мой часто был сыт и доволен.

Цинь, как ни странно, молчала, хотя и слушала очень внимательно.

Мы снова взобрались на тигра, который тоже плотно пообедал. Для него была припасена тушка зайца. Дальнейшая дорога проходила в молчании. Тигр бежал быстро, ветер так и свистел в ушах, и я быстро опять замерзла. Сидеть неподвижно на одном месте было весьма скучно, но я терпела, лишь иногда крутила головой по сторонам. Впрочем, ездовой тигр — это не повозка, где в окне неторопливо проплывают пейзажи, которыми можно бесконечно любоваться. Уши мерзли, пальцы быстро онемели, а мой взгляд не мог ни на чем зафиксироваться, поскольку мимо с бесконечно быстрой скоростью мелькали деревья и другие элементы пейзажа.

Остановились на ночлег мы когда уже почти стемнело. Мне вновь выдали котелок, но сейчас найти воду оказалось гораздо сложнее. Мы отклонились от ручья, и потратила добрую тысячу мао, прежде чем нашла небольшой родник среди камней.

— Мы уже думали, что ты сбежал. — Поприветствовал меня разбойник, стоило мне показаться на стоянке с добычей.

Ездовой тигр лакомился зайцем, судя по всему свежеподстреленным.

— Да, пока ты искал воду, я вот озаботился пропитанием для нас. Второго зайца ловко разделывала Цинь, складывая лакомые кусочки в котелок, а потроха подкидывая тигру.

— Кушай, Ху, кушай мой, хороший. Разве один маленький зайчик может насытить такого большого мальчика?! — Ласково приговаривала она. Тигр лениво жевал зайца и в общем-то не выглядел голодным, но поднесенные потроха слизал с истинным кошачьим достоинством и улыбнулся окровавленной пастью.

— Хороший мальчик! — Старушка потрепала тигра по голове и подложила косточки, тщательно очищенные от мяса. Мясо очень аппетитно булькало в котелке, куда мы опять добавили пару горстей пшена и коренья для запаха. Получилось обалденно.

— Может, не пойдете к Императору? — Опять спросил Ван, зачерпывая первым ароматное варево. — Сгинете ведь.

— А вы, господин, как решили в разбойники податься? — Спросила Цинь. — Ведь не от большой любви к императору?

— Это уж точно. — Усмехнулся разбойник. — Я не поддерживаю его политику. Он там сидит в своем золотом дворце, кушает редкие блюда с золотых тарелок и знать не знает, как простому люду живется. Его чиновники зажрались, убивают крестьян по надуманным поводам и даже совсем без них, отнимают последнее. Сами уже не знают, как разлечься, берут по шесть жен, и те между собой не живут в мире. Предаются не служению императору и своей стране, а удовлетворению своих низменных потребностей.

Пока разбойник говорил, он все более и более распалялся, а под конец вообще вскочил и заметался по полянке. Тигр поднял голову и печально взрыкнул. Ван подошел к нему и утешительно обнял.

— Так что, да, я не люблю императора. — Закончил господин, успокаиваясь.

— И тем не менее, вы из благородных. — Проницательно заметила старушка.

— С чего ты взяла? — Спросил господин Ван, нахмуясь.

— Так, сразу видно. — Усмехнулась Цинь. — Не похожи вы на моих односельчан. Вы, наверное, всякие трактаты умные читали. Иероглифы знаете как пишутся.

— Знаю, конечно. — Кивнул разбойник. — Да и ты, старушка знаешь.

Я замерла. А разбойник-то разглядел, что бабуля из благородных, но следующие его слова заставили меня облегченно выдохнуть.

— Имя-то свое наверняка умеешь писать. Что там писать, два иероглифа!

— Ой, что же вы, господин хороший! — Польщенно засмеялась бабуля. — Я и эти-то две закорючки училась писать почти целый лунный цикл. Уж батюшка мой ныне покойный, уже и отчаялся меня научить. Все приговаривал, что не его я дочь, что меня подкинули, или в колыбели заменили, такая глупая я была. А после уж как началась работа в полях, так и признал, говорит, нет, его я дочь все же, кто как не его дочь может так ловко сажать рис. Так что просто глупа я немного, добрый господин.

— Да, это я смотрю у вас в роду распространенная патология. — Пробормотал господин, жалостливо глядя на меня.

Я сделала вид, что не понимаю мудреных слов.

— Ладно. Покушали, теперь иди котелок мой. Пожалуй, еще чаю попьем. Чай он всегда к месту.

Я послушно отправилась мыть котелок. Чай оказался не совсем чаем, это был сбор из разных травок и веточек. Дым костра придавал ему совершенно волшебный вкус.

— О, чаек попиваете! — Демон возник словно из ниоткуда, и первым делом выхлюпал все содержимое котелка, просто сунув туда свой длинный язык. — Ммм, какой необычный вкус. — Заметил он. Заклинание подчинения? У Даоса Фэня брал?

Разбойник спокойно смотрел на демона, я просто растерялась, а Цинь довольно прикрыла глаза.

— Что молчишь-то? — Недовольно добавил демон. — У Фэня говорю, брал-то? Так обманул он тебя. Слабительное это, сам бы не пил, а бабка к утру и померла бы.

— Не велика потеря. — Заметил наконец разбойник. — ты зачем вмешиваешься?

— Мне скучно. — Заметил демон, подкидывая котелок и вновь ловя его. Подкидывал он его разными интересными способами. — Смотри, малыш, — обратился он ком не, — вот старый монах ловит тучи.

Он прошелся котелком, словно и в самом деле ловил тучи.

— А вот старый монах ловит рыбу. — Котелок вновь сделал замысловатое движение и прошелся по земле. И до меня с запозданием дошло, что это же боевые стойки и приемы.

— Да, наблюдал одно время в монастыре долгое время. — Признался демон. — Интересно, как на святых монахов действует мое демоническое присутствие.

— И как? — Хрипло спросила я.

— Никак. — Демон расхохотался, а потом вновь повторил. — Никак не действует. И либо отцы не такие уж святые, либо нет никакого воздействия. А значит мы демоны тоже имеем право на жизнь.

— Признаюсь, уважаемый демон, — степенно заметила учитель Цинь, — у вашего присутствия есть огромный смысл.

— Да я же вообще прелесть! — Демон расплылся в клыкастой улыбке. — И почему меня не любят?

— Может быть, потому что ты убиваешь людей? — Предположил разбойник.

— И что? — Возмутился демон. — ну, убил парочку. Так я ведь не просто так. Одного разбойника за дело, нечего было собаку мучить. Я испытываю некоторую слабость к собакам. А он есть ее собрался. Ну я его и убил. И съел потом. Так что не получил никакого перерождения. Ибо нечего, потому что. Еще парочку я съел во времена голода. И не скажу, что мне очень понравилось, курятина гораздо вкуснее. Да, даже свинина. Хотя я и не люблю ее. Все же нечистое мясо. А так, я даже люблю людей. И вообще вот вы люди друг дружку убиваете без всякой жалости. А я плохой?

Мы все втроем переглянулись и пожали плечами.

— Вот! — Демон воспрял духом. — А я ведь иногда и помогаю людям. Вот одна дева не хотела идти замуж за старого Вана, кривого и хромого. Так я ей помог. Я ее убил. И все. Она не вышла замуж. За Вана потом отдали ее младшую сестру.

— Сомнительная помощь, не? — Спросил разбойник.

— Душа ее переродилась в тигра. — Ответил демон. — И она всю вторую жизнь прожила в императорском зверинце. Ее там любили, чесали и кормили. Она была счастлива.

— Но ведь тигр- это вроде хуже человека? — Спросила я.

— Ну, колесо сансары вертится, жизни крутятся. — Философски заметил демон. — Кто его знает. Может только мой господин Ван Янь Ло, и то хитро молчит, когда я прихожу пофилософствовать.

— Может, чаю, господин демон? — Радушно предложил разбойник. — Расскажите нам, как там в подземном царстве дела обстоят. Кто-то вот вскоре отправится туда.

— А можно! — Кивнул демон. — Метнись за водой, — кинул демон мне котелок, который я ловко поймала.

Третий поход к ручью дался гораздо легче, я уже знала дорогу и была готова найти ее хоть с закрытыми глазами, тем более что вышла неполная луна, и облегчила мне дорогу. По возвращении я застала просто идиллическую картину: демон возлежал на боку, подперев башку когтистой лапой и смачно ковырял в зубах веточкой, старушка Цинь сидела с идеально прямой спиной и медитировала на огонь, а разбойник чесал своего зверя.

— Только давай чай вари нормальный, без этих твоих штучек. Не люблю, когда возле стоянки все засрано. — Строго приказал демон. — Нормальных зелий у тебя там все равно нет. Я даже отсюда вижу.

— Вот Фэнь шарлатан. — Буркнул разбойник. — Вернись- повешу его.

— Повесь- повесь. — Ласково разрешил демон. — Толку от этого придурка все равно никакого.

Вторая попытка чая вроде бы пахла так же, и все же было какое-то легкое еле уловимое

отличие.

— Нюхая, малыш. — Ласково заметил демон. — Нюхай и запоминай. И чтобы впредь сам такие вещи мог определять.

— Откуда столько любви к простым деревенским парням? — Лениво заметил разбойник.

— Я люблю людей. — Ответил демон, ласково улыбаясь зубастой пастью. — Особенно людей простых и бесхитростных. Но вот и хитрожопых тоже люблю. У них мясо вкусное, пикантное такое, с кислинкой немного.

Разбойник на это только улыбнулся, добавляя новые травы в котелок.

— Ммм... — Неплохо. — Заметил демон. — Я тут кружки припас.

Он вытащил кружки буквально из воздуха, ловко начерпал ими чая и раздал нам.

— А вот, смотрите, что еще у меня есть. — Демон вытащил лунные пряники.

— Но ведь праздник Луны еще не скоро. — Я с восторгом рассматривала свой пряник: такой большой, тяжелый, с красивым иероглифов посерединке. Пожелание счастья от демона, это так мило.

— Снохе третьей супруге брата захотелось. — Прочавкал демон. — А этим бабам если что-то взбредет в голову, то проще уж дать, или разрешить. Так что вот, настряпали мы этих пряников, все подземное царство накормили, и еще осталось. Даже интересно с чем вам попадется.

— А тут есть с человечиной? — Слегка позеленев спросил разбойник.

— Конечно, нет. — Воскликнул демон. — Кто будет кормить беременную человечиной. Вдруг еще демон родится с отклонениями. Тут вообще мясных нет, она хотела сладких, ну мы сладких и наделали, с медом, орешками, кунжутом, кукурузой. Где-то с бобами был. Щас, погодите.

Демон сунул руку во временное пространство и начал делать щарящие движения.

— Кажется, вот, нашел. — Он вытащил еще один пряник. — Этот вроде с бобами.

Разбойник осторожно взял его и надкусил. Жевал он с мученическим видом, и постоянно прихлебывал чай.

— Вкусно? — Вкрадчиво спросил демон.

— Очень. — По щекам разбойника текли слезы.

— Еще бы! — Воскликнул демон. — Это же отборный перец. Начинка считай только из него одного. Но видел бы ты свою рожу, приятель!

Демон повалился на спину, дрыгая лапами и счастливо гогоча. Пользуясь тем, что он рассматривает небеса, разбойник выкинул остатки своего пряника в ближайшие кусты. Мы с Цинь задумчиво жевали свои пряники. Мой был воистину волшебным: в меру сладким, с хрустящими орешками в меду. Кажется, такие пряники в последний раз я ела, еще когда была совсем малышкой, и дедушка принес от своего друга.

Говорят, что демоническое угощение что-то меняет в человеке. И в прошлый раз, когда я ела кукурузу из лап демона у меня вырос второй хвост. В принципе, я не против и третьего хвоста. Но боюсь, что одного пряника для этого недостаточно. Зато как бы это прибавило мне веса. Остальные лисы стали бы меня больше уважать, мелкие домашние демоны бояться.

Я счастливо зажмурилась, вперившись взглядом в огонь. Впрочем, до третьего хвоста мне еще около двух столетий. Я и так второй хвост получила поперек многих, думаю, есть желающие мне его оторвать.

— Ну, что, раз мы покушали, то можно и спать лечь. — Заметил демон отсмеявшись. —

Ты иди мой котелок. — Он опять кинул мне утварь.

— Почему я? — Я наконец нашла в себе силы возмутиться. — Только и делаю, что его мою.

— И в самом деле! — Воскликнул демон. — Иди ты мой! — Демонический коготь ткнул в хозяина котелка. — Твой же котелок.

— Легко. — Заметил разбойник, выплеснул остатки чая в кусты и убрал котелок в сумку. — Вот, чистенький.

— Ну, так тоже можно. — Признался демон. — Ладно, вы ложитесь спать, завтра опять дальняя дорога ждет, а я побежал. Чую там в подземном царстве новые страсти разгораются. Как бы не пришлось салют устраивать с карнавалом. Хотя вот не так давно Новый год отмечали. А ты малышка, отмечена князем Ван Янь Ло. Очень ему понравилось, что ты Академию не бросила, и за другом ходила смотреть. Так что вскоре жди подарка от князя.

Я завистливо вздохнула. Когда я была беременная мне не то, что пряники не пекли, меня даже больше других нагружали работой. Что поделаешь, не любили меня крепко первые три жены. Они и друг друга не любили, но ради меня объединили свою нелюбовь. Когда я сбежала, думаю, я доставила им много удовольствия.

Потом я задумалась про подарок, интересно, что демон имел ввиду?!

Но гадала я не долго. Вскоре мы устроились на ночлег, мы с Цинь вместе, разбойник подле своего зверя и признаться отлично выспались. А утром продолжили путь без завтрака. Разбойник, судя по всему, боялся демона, но злился на нас за то, что демон не дал нас отравить.

Весь день мы опять ехали, правда без остановки на обед. Но к вечеру пришлось все же остановиться. Разбойник хоть и демонстрировал чудеса стойкости, все же и сам порядком устал.

— Иди, помой котелок и воды набери. — Велел он мне, и я послушно отправилась.

— Это плохая вода. — Вылил он на землю ту что я принесла и отправил за новой. Я спокойно сходила.

— И это плохая. — Эта вода отправилась вслед за первой. Я сходила еще раз.

После обучения в Академии меня было сложно смутить повторяющейся бесполезной работой. В общей сложности я сходила за водой дюжину раз, и разбойник сдался.

— Вот сразу бы так. — Взял он котелок и пристроил его в огне.

Я усмехнулась, Цинь сидела лукаво щурясь на огонь.

— Вы смеетесь надо мной?! — Вскричал разбойник, ударом ноги опрокидывая котелок. Угли зашипели, погаснув.

— Как можно, господин! — Степенно заметила старушка не поднимаясь впрочем с места. — Вы хотели нас убить мучительной смертью, где уж тут смеяться.

— Я хотел под закланием правды выведать у вас правду. — Вскричал разбойник. — Ты! — Снова ткнул он в меня пальцем. — Иди набери новую воду.

Я послушно подняла котелок.

— У нас нет другой правды. — Тихо заметила Цинь, стоило мне вернуться с новой водой. — Мы правда просто хотим предупредить императора. Да, возможно я забочусь не только о нем самом, но и об остальных простых людях, что будут уничтожены этими повстанцами. Ну и лично мне будет приятно, когда император вздернет этого Ма Луня.

— А если он и тебя вздернет, глупая старуха? — Вскричал господин Ван. — Ты же его совсем не знаешь.

— Ну, я славно пожила. — Пожала плечами Цинь. — Если этот разбойник будет качаться рядом, то мне все равно будет приятно.

— Этого разбойника еще поймать надо. — Грубо заметил наш разбойник. — А ты вон она, сама пришла.

Цинь лишь пожала плечами.

— Хоть его пожалей. — Ткнул в меня пальцем господин. — Он то еще не пожил. Небось даже одну жену не привел.

Я пожала плечами. Вот уж о чем я не переживала, так это об отсутствии жены. В чем-то я была согласна с мужчинами: женщины — это целый ворох проблем. Крикливые, пугливые, они в большинстве своем умели только создавать проблемы. Я, конечно, судила по первым женам своего супруга. Но, насколько я знала, многим достались такие же. Единственное достоинство их было в благородном рождении и маленьких ножках.

Мы вкусно поужинали и отлично выспались. Так мы ехали семь дней.

ГЛАВА 2. ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Разбойник в самом деле высадил нас в лесу близ Запретного Города. Сам Запретный Город находился в стадии строительства и представлял собой город в городе. С севера были горы, через город протекала река, тем самым суля семье Императора богатство и процветание. Сам город представлял собой идеальный квадрат, и был уже полностью застроен красивейшими зданиями. Существует легенда, что проект города был послан во сне благочестивому монаху, который спустился с горы Уданшань и пешком дошел до императора, чтобы поведать о том чудесном сне. Император милостиво принял монаха, и разрешил ему строительство. Помимо города для Императора, монах начал строительство храмов и монастырей на горе, где так долго прожил. И говорят, что монастыри те неопишуемой красоты, такой, что преступники начинают плакать слезами умиления от вида этой красоты.

Город Императора отделяли от основного города огромные валы и высокие стены красного цвета. Попастъ туда можно было лишь имея божественную императорскую кровь в жилах, святотатцев же, не имеющих отношения к императорскому роду, ждала мучительная смерть. И именно в эту тщательно охраняемую твердыню мы и оказались.

И для начала мы должны были попасть в общий город с тем, чтобы потом более-менее легально попасть в охраняемый город.

Как ни странно, но мы легко покинули Запретный Город. Просто вышли вместе со строителями, прихватив в каждую руку по мешку мусора. Никто почему-то не проверял рабочих.

Итак, мы попали в общий город, что оказалось совсем не сложно. Город был огромным, все куда-то спешили, кричали и толкались. Мы, столько времени, проведенные в лесу порядком растерялись.

— Что вылупился. — Буркнула Цинь и потащила меня куда-то, цепко схватив за рукав. Мне оставалось лишь послушно перебирать ногами.

Для начала мы пришли на какой-то постоянный двор, где Цинь присела за крайний столик и долго сидела ничего не заказывая, так что вскоре вышел хозяин и пинками погнал нас со двора.

Ничуть не расстроенная Цинь присела в другой едальне и сценарий повторился.

— Может быть, нам поменять тактику? — После того, как нам в третий раз намяли бока, спросила я, потирая ноющие ребра.

— Не стоит. — Заметил голос позади нас. Я торопливо развернулась. Позади нас стоял степенный старец, в богатом халате. — Ты нашла меня, Цинь Хуа. Теперь буду благодарен, если ты объяснишь мне зачем.

— Старый Чжан шлет тебе привет. — Ответила Цинь, ничуть не стесняясь своего внешнего вида. — И просит передать, что у нас всех «один путь, один пояс», или наоборот?! Совсем старая стала. — Пробормотала Цинь.

— Неважно. — Махнул рукой старец Чжао. — Чжан всегда любил лишний эпатаж. Я понял, что ты и вправду от него. Что ж, пройдемте в мой дом, будете гостями и все такое.

Мы прошли вслед за старцем в его богатый дом, и Цинь несла себя так, словно на ней парчовый халат алого цвета, расшитый утками мандаринками, а не грязные холщовые штаны и накидка из старого пледа. Мне же от всего этого великолепия было несколько не по себе.

Дом был богат. Колонны в доме были выполнены из ценнейшего лавра, а стены выложены золотыми кирпичами из обожжённой глины. А еще я нигде не увидела печного отопления.

Мое удивление было настолько велико, что я не смогла промолчать.

— Простите, почтеннейший! А можно ничтожному поинтересоваться, как же вы обогреваете дом зимой, ведь вы хоть и находитесь несколько южнее привычного мне места обитания, все же зимы здесь тоже весьма суровы.

— Речь твоя почтительна, юноша. — Степенно ответил хозяин дома, продолжая вести нас среди красивейшего убранства. — И я отвечу тебе. Здесь в самых богатых домах используется отопление иного рода. Трубы проводятся под полом еще на стадии строительства дома, источники отопления находятся за пределами домов, а тепло поступает по трубам. Также мы используем специальные жаровни с древесным углем, что при горении не истончают запаха и дыма. Они оборудованы специальным колпаком, что предотвращает отскакивание угля, и таким образом мы заботимся о пожарной безопасности, что очень важно, ведь очень многое в доме сделано из дерева.

— Чудеса! — Искренне воскликнула я.

— Такого рода технологии используются во дворце самого императора, и мы, самые приближенные его слуги имеем возможность приобщиться к его мудрости.

Я не удержалась и потрогала пальчиком кирпич на стене.

— Они сделаны из специальной глины и обжигались долгое время. При ударе они издают металлический звук. Каждая партия таких кирпичей дорогая, и мало кто может себе это позволить.

— Вы очень богатый человек. — Удивленно пробормотала я.

— Да, мой господин заботится обо мне. — Польщено пробормотал господин. — Сейчас служанки проводят вас в комнаты, вам надо отдохнуть с дороги и привезти себя в порядок. А после приглашаю вас на ужин. Там и поговорим обо всем, что привело вас сюда.

В комнате, подготовленной для меня, уже ожидала молодая служанка и комплект одежды для молодого господина.

— Позвольте я помогу вам совершить омовение. — Прошептала она на грани слышимости.

Я крепко задумалась. Можно было бы признаться, что я как бы женского пола и принять ее помощь, но я подумала, что, наверное, будет лучше придерживаться легенды до конца.

— Не стоит, милая. — Ласково ответила я ей. — Ступай. Я справлюсь без тебя. Я долгие путешествовал и привык справляться самостоятельно.

Служанка поклонилась, как мне показалось с облегчением и вышла, оставив меня наедине с собой.

Для начала я и впрямь как следует намылась, благо в доме только отопление было таким новомодным. Для мытья же мне предоставили обычную бочку полную восхитительно горячей воды. Прополоскать волосы не составило труда, как только мы ушли из Академии, я перестала брить голову, но волосы отрасли всего чуть-чуть, лишь слегка пробившись наверх рыжим пухом. Смотрелось это, конечно, ужасно, но я всерьез решила отращивать косу. После мытья я почувствовала себя просто новым человеком, особенно, когда облачилась в новые штаны, рубаху и халат. Все пришлось почти впору, и, хотя было видно, что одежда ношенная, она была чистой и почти новой.

Уже полностью одевшись, я всерьез задумалась, чем бы себя занять. Ложиться на кровать в новой одежде не хотелось. Она могла помяться, а как хозяин дома отнесется к мятым гостям я не знала, поэтому я присела на мягкую лавку и открыла свиток, что лежал на низком столике. Это оказались выдержки из трактата Сунь Цзы «Искусство войны». На полях имелись пометки, оставленные чьим-то четким подчерком.

«Война- это как огонь, люди, которые не сложат оружия погибнут от собственного же оружия». — Прочла я. Рядом было написано иероглиф отрицания.

Еще Сунь Цзы писал, что военные занятия — это дорогое занятие, приносящее убыток государству и бедствие народу. Поэтому, писал великий ученый муж, война должна быть быстрой, эффективной и мобильной. А самая удачная война была по мнению полководца это война, выигранная на поле битвы дипломатов, и без обнажения оружия.

Неожиданно для себя я зачиталась. Особенно пометками. Тот, кто их делал, обладал живым умом и был весьма безжалостен. А ко всему прочему весьма беспечен, раз разбрасывал подобные свитки где попало.

На всякий случай я убрала его подальше с видного места. Пусть лучше хозяин дома думает, что сам его запрятал, чем гадает, любопытствовала ли я.

Сделала это я весьма вовремя. Вскоре за мной пришла та же самая служанка, и пригласила пройти за ней на ужин с хозяином дома.

Стол был накрыт тоже весьма богатый. И, судя по всему, здесь всегда так питались, а не пытались пустить пыль в глаза бедной старушке и ее непутевому внуку. И, хотя, Великий Учитель пропагандировал умеренность в пище и в других увеселениях, обитатели этого дома явно не считали нужным следовать этим наставлениям.

Хозяин дома сидел во главе низкого стола, подогнув ноги хитрым способом, нас же со всем почетом расположили по разные руки хозяина.

— Ну, что. — Заявил хозяин. — На пустой желудок негоже вести серьезные разговоры, так что угощайтесь.

Он самостоятельно положил себе немного риса и курицы, тушеной с орехами.

Я сделала выбор в пользу острых баклажан и свинины в кисло-сладком соусе, чем заслужила удивленный взгляд хозяина дома.

Что ж, баклажаны считались мужской едой, поскольку были острыми в то время, как свинина- женской. Подозреваю, что хозяин просто удивился такому странному выбору, но меня же прошиб холодный пот. Я все время прокалывалась на каких-то мелочах. В дальнейшем, я стала тщательнее выбирать блюда, к которым тянулась моя рука. Вначале я спрашивала себя, чтобы из этого выбрал бедный внук деревенской бабушки, и только потом накладывала это кушанье себе в тарелку.

Хозяин если и был вначале удивлен, то после знатно расслабился. Хотя, то, что моя бабушка взяла себе целую связку перечных колбасок его почему-то совершенно не удивило. А ведь после них внутренности просто горят, поэтому их считают не просто мужской пищей, а едой настоящих воинов.

— Ну, что ж. — Наконец откинулся на подушки хозяин дома и мы тоже послушно опустили палочки. — Рассказывайте, что вас привело ко мне.

— Нам очень нужно попасть во дворец к Императору. — Произнесла Цинь.

Было хорошо, что господин Чжао уже доел, иначе он бы точно подавился.

— К Императору? — Уточнил он таким тоном, словно ждал, что старушка сейчас рассмеётся и скажет, что она оговорилась, конечно же нет, ей нужен торговец тканями. Но

Цинь лишь серьезно подтвердила свои слова.

— Вы же занимаете важную должность при дворе, Ваш господин вас очень высоко ценит. — Произнесла старушка успокаивающим тоном. — Наверняка, он не откажет вам в пустяковой просьбе.

— Он меня просто казнит. — Произнес господин резко бледнея, представив себе перспективу. — В запретный город нет ходу посторонним.

— Так мы же не посторонние. — Ласково произнесла учитель.

— Кем вы служите во дворце? — Спросила я.

— Я подаю императору ночные туфли. — Приободрился господин Чжао.

— О! — Воскликнула я. — Это очень важная профессия. — И чувствую, что не такая простая, как кажется на первый взгляд.

— О, да, — приободрился хозяин дома, стремительно розовея, — их необходимо согреть, и с подобающим поклоном поднести господину.

— Устаете наверное ужасно? — Предположила я.

— Конечно! — Воскликнул Чжао. — Это же весь вечер сидеть в напряжении, ждать, когда Императору понадобятся тапочки, все время держать их нужной температуры. Не приведи перегреешь, он может обжечь свои ноженьки, или вдруг остынут. Предыдущего слугу казнили бамбуковой казнью, за то, что он подал тапочки холодными. Уснул случайно и тапки остыли. Ужасная смерть.

Я осознала, что работа у господина была очень сложная и опасная. Возможно, опаснее, чем у солдат в армии.

— Так вам же нужны помощники! — Снова воскликнула я, осененная идеей. — Просто скажите старшему смотрителю, что ваша работа требует еще двух человек и вы можете порекомендовать таких. У Императора же две ноги, и греть одному целых два тапочка невозможно. Вдруг температура одного окажется не такой как другого?

— Так ведь две ноги, а не три. — Шепотом произнесла Цинь. — зачем же три человека?

— Так двое греют, а третий следит чтоб не мухлевали, и не ленились. — Нашлась я с ответом.

— Хм. — Задумался господин.

— Это в самом деле очень важно. — Произнесла Цинь.

— Зачем это мне? — Произнес Чжао. — Это ужасный риск, и я не понимаю, где я так нагрешил, что вообще пустил вас в свой дом.

— Если вы сейчас нас выгоните, то я пойду к Запретному Городу и начну кричать, что вы замышляете убить господина Императора.

— Вам никто не поверит. — Помертвевшим голосом произнес он.

— Это не важно. — Произнесла я. — Достаточно что я зароню зерна сомнения в головы людей.

— Хорошо. — Произнес господин Чжао. — Завтра я возьму вас с собой. А сегодня отправлю служанку с письмом к старшему господину, попрошу о встрече завтра утром. Будьте готовы завтра идти на службу. Одежду я вам подберу. Никакого оружия. Вас проверят на входе. Никакой самодеятельности, идете вслед за мной след в след, делаете то, что я скажу точь-в-точь как я скажу.

Мы закивали.

Признаться, я не думала, что все получится настолько легко.

Вечер мы провели по разным комнатам, где я откровенно скучала. Заниматься

воинскими упражнениями я не рискнула во избежание проблем с хозяином дома, так что я просила весь вечер, уставившись в стену в жалких подобиях медитаций, которые я так и не полюбила. Впрочем, это отстраненное созерцание на самом деле помогло очистить мысли и чувства и подготовиться к завтрашнему непростому дню.

Утром я собиралась до обеда валяться в теплой постельке. Кровать была настолько мягкой, что я провалилась в перину, словно в облако. Я тысячу лет не лежала на подобных кроватях, и вместо ощущения счастья у меня болело все тело. Проснулась я очень рано и не смогла больше уснуть. Поэтому я встала, наплевав на все сделала гимнастику, после комплекс на растяжку и не спеша оделась.

После отправилась бродить по дому. Здесь было что посмотреть: это и традиционные фигурки уток-мандаринок, что стояли парно в соседней комнате. И ряд картин, по-моему, принадлежащих кисти великого Ли Сысюня, огромная редкость, явно стоившие баснословных денег.

— Нравится творчество Ли Сысюня? — Хозяин думал, что он подкрался незаметно, но я прекрасно его слышала, просто решила остаться на месте, ведь запрета покидать комнаты не было.

— Красиво. — Бесхитростно произнесла я. — особенно вон та гора. Похожа на гору, что возле деревни.

— Я думал вы восхищаетесь линиями, точностью рисунка и качеством рисовой бумаги. — Поджал губы хозяин дома.

— Увы. — Я пожала плечами. — Я мало что понимаю в живописи. Но эта гора пробудила во мне множество воспоминаний.

Я подумала, что и в самом деле немного скучаю по Академии. Там сейчас, наверное, вовсю медитируют, на самом деле думая, будет ли обед. В разоренной Академии теперь, наверное, обеды дают не каждый день. А часть боя с оружием и без, наверняка заменили на тяжелый физический труд на благо Академии. Например, возводить разрушенные стены, чинить лестницу и огромные двери.

— Я сейчас пойду к главному распорядителю. — Произнес хозяин. — Буду вам очень благодарен, если вы с бабушкой посидите по своим комнатам. Я прикажу, чтобы завтрак подали вам туда. Можно даже в одну комнату. Например, ее. Вас это устроит?

Я послушно кивнула. Да, мне не сложно посидеть с Цинь и позавтракать с ней.

Хозяин тоже кивнул и рядом со мной возникла та самая расторопная служанка, что послушно проводила меня к учителю.

Цинь медитировала. Когда я вошла, она приоткрыла один глаз, кивнула мне и вернулась к своему занятию. Я не стала отвлекать ее, послушно присев на ближайшее кресло.

Комната Цинь была похожа на мою, и в то же время отличалась, как отличаются гостевые комнаты у хорошего хозяина. У меня стены были обиты голубым шелком, у нее желтым. Немного разная мебель, вместе с тем выдержанная в едином стиле, отдельного разговора заслуживала кровать занимавшая воистину кучу пространства. Ножки кровати были выполнены из красного дерева. Удивительно, что хозяин дома считает нужным ставить такую дорогую мебель в простых гостевых спальнях. Помнится уж на что мой муженек любил пускать пыль в глаза, и то его дом был в разы скромнее.

Вскоре появилась служанка с подносом. На нем были вполне себе скромные яства: чайник чая, пиалы, лепешки стопкой, мисочки с соусом. Я уже было приготовившаяся откусать как вчера была несколько разочарована.

— А ты думала тебя тут всегда будут кормить? — Усмехнулась Цинь. — Это же Чжао, он любит пускать пыль в глаза, но ради нас с тобой не будет слишком уж напрягаться.

— Я бы не отказалась. — Пожала плечами я.

Если бы все что я хотела от жизни заключалось во вкусной еде, то мне не стоило бы уходить из дома мужа. Могла бы привыкнуть к пакостям других жен, научиться терпеть, или даже подружиться с третьей против первых двух.

Под эти размышления я разломила лепешку и приступила к завтраку. Цинь решила не отставать.

Лепешки, кстати, были очень вкусными, а соусов немалое количество. Я посчитала своим долгом перепробовать их все и порядком объелась.

После завтрака мы продолжили медитации. После сегодняшнего утра я поняла, что лучше две тренировки с оружием, чем утро, полное медитаций, где ты вроде бы не устаеть, но это настолько скучно, что лучше уж защищать Академию с оружием в руках не зная, наступит ли для тебя закат, или нет.

На обед нас пригласили к хозяину дома.

— А где ваши жены, уважаемый? — Не удержалась я от вопроса, присаживаясь на указанное мне место.

— На женской половине, где же им еще быть? — Удивился вопросу хозяин.

— А почему они не кушают вместе с вами? — Теперь уже удивилась я. — По крайней мере не ужинают.

— Так у меня в доме посторонние. — Пояснил все еще удивленный хозяин. — Зачем им присутствовать здесь?

— Ну, — я прямо растерялась, — украшать собой, вести застольные беседы, смеяться и отвлекать гостей.

— Глупости какие. — Усмехнулся Чжао. — Жены украшают мой дом для меня. Месяц назад я взял шестую жену, молодая девушка из приличной семьи.

— Вы так недавно женились? — Вновь удивилась я. — И у вас шесть жен? Удивительно. И как они живут между собой?

— Неплохо. — Произнес Чжао. — Моя предыдущая шестая жена умерла полгода назад, и между нами, очень удачно. Уже была старой и сварливой. Правда у меня особенно не баловала, знала, что я высечь могу. Но с остальными женами у нее бывали конфликты. Эта новенькая просто небожительница: молодая, красивая. А какие у нее красивые маленькие ножки, как она трогательно семенит на них.

Хозяин мечтательно закатил глаза.

Я машинально покивала, накладывая себе утку и тончайшие рисовые блинчики. Да, покушать хозяин любил и удивительно, что он не превратился в круглый шарик, с таким-то питанием.

— Кстати, — заметил он, наливая себе суп в чашку и шумно запивая трапезу. — Жен я так не кормлю. Поначалу я не ограничивал их в тратах и еде, и они быстро разжирили. Так что сейчас у них лимит на деньги и на еду. Например, младшая получает чашку риса в день и две лепешки. Хочу, чтобы она и дальше радовала меня своими формами.

Тут я подумала, что мой то муженек оказывается, был вполне неплохим человеком, и чего я его раньше не ценила. В конце- концов жен можно было и отравить, дожидаясь пока он наберет себе молодняка и воспитать их так как надо мне. На мгновение я представила какая у меня могла бы жизнь: спать до полудня на мягких перинах, кушать в любое время

любую пищу, и шпынять молодых жен, постоянно бурча, что не те нынче женщины пошли.

— Вернемся теперь к нашему вопросу. — Хозяин насытился и положил палочки.

Это послужило нам знаком, и мы послушно отложили и свои.

— Сегодня вечером старший распорядитель согласен посмотреть на Вас и протестировать как вы будете работать. Надеюсь, вы не опозоритесь и не опозорите меня, поскольку я поручился за вас.

— Мы приложим все свои ничтожные усилия. — Ответила Цинь за нас обеих и мне оставалось лишь послушно кивнуть.

После обеда мы отправились готовиться к визиту в Запретный город. Служанки доставили нам новые наряды и мне стоило большого труда убедить всех, что я могу одеться самостоятельно. В итоге меня спасла Цинь, потребовав всех служанок себе, делать ей какую-то сложнейшую прическу.

Мы вышли из дома и возле входа нас ждал запряженная ослами повозка. Мы чинно расселись и поехали. Ехать было не далеко и, честно говоря, лично мне было не слишком понятно почему бы не прогуляться пешком перед работой, но я благоразумно держала свои мысли при себе. Возле неприметной калитки мы остановились. Конечно, я не мечтала, что нас проведут через главные ворота города, но признаться, хотелось бы хоть одним глазком взглянуться на все те чудеса, что им приписывали. Впрочем, калитка тоже вела к чудесам, просто другим, более длинным, путем. Мы степенно прошли в нее, и господин Чжао сделал нам последнее предупреждение. Мы послушно шли за ним след в след и старались дышать через раз.

Возле какого-то здания нас встретил другой господин в богатом халате.

— Проходите. — Велел нам он. — Господин Старший Распорядитель готов вас принять и выслушать.

Мы поклонились и проследовали следом за ним. Мы шли по богатым коридорам, где стены были выложены кирпичиками, такими маленькими, что с одну ладонь могло поместиться до пяти кирпичиков, а колонные из красного дерева были украшены затейливой резьбой. Здесь тоже не было печного отопления, но пол был теплым. Я подумала, что если в помещениях для слуг такое богатство, то, что же тогда у самого Императора.

Самый главный господин старший распорядитель оказался кругленьким смешливым колобком с высоким голосом. То есть евнухом. Судя по всему, вопросы женской половины дворца тоже лежали на его хрупких плечах.

— Значит, вы утверждаете, что для равномерного прогрева императорских тапочек необходимо аж три служащих? — Доброжелательно улыбнулся он. — Что ж, вот старые тапочки Господина, приступайте, к прогреванию, а я посмотрю.

Мы смущенно переглянулись, поскольку в нашем плане этот пункт не был заранее обговорен.

— Ты берешь левый, ты правый. — Взялся командовать господин Чжао. — Делаем все спокойно, так, как мы с вами тренировались.

Мы послушно взяли в руки обувь. Тапочки были вышиты драконами, а нить для вышивки была золотой. Весили тапки соответственно немало. Я от неожиданности чуть не уронила свой.

— Простите. — Прошептала я. — Мы для репетиций пользовались более простыми моделями.

— Это естественно, продолжайте. — Благосклонно кивнул нам колобок, но видно было,

что настроен он уже не столь доброжелательно.

Мы максимально следовали указаниям господина Чжао, и больше не ошибались. Оказалось, что нагреть тапочки- это целый ритуал, и у нас это заняло немало времени.

— Мы еще поработаем над скоростью. — Произнес господин Чжао. — Но уже сейчас Вы можете видеть, что на самом деле от слаженной работы трех людей пользы больше, чем от одного.

— Хм. — Задумался колобок. — Возможно ты и прав. Все же от здоровья императора зависит здоровье всех нас, а какое здоровье может быть, если тапочки разной температуры? Конечно, если ты вдруг не справишься, то тебя казнят, но и меня тоже будут ругать. Так что ладно. Дозволяю делать это втроем. Вам на первых порах положено минимальное жалование. Зато будет питание вечером. И вообще, вы должны радоваться, что вообще работаете в таком месте, и возможно, сможете увидеть самого сына Неба!

— А мы разве его не увидим? — Спросила я, когда мы уже вышли и проследовали к своему новому рабочему месту.

— Нет, конечно. Для подачи нагретых тапочек существует специальный человек. — Пояснил господин Чжао.

— Но если он будет плохо нести тапочки, то ведь пострадает наша голова? Разве нет? — Удивилась я. — Не лучше ли одному человеку отвечать за свои действия?

— Здесь немного другая ситуация. — Расстроено покачал головой господин. — Все следят за действиями других. Таким образом достигается многоступенчатая система контроля. Но и взятки если что приходится давать больше. — Проницательно заметила я.

— Не без этого. — Заметил господин. — Но хватит болтать. Пора за работу.

И мы взяли в руки оригинальные тапочки. На мой скромный взгляд, они практически ничем не отличались от тех, на которых мы сдавали выпускной экзамен. Зачем были заказаны новые, если и старые были еще вполне неплохи мне было не понятно, но господин Чжао больше не был настроен обсуждать порядки своего господина. Поэтому мы молча приступили к работе.

Тапочки приходилось греть постоянно, они очень быстро остывали, и тут я осознала весь нелегкий труд, что господину Чжао приходилось делать ежевечерне. Тяжелый, а главное, бесполезный. Ведь, если у господина Императора мерзли ноги, то ему стоило носить носки из шерсти горной козы, и толка от этого было бы в разы больше. С другой стороны, благодаря этому дурацкому занятию, господин смог построить себе отличный богатый дом и взять много жен.

Мы множество раз предались этому занятию, когда наконец за тапочками пришли. Вошел специальный человек с подносом и мягкой подушкой, на которую со всеми полагающимися почестями злосчастные тапки были водружены и унесены.

— Не расслабляйтесь. — скомандовал нам Чжао. — Они еще могут несколько раз за ночь к нам вернуться. Так что не вздумайте заснуть.

— Но не лучше ли спокойно выспаться, а тот господин, что их носит, мог бы нас разбудить! — Опять подивилась я странным дворцовым порядкам.

— Конечно лучше! — Непочтительно фыркнул Чжао. — Палач потом разбудит. Он первым делом пожалуется на нас распорядителю, а тот уже давно метит на мое место своего третьего сына.

— Сына? — Удивилась я. — А разве у него они могут быть?

— Стать распорядителем можно в любом возрасте. — Тихо пояснила мне Цинь, которая

до этого весь вечер молчала. — Хотя, чем старше человек, тем больше риска не пережить эту операцию.

Я понятливо кивнула. Что ж, я всегда знала, что при дворе очень сложно, и можно легко расстаться с жизнью. Впрочем, расстаться с жизнью легко везде. Здесь это можно сделать хотя бы в более-менее комфортных условиях. Ну, если не считать сам процесс расставания. Ведь палач наверняка постарается сделать этот процесс длинным, максимально болезненным и запоминающимся для всех сторон.

Неожиданно со стороны, куда уехали наши тапочки раздался шум.

Мы с Цинь подхватились бежать.

— Стоять. — Шикнул Чжао. — Мы всегда должны быть здесь.

Мы послушно замерли. Но шум лишь нарастал и вскоре дверь в нашу комнату распахнулась и в нее шагнул тот господин, что забрал тапки. На сей раз он был без тапок, но зато с глубокой раной в животе, которую он зажимал руками.

— Покушение! — Прохрипел он, прежде чем упасть.

Мы не стали проверять жив ли он, со всех ног припустив туда, откуда он пришел. Благо идти по его следам оказалось очень легко. За ним тянулся широкий кровавый след. Да и шум нам становился слышен все лучше и лучше.

Мы ворвались в роскошное помещение. Огромную часть его занимала огромная кровать, выполненная из красного дерева, щедро украшенная позолотой и резьбой. На ней громоздились шелковые подушки, с вышивкой, пледы ручной работы и прочие излишества. С кровати свисала голая дева, жестоко разрубленная пополам. Позади кровати при помощи пуфика с резными ножками из последних сил сдерживал натиск нападающих молодой человек, в одних подштанниках отличного качества, также украшенных вышивкой.

Его вовсю теснили пятеро нападающих в удобной темной одежде.

Недолго думая, я подхватила кочергу и присоединилась к общей потехе. Цинь тоже не осталась в стороне, прихватив второй пуфик и сметя ударом одного из нападающих. Своим грозным оружием, я отправила в отключку одного из мужчин, но еще один успел оценить обстановку и развернуться ко мне, направив на меня свой меч отличного качества. Легко и непринужденно, даже я бы сказала рисуясь, он перерубил мою кочергу, оставив мне в руках лишь ее обломок. Я пнула его по голени, одновременно выкручивая руку с мечом. Тот к настолько ближнему бою, почему-то оказался не готов, послушно падая на колени и выпуская меч. Через пару минут все оказалось кончено.

— Господин, Император! — Обратилась Цинь со всем почтением к юноше, — с Вами все в порядке? Может быть, пригласить целителя?

— К демону целителя! — Неожиданно звучным голосом гаркнул император. — Вы откуда такие тупые? Сейчас другие понабегут. А нам надо поймать главного.

— Приказывайте, император. — Первым сориентировался Чжао, всю потасовку простояв в дверях.

— Ты и ты вставайте туда. — Махнул нам рукой император. — Ты стой где стоишь, и сейчас начнешь стенать, мол убили — убили. И погромче, рыдать тоже можешь. Как они ворвутся проверять, хватай за полы халатов и волочись следом. В общем, сориентируешься.

Сам император зажал под мышкой меч и прилег на ложе, брезгливо отодвинув мертвую деву на самый край. Со стороны и в самом деле казалось, что меч воткнут в императорскую грудь.

Вскоре и впрямь группа мужчин не таясь вошла в императорскую опочивальню. Чжао

не подкачал, он столь натурально повалился на ноги первым вошедшим, а среди вошедших неожиданно для меня оказался господин самый главный распорядитель, и принялся стенать о невозполнимой потере.

— Умер, император наш, светоч зари, ушел на новый круг перерождения. — Чжао вцепился в край роскошного халата распорядителя и поволокся за ним следом.

— Ну и отличненько! — Радостно потер лапки колобок. — Проверьте тут все!

— Вы! — Воскликнул Чжао, — это вы?! Заговор?!

— О, да! — Воскликнул колобок. — Это заговор. В этом дворце сейчас нет лояльных нынешнему Императору людей. Стража полностью мной куплена, и не только не станет вмешиваться, но и охотно поможет, если вдруг здесь случайно заблудятся сторонники прежнего императора. Но я уверен, что здесь таких больше нет. Тебе тоже пришло время определиться, на чьей же ты будешь стороне.

Чжао покрепче схватился за край халата колобка.

— Пойдите, господин, но как же так? Я, конечно, разумеется, приложу все свои ничтожнейшие усилия. Я оправдаю... — Поскольку главный распорядитель и не подумал притормозить, то Чжао пришлось ехать вслед за ним на заднице. И если бы все не было так серьезно, то я бы даже посмеялась.

Тем временем колобок дошел до кровати и весьма неосторожно наклонился к императору. Чем тот незамедлительно и воспользовался.

Тело колобка тяжело шлепнулось на пол. И завертелось. Я кого-то рубила чьим-то мечом, рядом Цинь ловко орудовала чьим-то копьем, которое держала в правой руке, и длинным ножом, что держала в левой. Я уважительно засмотрелась и чуть не пропустила удар сбоку от какого-то важного чинуши, пришлось крутануться вокруг своей оси, вкладывая в удар всю свою силу, иначе было просто невозможно пропороть его толстый, богато расшитый халат. После чиновника, который бойцом был прямо скажем слабым, мне пришлось сцепиться со стражником. Тот владел своим оружием не в пример лучше, и пару раз хорошо зацепил меня своим мечом. Сомневаюсь, что это было оружие, с которым он стоял на посту. Скорее всего, меч он подхватил уже позже у кого-то из убитых заговорщиков, и успел бы еще не раз пустить его в ход, если бы на его пути не попала я. Я юрко поднырнула под его руку, и чиркнула своим мечом по его боку, не защищенному доспехом. Здесь, в Запретном городе, доспех использовался без сомнения красивый, но мало функциональный. Впрочем, перед тем как упасть, он тоже успел полоснуть меня по плечу своим мечом. С неожиданной для себя злобой я воткнула в него свой меч, в чем уже не было необходимости, зажимая кровоточащее плечо рукой.

Рядом со мной рубился император. Для молодого вельможи бился он очень хорошо. Ему в качестве оружия досталось копье, и рядом с ним высилась немаленькая гора поверженных врагов. Я отвлеклась на одно мао и когда вновь взглянула на Императора, то один недобитый покойник тянул свою руку к будущему нашего царства. Недолго думая, я отсекала эту дерзновенную конечность.

— Благодарю. — Кивнул Император, возвращаясь к интересному занятию по накалыванию на копье преступников.

— Обращайтесь! — Кивнула ему я, возвращаясь к своим соперникам.

Чжао тоже не остался в стороне и из-за спины Цинь иногда тыкал в заговорщиков кочергой. Толку от этого было не много, но сам факт того, что он не убежал а остался с нами внушал уважение.

На меня насели аж трое стражников, двое с копьями, а один с мечом, пришлось здорово попотеть отбивая удары, прежде чем мне удалось удачно крутануться и отправить того что с мечом в подземное царство напрямиком к Вану Янь Ло.

— Привет, мой демон! — Пошутила я мысленно, но неожиданно прямо у меня в голове раздался голос:

— Спасибо, малышка!

От неожиданности я запнулась, и это стоило мне второго распоротого рукава халата. Пришлось ругнуться и сделав обманный выпад мечом, пнуть одного по икре, поднырнуть под копьё другого и ударом в спину убить обоих.

На малюсенький промежуток времени я остановилась и выдохнула.

Впрочем, долго отдыхать не вышло. На нас перли все новые заговорщики.

— Тут, что и правда весь город перешел на сторону зла? — Потрясенно спросила я в пустоту, вновь втыкая меч кому-то в живот. Вышло это как-то механически и не слишком красиво. Тот упал, заливая все кровью и содержимым кишечника. Сразу плохо запахло. Хотя не сказать, что до этого тут сильно хорошо пахло.

— Аккуратнее работай. — Попеняла мне Цинь, ловко закалывая своего оппонента, и добивая ножом. Сама старушка словно и не устала, двигалась она легко и изящно, с неизменным мастерством отправляя на тот свет заговорщиков.

Я здорово устала, тяжело дышала, рукава халата заливала моя и чужая кровь. Ноги скользили в чужой крови и ошметках их плоти. Один раз я случайно наступила на чью-то кисть руки и раздался противный хруст.

Но мы постепенно шли по дворцу таким карающим отрядом. Причем к нам присоединялись люди.

Например, к нам присоединились две жены императора. Причем одна из них так ловко орудовала копьем, что я аж залюбовалась. И сразу же поплатилась за это, какой-то мужик тыкнул в меня копьем и почти попал. Вернее, он бы точно попал, если бы не та самая жена, она длинным прыжком очутилась рядом со мной и отразила удар.

— Не зевай. — Строго сказала она мне, вновь прыгая на другую сторону, поближе к своему высокородному мужу.

Но рано или поздно всему приходит конец. Закончилась и наша битва. Мы шли по дворцу, полному трупов, и нас осталось всего пятнадцать человек.

— Ох, сколько же предстоит уборки. — Покачал головой господин Чжао.

— Вот и займись этим. — Приказал император. — Теперь ты старший распорядитель. Найми слуг и уберись здесь. Сроку тебе даю до вечера. Теперь слушаю вас, две леди. — Император устало оперся на копьё и ткнул пальцами в нас с Цинь.

— Великий Император, чьим сиянием озаряется вся Поднебесная, — начала высокопарную речь старушка.

— Короче. — Мрачно велел тот. — У меня нет времени слушать все свои титулы. Я здорово устал.

— В общем, — зачастила Цинь, — мы с монастыря Цяньшань, там вас идет свергать Ма Лунь, потому что Хуан Хэ разлилось и он собрал армию, якобы вы не угодны Небу и все такое. Академия разрушена. Но мы по-прежнему верны Вам и вот приехали чтоб предупредить.

— Оригинально. — Произнес Император. — Ну, а ты девица, чего приперлась?

— Девица? — вытаращился на меня господин Чжао. — Так вы меня обманывали?

— Деввица- девица. — Подтвердил Император. — Что я, переодетых девиц не видел?!

Под перекрестьем взглядов я засмушалась и поводила заляпанным мечом по полу.

Раздался ужасный скрежет и я засмушалась еще больше.

— Так а тебя что сюда привело? — Опять повторил вопрос Император.

— Ну так я тоже из Академии, типа, предупредить. — Пробормотала я.

— Отлично. — Кивнул Император. — Вы меня предупредили. Молодцы. Что дальше будем делать?

— Честно говоря, — пробормотала я, — я думала вы там дальше как-нибудь сами?!

— Хм. — Задумался Император. — То есть целая военная Академия не смогла остановить армию этого нехорошего человека. А я и мои последние пятнадцать человек вместе с вами остановим их? Оригинально.

Мы пристыженно молчали.

— Ну, — наконец заметила я. — Вы, господин Император всегда можете рассчитывать на мой меч, или копье, или что там мне достанется при распределении.

— Отлично. — Кивнул юноша. — Теперь я уверен, что мы победим. Еще есть идеи?

— Армия? — Робко предположил Чжао.

Император на это лишь поморщился.

— Ты сам видишь, как те, кто клялся меня защищать перешли на противоположную сторону. Я не доверяю армии, она давно погрязла в коррупции, еще в том месяце собирался казнить каждого второго, но боюсь, армия может перейти на сторону повстанцев.

— Мы тоже с вами, наш повелитель. — Положила свою тонкую руку на плечо супруга Императора.

— Спасибо, Чжо. — Ласково накрыл ее руку своей юноша. — Но вас не так много, и я не хочу вас потерять.

— Я бы немного проредила твой гарем. — Лукаво усмехнулась красавица. — Но ты прав, большая часть гарема- это курятник. Их просто перережут и все.

— У моего дедушки была школа боевых искусств. — Медленно начала я говорить. Медленно, потому что мысль, настойчиво билась в голове, но никак не могла сформироваться в полноценное предложение. Император с интересом уставился на меня.

Приободренная я продолжила:

— Его звали Хоу Шэньлун и у него была «Школа темного Дракона». Она была весьма известна, но Жирный Мань написал Вашему Императорскому Величеству подлый неправдивый донос. И дедушку казнили. Все ученики достались Маню. Но он с ними плохо обращается, и думаю, они будут рады вновь сменить учителя.

— Хм. — Опять задумался император. — Честно говоря, не помню. Но если все было так, как ты говоришь, то конечно я верну честное имя твоему деду и казнь Маня.

— Но как нам заполучить этих учеников сейчас, а всех казнить немного попозже? — Спросила я.

— Это как раз легко. — Махнула рукой красавица. Судя по всему она занимала высокое положение в гареме и ей было многое позволено. — Сейчас ты отправишься к этому Маню и приведешь их.

— Так просто?! — Воскликнула я. — Просто приду, постучу к нему в школу и скажу:- А что я ему, кстати, скажу?

— Скажешь правду. — Хихикнула Цинь. — Что ты внучка этого темного дракона, и пришла восстановить справедливость. Вызовешь его на бой и убьешь. Потом заберешь

учеников и приведешь сюда.

— Так он же не станет драться сам. — Воскликнула я. — Он будет выставять учеников. Вначале одного, чтобы позабавиться. А когда я его убью, то всех сразу. Даже если допустить, что я их убью, то, чем нам поможет куча мертвых учеников, и один живой, но жирный Мань, который к тому же скорее за Ма Луня, а не нас.

— Мне нравится ее самоуверенность. — Произнесла красавица Чжо.

— Может, пусть тайно проберется и выкрадет учеников? — Предложила Цинь.

— Отлично. — Кивнул император. — Отправляйтесь вдвоем. Приведите учеников через два дня. Найдете Чжао, он вас проведет в город ко мне.

Мы с Цинь переглянулись и поклонились.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Мы отправились в путь незамедлительно. На улице рассвет постепенно окрашивал дома в яркие краски. Мы вышли из Запретного города и очутились в городе обычном. Как я понимала, Жирный Мань жил за городом. Не так уж и далеко, но не столь близко.

— Нам бы повозку какую? — Спросила я Цинь. — Пешком мы будем добираться все те два дня, что нам выделили для выполнения задания. Конечно, я немного преувеличивала, но не слишком. И так было понятно, что добром Жирный Мань с учениками не расстанется. Нам еще предстояло его убедить сделать это.

— Мы купим ослов. — Заявила Цинь.

— А где мы возьмем денег? — Удивилась я.

— Все будет хорошо. — Хитро улыбнулась Цинь и уверенным шагом направилась на рынок.

Рынок представлял собой типичный рынок: шумно, грязно и все кричат. Не смотря на сильно ранний час, жизнь здесь уже всю кипела. Для начала учитель сняла с меня халат. Халат был богат, что и говорить, даже несмотря на то, что два рукава были распороты и залиты кровью. Сами-то руки я кое-как перевязала еще во дворце, но менять халат мне естественно никто не стал.

Найдя загон с осликами, учитель задвинула длинную речь, в которой так разрекламировала мой халат и обругала ослов, что хозяин должен был быть просто счастлив совершить обмен. Однако хозяин почему-то не был счастлив. Впрочем, и гнать нас он тоже не спешил. Вокруг стали собираться зеваки.

— Да ты только посмотри! — Потрясала кафтаном Цинь. — Какая ткань, какая вышивка. Да здесь даже золотая нить используется.

— Подделка. — Сплюнул хозяин. — Кто таким оборванцам как вы будет халаты золотой нитью расшивать.

— Да, нас немного ограбили. — С достоинством ответила старушка. — Но назвав меня оборванкой, вы были сильно не правы.

— Ладно, давай сюда поближе. — Сдался хозяин через весьма продолжительное время.

Цинь радостная протянула ему мой халат.

— Но здесь повреждены рукава! — Воскликнул хозяин.

— Ну да. — Спокойно ответила старушка. Я же говорила про разбойников. — Внушок вот немного пострадал. Все, потому что неуклюжий и вечно ворон считает. Но сам-то халат добрый. Отдашь мастерице, она или рукава починит, или вообще их отрежет, да сделает тебе жилетку.

Хозяин стоял в задумчивости. И я его понимала. Да, халат был отличный, сразу видно, что дорогой. Но и повреждения у него были не маленькие. И еще большой вопрос отстирается ли то ужасное пятно на подоле или, придется обрезать подол, рискуя испортить узор из райских птиц.

— Ладно. — Наконец махнул он рукой. — За одного осла отдам.

— Ты что! — Замахала руками Цинь. — Как одного-то?! Тут минимум три будет. И это если рукава придется выбросить.

Торги вспыхнули с новой силой.

— По-моему скромному мнению. — Начала я, когда мы уже трусили на осликах к месту

нашего назначения, — мы потеряли времени больше, чем сможем выиграть, передвигаясь на этих животных.

— Ну, — Цинь неожиданно смутилась. — Увлелась немного. Ничего, мы все успеем.

Под мерный перестук копыт мы ехали по городу, где я частенько бывала в детстве. Вот возле этого забора я подралась с внуком старого Вана. А дедушка потом выпорол меня. И бил-то не за саму драку как таковую, а за то, что позволила поставить мне синяк под глазом. Помимо порки он заставил меня тысячу раз присесть, чтобы потом было легче уклониться от летящего в меня кулака.

А вот здесь я познакомилась с Мэй. Но мне не разрешили с ней дружить. У Мэй отец был казначеем, и хотел ее выгодно выдать замуж. Поэтому не разрешил ей общаться со мной. «Голодранка»- как он охарактеризовал меня. — «Никто ее замуж не возьмет»- Добавил и оказался не совсем прав.

А вот в эту булочную мы любили бегать с Цзяду, это мой троюродный брат. У него как раз все вроде бы хорошо сложилось в жизни. Он не сумел сделать карьеру великого воина, и пошел простым писарем в судебную канцелярию. Когда я последний раз слышала что-то о нем, он уже помогал третьему судье округа, и был на хорошем счету у своего господина, к тому же удачно женился аж три раза. И поговаривают, что его жены даже дружат между собой.

В той самой булочной, которую мы уже давным-давно проехали мы выклянчивали кунжутные лепешки. А еще кривой Вань делал потрясающие лунные пряники к празднику. Вкуснее тех пряников я еще ничего не ела. Хотя пряники от демона тоже были потрясающими, и даже напомнили мне тот самый вкус детства.

А вот здесь я упала в колодец. Глубокий и с ровными стенками. Кстати, мы тогда безобразничали с тем самым Цзяду, и когда меня все же достали, родители нам обоим знатно всыпали. Мне было больно сидеть аж семь дней, а ему и того дольше. А ведь всего-то я уронила туда игрушечную берестяную лодочку и пыталась подцепить ведром, не удержала его и случайно упала сама. Повезло, что в колодце было много воды, она смягчила падение. Но не повезло, что вода была холодной, а халат тяжелым. Намокнув, он неудержимо тянул меня ко дну. Ох и натерпелась я, пока держалась, вцепившись мокрыми ледяными пальцами в ведро на веревке, что кинул мне сверху перепуганный брат.

Путь через город был для меня наполнен воспоминаниями. Приятными и не очень. И, судя, по блестящим глазам Цинь, она тоже когда-то здесь бывала.

Постепенно мы выехали из центра города, полного красивых зданий и потянулись бедные кварталы.

Чем ближе к окраинам, тем беднее становились лачуги. Дети были грязными, плохо одетыми, играли в грязи с домашними животными, и друг другом.

Насколько я знала, школа Жирного Маня, который забрал дедушкиных учеников располагалась за городом. Уж не знаю, какие именно он скрывал секреты в этой глуши, но после казни дедушки, он увез всех куда-то за город, где руками учеников возвел высокие стены.

Признаюсь честно, раньше я никогда здесь не была, и была совсем не уверена, что смогу быстро найти. Но особняк жирного Маня оказалось видно издалека.

— Ну и зачем нам были нужны эти ослы? — Спросила меня Цинь. — Нам же их теперь надо куда-то девать.

Я постаралась сдержать все выражения, что у меня просились наружу.

Мы подъехали уже в темноте, и для выполнения задания у нас оставался всего одна ночь и день. Завтра вечером, ну, самое позднее ночью, мы все должны вернуться в Запретный Город и остановить вторжение армии. Надеюсь, когда мы умрем, о нас напишут красивые легенды. Хотя, если знать, что легенды будет писать Ма Лунь, то вряд ли мы удостоимся и простого упоминания.

«Школа Маня. Удар Дракона»- Значилось на золоченой надписи на огромных дверях. Особняк был обнесен огромным забором, но я прикинула, что его легко можно перелезть. Не удивлюсь, если самые ловкие ученики так и поступают.

— Сейчас постучим и напросимся на ночь. — Оптимистично предложила старушка.

— Нет. — Решительно возразила я. — Вначале мы выясним тут обстановку.

— Хм. — Цинь неожиданно уступила мне инициативу. — Что ж, веди.

Мы объехали забор по кругу и круг был воистину огромен. И два места мне показались наиболее перспективными. В одном я села сама, в другом с максимальным комфортом устроилась учитель Цинь. И наши усилия вскоре увенчались успехом.

Мелкое вертлявое тельце перелезло через высокий забор с тем, чтобы попасть в ласковые объятия старушки.

— Кто тут у нас такой шустрый? — Ласково спросила учитель, и пацан неожиданно забился в ее руках. Он брыкался, кусался и даже пытался применить какие-то обрывочные знания боевых искусств. Но против опытной Цинь он был бессилён. Самое удивительное, что все это время он молчал.

Вскоре и я подросла.

— Динь? — Удивилась я, с трудом узнав в этом заморенном ребенке некогда лопухого и круглолицего Диня. — Что с тобой стало?

— А вы кто, молодой господин? — Шепотом спросил он.

— Ты меня вряд ли помнишь. — Призналась я. — Я внучка Хоу. Меня зовут Ша.

— О! — Он перестал вырываться и вместо этого отвесил мне поклон. Ну как отвесил, в этот момент Цинь продолжала его крепко удерживать, и вместо положенного поклона получились невнятные дерганья, но я поняла. — Госпожа А Лия. Я вас помню. Я так плакал, когда вас выдали замуж. Я ведь рассчитывал вырасти и сам жениться.

Цинь негромко рассмеялась. Я оставила это без комментариев.

— Рассказывай. — Тоже шепотом велела я. — Куда ты собирался, и как вам тут вообще живется?

— Плохо, госпожа. — Признался Динь. — Хромому Шэ жирный Мань отрезал уши, и он теперь не хромой, а глухой. А Ли он превратил в человека- свинью. Ну, знаете.

Я кивнула, чтобы он не продолжал. «Человек-свинья»- это когда человеку отрезают руки, ноги, язык, уши, нос и выкалывают глаза. Самое ужасное, длится эта казнь очень долго, обрубки перевязывают и человек еще потом может долго жить.

— Он поселил его в туалете. И Ли еще долго мучился, пока Шэ не убил его. За это Мань и отрезал ему уши.

— Много вас уцелело? — Спросила я то, что сейчас волновало меня больше всего.

— Тридцать человек. — Признался Динь. — Но многие из них увечные.

— Почему вы просто не убьете его? — Вырвалось у меня.

— Убей. — Схватил меня за руку Динь. — Пожалуйста. Ты же сможешь. Обещаю, никто из наших не выйдет против тебя. Даже если Мань прикажет, мы все слушаемся.

Я задумалась.

— Иди. — Кивнула мне Цинь. — Это твоя битва. И твои люди.

Я кивнула, признавая ее правоту. Я была не права, когда ушла, оставив все как есть. Я наследница дедушки, раз у него не осталось других учеников. И теперь это будут мои ученики. Цинь помогла Диню перелезть обратно. И мы уже не таясь подошли к главным воротам.

Я изо всех сил бухнула по медному кругу специальной колотушкой.

— Я, ученик Хоу Шэньлуна пришла вызвать тебя на бой, Жирный Мань, и забрать твоих учеников в случае победы.

Подозреваю, что Мань больше всего на свете сейчас захотел убежать. Но вызов был брошен, и он не мог оставить его без ответа.

Мы простояли под воротами довольно долго. Скорее всего ровно столько, сколько понадобилось Маню чтобы проснуться и найти халат учителя.

Наконец, Динь отворил мне ворота. Следом за мной прошмыгнула и Цинь. Динь еле-еле кивнул.

Жирный Мань сидел в огромном кресле на крыльце.

— И чем докажешь, что ты ученик? — Лениво спросил он меня. — Да и старик Хоу казнен по обвинению в измене. Не уверен, что его ученики имеют хоть какие-то права.

— Приказом Императора от сегодняшнего утра, Хоу помилован и ему возвращены все пожизненные привилегии. — Громко крикнула я. — Меня же зовут А Лия, я его внучка и последняя ученица. И я вызываю тебя на бой, за право учить его учеников.

— Любопытно. — Кивнул Мань. — Ну, что ж. Луань. — Он кивнул одному ученику.

Это был не дедушкин ученик. Все бывшие ученики дедушки столпились в один угол и выглядели они воистину жалко. Но рядом с креслом Маня стояли трое учеников, и вот они были сытыми, холеными и явно считались здесь лучшими.

— А сам? — Выдохнула я. — Побоялся сразиться в честном поединке с девкой?

— Брезгую. — Рассмеялся Мань.

Тут я обнаружила, что у меня нет меча. Тот, которым я сражалась во дворце там и остался. А сейчас у меня пустые руки.

Луань, тоже заметив мое положение обидно рассмеялся. Сам он взял прямой средний меч, который легко и непринужденно раскрутил. Он пер на меня, полностью уверенный в своей легкой и быстрой победе. Мне же пока приходилось отступать. Я кружила вокруг своего соперника, а мой мозг лихорадочно просчитывал варианты.

Ученику вскоре надоело бегать за мной, и он решил покончить со мной одним ударом. Но я успела отскочить, в то время как его меч с глухим стуком ударил по вытоптанной площадке. Я развернулась, отвешивая ему пинок по заднице. К сожалению, это не только не заставило его выпустить меч из рук, но он даже толком не пошатнулся. Я снова отскочила, одновременно сматывая пояс, который подпоясывал мою рубаху. Штаны у меня держались на грубой веревке, так что я спокойно избавилась от пояса. Пару раз я махнула им в воздухе, привыкая к тяжести и тому пению, что он издавал.

Глядя на мои манипуляции, парень лишь обидно рассмеялся, продолжая крутить свой меч. А зря. Я еще пару раз взмахнула поясом, потом сделала еле уловимое движение кистью руки и меч вылетел у него из рук. Мой бросок, и меч у меня в левой руке. Пояс был по-прежнему в правой. Еще один бросок, и мой пояс захлестнул шею ученика. Тот, задыхаясь, упал. Я поставила сверху ногу. Быстрое движение, и его шея оказалась сломана.

— Неплохо. — Скупо похвалила меня Цинь.

Но моя главная битва была еще впереди.

Мань кивнул второму ученику, но тот неожиданно замотал головой.

— Не пойду учитель. — Громко ответил он. — Она же рыжая. Все рыжие демоны. Она дерется не честно, просто ее руку направляют все демоны подземного царства.

Мань кивнул третьему ученику, и тот выхватив огромный меч «да-дао» легко пошел на меня. Он не стал тратить время на кружение вокруг меня, а решил покончить со мной одним ударом. Мне пришлось не сладко. Он был сильный, но не очень быстрый. Так что пока мне удавалось уворачиваться. Пару раз я обидно щелкнула его поясом, один раз даже оставив красный след на его щеке. Потом мне удалось хитрым ударом намотать пояс на его меч и одновременно ткнуть своим мечом ему в бок, когда он открылся.

Неожиданно для меня самой, удар оказался силен, и ученик упал на землю, заливая ее кровью.

— Уже хуже. — Громко прокомментировала Цинь. — Ты мало веришь в свой удар. Бьешь как попало, а должна заранее знать, как именно ты убьешь человека. А не полагаться на удачу.

Я кивнула, тяжело дыша. Вторая победа далась мне не легко.

Мань кивнул другим ученикам, и они споро утащили два тела. Судя по тому, как радостно улыбался Динь, они уже верили в мою победу.

Мань оглянулся на последнего живого ученика, но тот изобразил такой вселенский ужас на лице, что учителю пришлось самому оторвать свое седалище от кресла и взять в руки меч. Его выбор пал на прямой меч с двусторонней заточкой.

Не смотря на свое прозвище, Жирный Мань не был жирным, его формы радовали глаз приятными округлостями, а двигался он очень быстро. И мечом орудовал вполне ловко. Я же уже устала. Пришлось отбросить пояс в сторону, а меч перехватить двумя руками. Потому что держать его одной левой рукой уже стало тяжело, и я побоялась, что Мань может его легко выбить, тем самым лишив меня преимущества.

Я сделала ложный выпад мечом ему в лицо, и быстро ткнула в ногу. Но там, где нога была еще мао назад уже была пустота. Зато меня он достал самым кончиком меча. Удар пришелся в ту же руку, что уже пострадала при обороне Императора, и неожиданно это оказалось очень больно. Я постаралась сдержать лицо, но, боюсь, у меня это плохо вышло.

Мао стал целенаправленно бить меня по рукам. Мне пришлось отступить. Впрочем, вскоре я словила его ритм. Бил он короткими тройками, и удары были явно отработаны. Дождавшись очередной тройки, я поднырнула под его руку и кувыркнулась ему за спину. Параллельно я выставила меч в сторону.

Мань упал, разбрызгивая кровь.

— Не очень читая работа. — Произнесла Цинь. — Но в целом мы добились нужного результата.

Я встала, тяжело дыша и опираясь на меч, за что схлопотала отческий подзатыльник от учителя.

— Негоже так с оружием обращаться. — Попеняла она мне. — Ну, что, как назовешь свою школу?

— Точно никаких драконов. — Твердо произнесла я. — Эй, ученики мои. Быстро собирайтесь. Пойдем Императору присягать на верность.

— Это какие-то новые правила? — Робко спросил Динь. — Мы раньше как-то так справлялись.

— Мы увидим настоящего Императора? — Радостно спросил ученик, что отказался драться со мной. — Здорово! Я же тоже с Вами?

Я утомленно кивнула на оба вопроса.

— Можно, я тебя перевяжу? То есть Вас, учитель? — Спросил Динь.

Я согласно кивнула.

В доме помимо бинтов нашлась еда. Причем еда вкусная и дорогая. Я велела ученикам разделить поровну и накормить всех учеников. Динь и Ученик Маня, которого звали Дэн взяли процесс в свои руки. Вскоре ученики были накормлены.

— Ну, что ж. Выходим вечером. Только не очень шумно. — Приказала я.

— Ослов пока оставим здесь. — Решила Цинь. — И да, лучше провести эту мини армию вечером, а не гордо маршировать по улицам среди бела дня. — Одобрила мои действия Цинь.

Я командовала собственной школой и своими учениками всего несколько часов, но уже здорово устала. Всех требовалось разместить. Одеть и обуть. Ибо многие были одеты в обноски, и без обуви. Даже солдаты в армии Ма Луня были одеты лучше, чем мои ученики. Ко всему прочему многие были со следами увечий. У одного лицо было в застарелых ожогах, и я даже не хотела думать, как именно он их получил и в чем провинился.

Мы обработали не только мои раны, но все что болело у учеников. Разобрали одежду Маня, и разделили ее между учениками. Конечно, выглядели мы прямо скажем, похуже банды разбойников с большой дороги, но все же гораздо лучше, чем когда я впервые вошла в двери школы Маня.

— Учитель. — Ко мне присел Динь, на правах старого знакомого явно отправленного ко мне остальными. — А как мы будем жить дальше?

— Ну, — я задумалась. — Сходим к Императору. Поможем ему. Потом вернемся. У меня нет своего дома, а у Маня, наверняка есть наследники. Так что отсюда нас все равно выгонят. Но я вас не брошу. Вряд ли мне в самом деле позволят основать свою собственную школу, но я что-нибудь придумаю. В крайнем случае пристрою учениками, да вот хоть к ней.

Я кивнула на Цинь, цинично улыбнувшись своим мыслям.

— А почему не она вызвала Маня? — Спросил Динь. — Раз ей нужны ученики?!

Я пожала плечами.

— Ей было лениво самой с ним драться. — Наконец выдала я версию. — Все великие учителя не любят сами напрягаться. А она на самом деле очень крута. Она учитель с Академии Цяньшань.

— Ух ты! — Восторженно выдохнул Динь. — Да ты что! И мы достались тебе.

На сей раз в его голове сквозило неприкрытое разочарование.

— Эй. — Я пихнула его в бок. — Я так-то сама ее закончила. С отличием можно сказать.

Глаза Динь вновь засветились интересом и он опять присмотрелся ко мне.

— Хм. — А ведь волосы ты совсем недавно брила налысо.

Я закатала рукав и показала уже почти зажившую татуировку.

— Вот смотри.

— Ух ты! — Динь потрясенно уставился. — Офигеть! Она настоящая!

Он подхватился и убежал к остальным ученикам. По всей видимости хвастаться. А ко мне подседа Цинь.

— Ты сейчас серьезно?

— Что именно? — Уточнила я у нее.

— Что ты отдашь учеников мне. — Уточнила Цинь. — Ты в своем уме?!

— Вы всегда можете вернуться в Академию. — Произнесла я. — И им там будет лучше.

Там суровые условия, но всяко лучше, чем были здесь. И да, что я буду делать с ними?

— Использовать по полной. — Пожала плечами учитель. — Иногда учить.

Я пожала плечами.

— Сейчас я не готова об этом думать. — Наконец ответила я. — Возможно, нам и не придется об этом думать, потому что мы все умрем.

Здесь учитель молча со мной согласилась. На самом деле мы обе не верили, что тридцать увечных учеников смогут переломить ход сражения.

Едва стемнело мы выдвинулись в путь. Ученики шли не слишком быстро, но они очень старались. Оружия хватило не всем, но те, кому не хватило вооружились цепями и палками. Я вновь подвязала свой пояс на место, а меч отдала Диню. Он просиял как ребенок, и с упоением баюкал в руках опасную железку. Мы шли всю ночь, старались не шуметь, но это не всегда удавалось. Впрочем, ребята старались как могли.

В полной темноте мы перебрались через красные стены Запретного Города.

Учитель постучала в ход для слуг, и нам отворил сам господин Чжао.

— Я уже и не думал, что вы вернетесь. — Облегченно выдохнул он.

— Как ты мог в нас сомневаться? — Погрозила ему пальцем старушка. — Мы бы не сбежали.

— Но могли и не справиться. — Ответил ей Чжао.

— С чего бы это?! — Удивилась Цинь.

— Хочешь что-то испортить- поручи это женщине. — Ответил поговоркой господин.

— У этой поговорки есть и антипод: что бы ты не дал женщине- она вернет себе больше. — Ответила Цинь.

— Тихо. — Прервала я их пикировку. — Не время спорить. Ребята, заходим.

Господин Чжао провел нас по коридорам до свободной комнаты, где нас разместили с относительным комфортом. Здесь было тепло, и хватало лавок и подушек. Также нам сюда принесли простую, но сытную еду: жареный рис с кусочками угря и пряным соусом. Мальчишки, хоть и поели днем, жадно кинулись есть. Один даже облизал свою миску, ничуть не стесняясь снисходительных взглядов слуг.

— Не так много. — Задумчиво произнес император, лично почтив нас своим присутствием.

— Увы. — Я встала и поклонилась по всем правилам, зажав ладони подмышками и касаясь головой пола. Следом за мной, ритуал приветствия повторили и ученики.

— Я так понимаю, Мань мертв? — Обратился ко мне император.

— Да, о великий! — Ответила я, не поднимая головы.

— Помнится, еще вчера ты была более дерзкой. — Усмехнулся молодой господин.

— Были военные условия, мой император. — Ответила я.

— Ну, что ж. — Вздохнул Чжу Юньжан. — Сегодня я издал указ о возвращении доброго имени твоему деду. Я не стал проводить разбирательство, и полностью полагаюсь на твои слова. Ему возвращаются все титулы, все имущество и заслуги. Также клеветник Мань приговорен мной к казни, и ты можно сказать ему помогла. Он умер как воин, а не

крича под орудиями моего штатного палача.

— Благодарю, Ваше Императорство. — Вновь поклонилась я. Следом за мной повалились на пол и ученики, вознося благодарности императору.

— Но вам придется повоевать. — Обратился император к ученикам. — Сюда идет огромная армия повстанцев, что хотят узурпировать власть. И наша задача выжить и желательно убить их всех. Ну, — тут император улыбнулся, — можно немного оставить. Их потом казнят.

Раздалось несколько смешков, но вскоре все стали вновь серьезными.

— Есть еще хорошая новость. — Произнес Император. — Два отряда моей личной гвардии остались мне верны. Мы немного перетрясли с ними нашу армию, и да, у меня опять есть армия. Правда треть от той, что была, но нас больше не пятнадцать человек.

Я улыбнулась. Это была воистину хорошая новость.

— И есть еще одна хорошая новость. — Опять подбодрил нас император. — От армии Ма Луня осталась, хорошо, если половина. Академия здорово проредила их ряды, потом еще часть они потеряли при переправе через реку, и еще немного умерло от дизентерии, когда попили воду из той самой реки.

Отличная река. Так что, похоже Небо все же поддерживает меня, а не этого разбойника.

Мы опять уверили владыку в собственной безграничной преданности.

— Отдыхайте. — Добавил он. — Они нападут не раньше завтрашнего дня. А скорее всего им понадобится даже несколько дней, чтобы просто дойти сюда.

— Нам нужна «каменная зола». — Произнесла Цинь. Император еще не ушел и заинтересованно прислушался.

— У нас не хватит сил оборонять весь город. — Произнес он. — Но, поскольку их главная цель свержение меня, думаю, они не тронут мирное население.

— Тогда надо разослать гонцов, чтобы предупреждали не сопротивляться, и все такое? — Предложила я и все посмотрели на меня как на полную дурочку.

— Не спроста тебе такое имя дали. — Произнесла Цинь. — Думаю, горожане и так не полезут геройствовать. А наше объявление, наоборот, может спровоцировать панику.

— Или наоборот соберет народное ополчение. — Задумчиво произнес Император, как-то странно разглядывая меня. — А что ты там говорила про «каменную золу»?

— Нам надо много мешков ее. — Воскликнула Цинь. — Технология весьма простая, но весьма эффективная для обороны.

— Если я не ошибаюсь, у нас она где-то есть. — Задумался Император. — Но она вроде бы ядовитая. Мы сами не отравимся?

— Надо соблюдать технику безопасности при работе с ядовитыми веществами. — Хитро улыбаясь произнесла Цинь. — Разрешите мне заняться этим вопросом. И если можно, мне нужно десять человек, в подчинение.

— Хм. — задумался Император. — Легко! Бери десять ее учеников и идите в квартал кожевников. Тратьте сколько нужно, но сделай все, как обещала.

— А разве она используется в кожевном производстве? — Удивилась старушка. — Я бы лучше у крестьян что поля обрабатывают поискала.

— Да? — Приподнял бровь император. — Ну, не важно где ее используют. Главное, что

ее надо найти и поставить нам на службу. Раз уж ты считаешь, что она нам так сильно нужна. Хотя я бы сделал ставку на смолу. Смолу давно используют в таких делах. Средство надежное, проверенное еще нашими предками, а кто мы такие, чтобы спорить с предками.

— Все будет в лучшем виде! — Произнесла старушка. — Ребята, кто хочет прославиться, десять человек идите ко мне.

Они вначале замялись, оглянулись на меня, но я тоже кивнула. Кому-то из нас придется прославиться, и кому-то из нас посмертно.

Наконец нужное количество было набрано, и старушка увела их добывать эту «золу». Мы, те, которые остались сходили в оружейную и выбрали себе оружие по руку. Я взяла лук и побольше стрел, а также вновь прихватила короткий облегченный меч. Хотя мне с ними явно не везет, тем не менее именно это оружие мне было больше всего по душе.

Заготавливать смолу вызвалась жена императора.

— Милый. — Ласково проворковала она. — Испокон веков этим занимались женщины. Доверь мне, мои девочки не подведут.

Император сухо кивнул. Ей в помощь я отдала пять своих учеников. Вот этому приказанию они оказались весьма рады, с глупыми улыбками они позволили придворным красавицам увести себя в хитросплетения коридоров.

— Быть им новыми придворными евнухами. — Мрачно проговорил император, проводив их тяжелым взглядом.

Остальные ученики молча порадовались что остались со мной.

Через несколько часов вернулась довольная Цинь и доложила, что все хорошо, и они подготовили сюрпризы на стенах Запретного города. Император к моему удивлению сам принимал активное участие во всем этом процессе, сам поднялся на стену, пересчитал мешки и чему-то улыбнулся. Цинь увела куда-то своих подчиненных, и они тренировались отдельно от нас. Мне тоже поручили организовать своих людей. Я удивленно оглянулась на Императора.

— Это твои люди. — Кивнул он мне на учеников. — Тебе ими и командовать. Займите позицию на восточных воротах и вашей задачей будет удержать их. Думаю, вы должны справиться.

Так что мне тоже пришлось принять на себя командование и занять позицию на воротах. Цинь распределила своих людей по всему периметру города. Нам же достались всего одни ворота. Я подумала и расставила лучников повыше, но так, чтобы их было плохо видно снизу, а им, напротив, было легко и удобно стрелять. На всех позициях я устроила схроны с оружием. Тех, кому не хватило луков организовала вначале сбрасывать кипяток на нападающих, и кипящую смолу. А других подогреть эту воду и смолу.

Придворные красавицы оказались очень сильными. Они легко таскали чаны со смолой, и подкатывали бочки к кострам, на которых мы собирались эту смолу греть.

Когда я убедилась, что все понимают стоящую перед ними задачу, я распорядилась насчет обеда для всех. Время летело незаметно, и хочу сказать, что командовать оказалось гораздо труднее, чем подчиняться самой. И это несмотря на то, что все ученики смотрели мне в рот и стремились исполнить мое указание наилучшим образом. Они были старательные и исполнительные.

Неожиданно со стены, где стоял ученик раздался крик.

Я стремглав кинулась туда, и рядом тут же оказалась Цинь. Мы добежали практически одновременно.

— Лекаря! — Крикнула я. И кто-то из учеников сломя голову поскакал вниз.

Непутевый ученик, которого старушка приставила к мешку «золы» решил самостоятельно передвинуть этот мешок. Он треснул по шву, и тот не придумал ничего лучше, кроме как начать зажимать его голыми руками.

— Ох, дурак! — Причитала Цинь, промывая ему сожженные руки. Руки были ужасны кожа висела клочьями, а парень кричал так страшно. После оказалось, что помимо сожженных рук, он умудрился еще и вдохнуть этот порошок, и

сейчас его легкие горели огнем, так что он уже не мог и сипеть, не то, что кричать. Прибежавший императорский лекарь, обкладывая дурака злыми ругательствами велел поить его теплым молоком ослицы.

А Цинь, пользуясь случаем, собрала остальных учеников и рассказывала им как надо правильно обращаться с «золой». Почему ее нельзя брать голыми руками, да и рукавицы из грубой кожи не больно то спасали. Что, когда они будут бросать ее со стены, необходимо стоять с подветренной стороны, чтобы ни в коем случае самим не глотнуть ядовитой пыли.

Ученики с ужасом внимали ее речи. Они смотрели на своего товарища, что был еще жив, но вряд ли рад этому обстоятельству. И в их глазах плескался ужас.

— Госпожа! — Воскликнул один из них. — А можно я на смолу встану. Я не могу запомнить все эти мудреные правила.

— Конечно, можно. Мой милый. — Добро улыбнулась старушка. Тот воспрял духом, но она продолжила:— Сейчас я тебя быстренько казнию, по законам военного времени, и становись куда хочешь. С каких это пор мы в армии обсуждаем приказы? Быстро повторил все что я сказала:

— Брать в перчатках, лопатками. Кидать вниз. Не дышать, стоять с обратной стороны ветра. — Еле выдохнул он.

— Вот видишь, милый, ты все легко запомнил. А говоришь не можешь.

Тот и без того был бледным. Но после похвалы стал кланяться не переставая.

Цинь не успокоилась, пока каждый из ответственных за «золу» не произнес поэтапно как именно он будет ее кидать.

— Если вам понадобится передвинуть мешок? — Спросила она. — Как Вы поступите?

— Не буду его двигать! — Воскликнул один.

— Конечно-конечно! — Ласково произнесла Цинь. — Враг там, а мешок тут. Что ты будешь делать?

— Надеру рукой в рукавицах это адское зелье в лопатку и побегу. — Сказал он.

— О да! — Усмехнулась старушка. — Ты побежишь вперед, волосы твои такие назад. Пыль тебе такая в лицо. И ты вот как он лежишь. Красиво лежишь, не кричишь, только тихо умираешь. Вот как он. — Она ткнула пальцем в пострадавшего.

В этот момент лекарь оторвался от своих манипуляций.

— Мертв. — Произнес он. — Надо унести, чтоб тут не вонял.

На лице не правильно ответившего ученика был ужас.

— Может, смолу? — Произнес он.

— Смолу, после смерти. — Ответила Цинь. — Мальчики мои. У вас есть выбор: умереть сейчас, или сделать все, как я сказала и жить долго и счастливо.

Дальше они слушали молча и очень внимательно. Все собрались и на лицах читалась отвага и обреченность.

Помня о провале в Академии и том, что мы недооценили противника, мы организовали

дежурство возле всех ворот. Ворота ни на самую малость времени не оставались без присмотра. И это себя оправдало.

— Я купец Мао, а это мои домочадцы. — Раздался крик как раз с моих восточных ворот, и я опять побежала туда. Удивительно, но вскоре рядом со мной на воротах появился сам Император.

— Мы живем за городом. — Продолжил кричать человек внизу в богатом костюме, окруженный людьми. — И я видел армию, что движется на город. Движимый чувством патриотизма я желаю защищать своего императора. Я удивленно уставилась на Чжу Юньчжана, но тот кивнул, велел отворить ворота и пустить купца.

Это оказались не последние защитники. К нам еще присоединилось немало семей: из бывших военных, чиновников и просто сочувствующих.

— А если это хитрый ход, чтобы попасть сюда? — Шепотом спросила я императора. — Ведь это отличный план, выведать сейчас наши слабые места и устроить тут панику и переполох.

— Поэтому я лично смотрю на них. — Ответил мне император.

— Тайные знания? — Удивилась я.

— И они тоже. — Кивнул он. — Тебе не стоит опасаться этого, все эти люди на самом деле те, за кого себя выдают.

— Но даже будучи теми самими они ведь могут предать!

— Любой из здесь присутствующих может предать. — Горько усмехнулся император. — Тут я могу быть уверенным только в себе.

Я промолчала, потому что в чем-то он был прав. Порой я спрашивала саму себя, почему я просто не осталась в Академии, или не сбежала по дороге?! Уверена, учитель Цинь не стала бы меня искать и ловить. Но у нее остался мой диплом, и, хотя совсем не диплом был причиной, я до сих пор не могла объяснить самой себе, что же я здесь делаю.

— Они надеются укрыть здесь своих жен и детей. — Пояснил мне Император. — Видишь, они приходят с домочадцами.

— Но если мы проиграем, — медленно начала я, — у горожан будет шанс спастись, не будет Ма Лунь вырезать целый город. Но всех в запретном городе наверняка убьет с особым цинизмом.

— Они не думают об этом. — Произнес Император. — Мне хотелось бы верить, что они верят в меня. Но скорее всего, они просто не задумывались о таком варианте.

Он горько усмехнулся, а я промолчала.

— Идут! Идут! — Услышали мы на утро второго дня. Мы выбежали на свои позиции.

Они шли по городу. Бедняцкие кварталы они миновали практически не отвлекаясь. Вот какой-то ребенок не успел спрятаться в хижине и солдат походя разрубил его на две половины. Смеясь, поднял меньшую половину за волосы на голове и бросил в колодец.

Кто-то просто пнул женщину, отшвыривая ее со своей дороги. Но большая часть шла не отвлекаясь.

Но дальше потянулись более богатые дома.

— Засада! — Закричал один солдат, вламываясь в ближайший дом. Там и впрямь сидел молодой парень с мечом. Но я бы не назвала это полноценной засадой. Оппозиционер легко зарубил его, но богатство дома заставило его забыть зачем они сюда пришли, и он кинулся набивать себе карманы мелкими красивыми безделушками, что во множестве стояли в доме.

Я, конечно, не могла всего этого видеть, стоя на стене, но то, что не видела, я легко

додумывала.

Дисциплина солдат стала падать. Они кинулись грабить дома на своем пути, громить их, и вытаскивать все самое ценное.

— Ваза эпохи Троецарствия. — заскрипел зубами, стоявший рядом со мной купец. — Бабуля ее очень любила.

— Вы видите что-то отсюда?! — Удивленно обернулась я к мужчине.

— Сердцем чую! — Он бухнул себя кулаком в районе желудка. — Завсегда, как кто-то тронет эту демонскую вазу, так у меня то жопа горит, то пятки чешутся. Помню по малолетству уронил ее. Откололся кусок. Так бабка меня так налупила, что я неделями сидеть не мог. Иероглифы учил лежа на животе. А она все причитала: «Древность-древность! Память предков!» Чувствую, таки разбили, гады! Вот вам проклятие от моей бабки! Та еще демоница была. Щас наверняка все еще у князя Янь Ло мучается. Она столько в этой жизни нагрешила, что не скоро отмучается и на новое перерождение сможет отправиться. Да и там, быть ей крысой не иначе.

Купец задумчиво потер задницу.

Меж тем, в городе появились первые пострадавшие, и мирные горожане тоже стали хвататься за оружие.

— Бейте гадов! — Раздались выкрики со всех сторон.

— Награда от воровского притона! — Раздался громкий крик. — За голову самого главного ублюдка тыщу монет.

— Разбойники объединяйтесь! — Раздалось с другой стороны. — За Императора. Он нормальный!

— Ветераны, подсобим Императору! Слева заходи! — Раздался еще один крик.

— Даже не знал, что меня так любят?! — Удивился Император.

— Не уверена, что любовь от воров или разбойников это сильно хорошо. — Задумчиво протянула я, но император сделал вид, что не услышал меня.

— Нам конкуренты не нужны! — Снова кто-то закричал. — У нас своих душегубов хватает! Не дадим город в обиду!

— Баб не трогать! — Закричал Ма Лунь. — Убивайте мужчин. Не оставляем врага за спиной.

Мысль была здравая, но несколько запоздалая. Противники существующего правящего режима уже ворвались в город, и горожане были везде. Мы же- самая их главная цель, — стояли на воротах Запретного города, и были и близки, и далеки одновременно.

Меж тем горожане развили бурную деятельность. Кто-то наваливал баррикады ближе к Запретному городу, чтобы войску было тяжелее пробираться, кто-то отстреливал их из луков и даже редкого огнестрельного оружия. Среди горожан оказалось много криминальных личностей, у них оказались люди, умеющие убивать.

Продвижение солдат по городу сильно замедлилось.

— Не мародерствовать! — Опять прокричал Ма Лунь. — На баб не отвлекаться. Не грабить, не жечь. Потом все сделаем. Вначале надо убить императора.

— Сам убейся об стену! — Крикнул какой-то молодой голос. — Сдохните! Сдохните все!

Крик оборвался, но этот лозунг вскоре был подхвачен со всех сторон.

— Не отвлекайтесь! — Опять крикнул Ма Лунь. — Идем вперед! На Императора.

Они все же дошли до Запретного Города и встали под стенами.

Народное ополчение тоже немного притихло, но расходиться не спешило.

Ма Лунь затрубил в рожок, и закричал:

— Меня зовут «Ма Лунь- Непобедимый Дракон»! Я пришел чтобы принести избавление от гнета неугодного Небу Императора. Хуан Хэ разлилось, и это тот знак, что мы не можем и не должны игнорировать.

На сей раз Ма Лунь был уже умнее и кричал издалека. Поэтому то ведро нечистот, что мы по традиции приготовили до него не долетело, осев на тех солдатах, что не успели увернуться.

В целом получилось не так пафосно, как мы все планировали. На Ма Луня сзади напирала особенно злобно настроенные горожане, а мы расстраивались, что отходы не долетели. А мы меж тем очень старались. Все по очереди в ведро ходили. Можно сказать, это был наш общий вклад в будущую победу.

— На все воля Неба! — Прокричал повстанец и скомандовал штурм.

Мы пока прекрасно справлялись. Они лезли, старушка Цинь и ее помощники кидали на них эту золу. Наученные горьким опытом ученики были очень осторожны, но сыпали старательно, так что на врагов попадало как следует, а из наших пока никто не пострадал.

Повстанцы страшно кричали, терли глаза, но этого становилось только хуже. Они падали и в лучшем случае отползали обратно. Но на их место приходили новые и новые. Сам Ма Лунь предусмотрительно держался позади своего все еще немаленького воинства. Впрочем, еще до полудня, когда мешки с золой опустели мы здорово проредили их ряды.

Ко всему прочему им приходилось отвлекаться на криминальные банды горожан. Горожане в открытый бой не лезли, но с помощью оружия дальнего боя нет-нет, да и уменьшали войско.

Ма Лунь оказался в непростой ситуации, ему толком было некуда отступать.

Несколько раз они пытались отступить, но им приходилось вновь пойти в атаку. Позади войска сидели недружелюбные горожане, которые при отступлении тоже отступали, но при этом отстреливались. А поскольку

они как раз привыкли вести подлую войну, и выполнять заказы на убийства, то прятались в городе и его развалинах они гораздо лучше солдат, которые метались, не зная, куда же им отступать.

Командиры Ма Луня умудрились в таких не простых условиях создать своим бойцам маски. Маски из плотной пропитанной чем-то ткани. Он они им не помогли. Новая атака вновь захлебнулась. А Цинь, чьи глаза горели злым огнем, командовала все новые и новые броски.

Когда содержимое мешков закончилось, мы взялись за оружие и кипящую смолу. Не знаю, что было хуже: вид заживо сгорающих людей, или же то, как они сами вырывали себе глаза в надежде таким образом избавиться от боли.

— У них закончилось это адское зелье! — Крикнул Ма Лунь. — В атаку!

Новые крики, мы тоже послали в сторону врагов целые тучи стрел, прореживая их ряды. Мои ученики не часто попадали, но зато хорошо грели кипятком и подносили его. Так что вскоре я велела им не тратить зря стрелы и сосредоточить силы на кипятке.

Императорские девочки отлично грели смолу и очень метко лили ее вниз. Я немного переживала за них, ведь они подходили к краю очень близко, и их вполне могла настичь шальная стрела, но они были какими-то заговоренными, бесстрашными и очень веселыми.

Смеясь, они переворачивали котлы и бежали за новыми.

Мне же было совсем не смешно. Я посылая стрелы одну за другой, и почти все они находили свою цель. Но врагов как будто не становилось меньше.

Тут Цинь сыпанула еще один мешок, припасенный специально для этого случая. И случилось неожиданное. Армия побежала. Вначале один солдат бросил оружие и побежал, потом следом за ним второй, и вот уже наступление обратилось в повальное бегство.

— Пожалуй, это была самая быстрая и победоносная война в моей жизни! — Радостно закричала Цинь.

— В атаку! — Крикнул император. — Убить всех! Пленных не брать! За голову Ма Луня награда!

Горожане только и рады были стараться. Оказалось у них было припасено немало сюрпризов, и пока армия сражалась возле Запретного города, они успели возвести баррикады позади войска. И теперь радостно встречали их на выезде из города.

Сам Ма Лунь легко перемахнул на своем коне ограждения, но простым солдатам это оказалось сделать не так-то просто. Кто-то пытался укрыться в самом городе, и наверняка, кому-то это даже удалось. Но в целом солдат просто забивали насмерть, и не всегда эта смерть была гуманной.

Мы отворили ворота и тоже присоединились к народной потехе.

Они пытались бежать быстрее, и тем, кто был на лошадях даже удалось от нас оторваться. Например, сам Ма Лунь, гордо восседающий на знакомом мне коне, он давно выехал из города, и теперь его фигурка была видна далеко вдаль.

Но большая часть была простыми солдатами, и многие даже не успели обернуться, когда наши мечи воткнулись в их тела. Они были настолько испуганы, что битва превратилась в простую резню.

Мимо меня промчался всадник. Я присмотрелась и с удивлением узнала в нем старушку Цинь. Она в одиночку преследовала остатки конной армии, а те были так напуганы, что даже не помыслили о какой-то слаженной обороне.

Я буквально с открытым ртом смотрела, как она, стреляя с коня, сняла всадников, и поравнявшись с их предводителем, отрубила ему голову на полном скаку.

Старушка ловко свесилась в коня и подхватив голову повстанца, развернулась и поскакала обратно.

— Это было впечатляюще! — Заметил император, принимая скромный подарок, что Цинь преподнесла по всем правилам: протянула двумя руками, встав на колени.

Ради такого дела, Император наклонился и принял голову.

— Так вот ты какой. — Он взглянул в мертвые глаза претендента свое место. — Из-за тебя столько народу умерло.

— Победа! — Первым закричал какой-то горожанин, а следом за ним этот крик подхватили и остальные.

Да, это была победа.

Голову Ма Луня облили смолой и выставили на воротах Запретного города. Из добрых, но судя по их лицам, не слишком добропорядочных горожан организовали народные дружины, что отправились патрулировать улицы города. Мы с учениками присоединились к наведению порядка. А Цинь заметила, что ужасно устала и увалилась спать в доме уважаемого господина Чжао, который был официально назначим главным дворцовым распорядителем, и теперь был ужасно занят. Он нанимал новых слуг, отдавал приказы, командовал по поводу того, как именно надо восстанавливать те части дворца, что так или

иначе пострадали.

Император приказал вынести на площадь бутылки сливового вина. И, хотя, такой напиток считался женским, мужчины радостно выпили за победу.

Мне с учениками не удалось поучаствовать в общем веселье. Мы патрулировали улицы и старались предотвратить драки, побоища и грабежи. Не сказать, чтоб все горожане сразу кинулись гадить своим соседям или буянить, выпив слабого вина, но тем не менее работы нам хватало. Я разбила учеников на отряды по пять человек и отправила от центра города, где располагался Запретный город к окраинам. Как ни странно, работы было больше в центре. Бедняцкие кварталы навели у себя порядок сами, причем очень быстро и жестоко.

Главы криминальных элементов быстренько вывесили головы и изуродованные тела самых главных зачинщиков и объявили, что мест для тел достаточно, а они всегда готовы поработать на благо любимого города. Даже бесплатно. Город притих. Недобитых солдат, если они вели себя хорошо никто не обижал. Слепшим и выжившим несколько сердобольных монахов даже начали оказывать помощь.

Кстати, впоследствии при монастырях появилось очень много слепых монахов массажистов. И некоторые из них даже умудрились прославиться как некие искусники, творящие массажем и молитвами чудеса.

Помощь явилась откуда мы не ждали. Воровская гильдия (а, оказывается, у криминальных элементов была своя структура и немаленькая) отрядила нам в помощь группу мальчишек. Они помогали растаскивать баррикады. И делали это так ловко, что я похвалила их, не задумываясь:

— Из вас бы вышли отличные грузчики. Или даже воины.

Они весело, рассмеялись, не прерывая своего занятия.

— Нет, парни, я серьезно. — Видя, что они лишь посмеиваются на мои попытки вернуть их на путь истинный. — Вам же здесь не всегда будет вести. Рано или поздно настанет час расплаты за несправедный образ жизни.

Мальчишки опять весело рассмеялись. А один из них серьезно посмотрел на меня и ответил:

— Вот ты воин. На твоём лице и теле множество шрамов. А когда-нибудь ты проиграешь свою битву и умрешь. Если повезет, то быстро, а если нет, то в страшных мучениях или останешься инвалидом, как те несчастные, которым сейчас помогают монахи. Нам тоже может повезти, и мы разбогатеём и станем уважаемыми людьми. А может не повезти и нам в лучшем случае отрубят руку. Мы в равных условиях.

Я впервые задумалась и подумала, что в их словах и поступках есть резон.

Дальше мы какое-то время работали молча. Мои ученики тоже притихли, и, хотя мальчишки- воры все время шутили, общее напряжение явно чувствовалось.

— А как тебя зовут? — Спросил тот самый смелый мальчишка.

— Ша. — Ответила я.

— А правда, что у тебя есть самый настоящий Диплом Академии?

— Правда. — Коротко ответила я, не уточняя, что вредная старая перочница Цинь так и не вернула мне его. Впрочем, как и лопатку.

— И татуировка? — Не унимался мальчишка.

На это я вздохнула.

— Показывать не буду.

Теперь вздохнул он.

— Ну и ладно. А та старушка и правда Великий Воин-Учитель? Герой древности?

— О да. — Я ехидно продолжила. — Она одна из лучших в Академии. Тысячи учеников мечтают попасть к ней в обучение. И хотя, учиться у нее нелегко, оно того стоит. Обучаясь у нее я узнала очень много важного и полезного. — Я не стала уточнять, что самое важное, чему я научилась- это не брать еду у незнакомцев, а пищевое отравление- это ужасно и приводит к галлюцинациям и другим малоприятным последствиям. А еще, обучаясь у нее, я научилась чинить туалеты и чистить курятники. В общем крайне полезные знания. Не понятно только как именно применимые в жизни.

— И к тебе можно будет попроситься в ученики? — Опять спросил разговорчивый мальчишка.

— Лучше к учителю Цинь. — Ответила я. — Она вскоре вернется в Академию, и у вас будет возможность тоже получить диплом. Ну у тех, кто захочет.

— А у Вас, можно остаться? — Спросил меня Динь.

Я тяжело вздохнула.

— Я пока еще не знаю, куда хочу двинуться дальше. — Призналась я. — Вряд ли учение у меня будет наполнено большим смыслом.

Остальные ученики столпились рядом со мной и заглянули в глаза:

— Я позабочусь о вас. — Произнесла я. — В любом случае вам будет лучше, чем было у жирного Маня.

Мы разбирали баррикады, чистили улицы и помогали горожанам. Вскоре к нам стали присоединяться и простые горожане. Мы делали перерывы на обед и ужин. Но практически в любом доме, где мы помогали что-то починить, нас хотели накормить. Если бы везде соглашались, то уже к вечеру не смогли бы двигаться. Впрочем, мы и так здорово устали.

Вечером я и ученики пришли в дом господина Чжао.

— Завтра Император ждет тебя к себе. — Поприветствовала меня Цинь. — Мальчишки справятся с патрулированием и без тебя. Он был очень добр и принял личное участие в твоей судьбе.

Почему-то мне не слишком радостно стало от этих слов, но я все же почтительно поклонилась и поблагодарила.

Утром ко мне в комнату пришли служанки. Вначале они заставили меня вымыться. Как будто я вчера не мылась. С особым вниманием они мыли и разглаживали мои короткие волосы. При этом они неодобрительно качали головами, но делали все молча. После начался процесс облачения меня в женские одежды. Нижняя рубаха была

расшита накладками с изображениями мифических существ и сама по себе была просто произведением искусства, несколько юбок, сделали мою походку медленной, как и положено богатой знатной жене. Особенно этому поспособствовала юбка, расшитая золотой нитью. Подозреваю, что сложнее всего было найти женские туфельки на мои порядком огрубевшие ноги огромного размера. Но мне принесли шелковые туфельки, расшитые цветами и звенящими монетами. Голову мне покрыли шелковыми платками, которые подкололи золотыми шпильками, чтобы было не видно моих отсутствующих волос.

Завтрак для меня превратился в сущие мучения. Я уже давно не носила всех этих стесняющих движений юбок и длинных многосборных рукавов. Поэтому два раза зацепила рукавом мисочки с соусом, а жиром с мяса накапала себе на юбку. Самое ужасное, что сразу

после завтрака за мной подали паланкин и я не успела переодеться. Кто вообще придумал вначале заставить меня одеть на себя все эти тряпки, а потом уже устроить мне завтрак.

Ко входу в запретный город меня пронесли через весь город, словно какую-то богатую горожанку.

Прием у Императора был пафосным. Меня с поклонами провели до зала Церемоний и пропустили вперед.

— Проходи, смелая дочь своего отца. — Пафосно произнес Император, гордо восседая на резном кресле.

Я послушно просеменила вперед и совершила череду поклонов. Мне это было, конечно, не так-то просто, эти дурацкие поклоны я учила, когда еще была совсем маленькой, и даже тогда я была не слишком усердна. Зато Императору было приятно. Я видела краем глаза, как просветлело его лицо.

— Мы благодарны вам, смелая девушка, за все, что вы сделали для сохранения мира в нашем государстве в столь не простое для нас время. И хотели бы наградить вас. — Император сделал длинную паузу.

Мне пришлось еще раз изобразить эти дурацкие поклоны, всем своим видом выражая счастье и покорность.

— Я возвращаю вашему дедушке все привилегии. — Продолжил Император. И от этой новости у меня в самом деле потеплело на сердце. — А также я дарю вашему мужу должность помощника хранителя судейской печати второго ранга. И городской судья ожидает его, чтобы он смог приступить к своим обязанностям уже в эти семь дней.

Я опять поклонилась. Что ж, пускай мой муж тоже будет счастлив. Не имею ничего против.

— Поэтому, — продолжил Император, — я пригласил его, чтобы лично помочь вашей семье воссоединиться.

Вот тут у меня перед глазами все потемнело. Я даже собралась позорно упасть в обморок, но после несколько раз открыла и закрыла рот. Промолчала и вновь поклонилась.

А в парадные двери вошла моя так сказать семья. Мой так сказать муж и три его жены. Эти курицы были одеты очень небедно, и я мигом застеснялась каплей жира на своем платье. Хотя, пока я стояла в заляпанном платье перед императором мне было все равно. Но стоило этим противным дамочкам окатить меня презрительными взглядами, и я как будто вновь вернулась в то время.

Вместо этого вслух я поблагодарила Императора и поклонилась мужу, как положено кланяться послушной жене.

Тот тоже изобразил радость от встречи, хотя подозреваю, нисколько не горевал обо мне.

— А еще, я дарю вашей семье десять му плодородных земель и двух коней. А лично вам, смелая внучка Шэньлуна, я позволяю открыть собственную школу боевых искусств, назвать ее «Темный Дракон. Секреты мастерства Хоу» и продолжить служить на благо Родины.

Я так удивилась, что не сразу сообразила, что нужно поклониться.

Лишь когда первая жена дернула меня за юбку и что-то злобно прошипела, я нашла в себе слова благодарности.

После нас с женами попросили удалиться, а наш муж удостоился личной беседы с Императором. Вышел он радостно-задумчивым и велел следовать за ним. Так мне пришлось вернуться в дом моего мужа.

Впрочем, в этом городе у моего мужа не было дома. Так что в тот вечер, мы поселились в роскошной гостинице, где каждой из нас была предназначена собственная комната. Мне досталась, конечно, не такая роскошная как первой жене, но тоже весьма неплохая. А вечером, когда я уже избавилась от этих надоедливых тряпок, меня почтил своим визитом мой муж.

— Лия. — Проникновенно начал мой дорогой супруг. — Признаюсь, у нас с тобой был ряд недопониманий, признаюсь, я был не слишком рад жениться на тебе. Но это уже свершилось, и мы оба теперь другие люди.

«Раньше ты была внучкой казненного человека, а теперь с тебя можно поиметь благ». — Перевела я для себя.

— Давай начнем все с начала? — Продолжил мой муж. — Так как положено добродетельным супругам.

— Это как? — Вытаращилась я на него.

— Ну, — муж задумался. — Вина выпьем, потом сплетемся как уточки-мандаринки.

— Ага. Спешу и падаю. — Ответила я ему. — У тебя есть еще три жены, найдешь с кем сплестись.

— Ну, нет, так нет. — Почти с облегчением выдохнул супруг. — Это совсем не обязательно.

Я тоже выдохнула с облегчением. Хотелось бы договориться миром. Поэтому я подошла к столику и все же разлила вино по кружкам. И махом осушила свою.

— Из уст в уста тоже пить не будем? — Улыбнулся муж, принимая свою кружку. Я даже подала ее по всем правилам, держа двумя руками и с поклоном.

— Обойдемся без этих традиций. — Подтвердила я.

— Ну что ж. — Мой супруг присел. — Признаюсь, у меня от встречи с Императором двойственные чувства. С одной стороны, он очень к тебе расположен. И поставил мне условие, что я и моя семья будем относиться к тебе с положенным почтением. С другой он сказал, что я буду занимать этот пост только пока ты счастлива. Как мне выполнить эти требования?

— Не вижу проблемы? — Я приподняла одну бровь. Признаюсь честно, этому фокусу я училась довольно долго, подсмотрев у своего первого учителя, и впечатлившись гримасой в которую превращается лицо.

Муж тоже впечатлился.

— Разве ты сможешь быть счастливой ведя жизнь добродетельной жены? — Патетично спросил он.

— В чем проблема? — Опять удивилась я. — У меня будет своя школа. Могу вообще жить там и не слишком обременять своим обществом тебя и твоих жен.

— Вот именно! — Воскликнул мой муж. — Я не могу допустить, чтобы про мою семью говорили, что младшая жена держит свою школу боевых искусств и скачет там перед учениками в штанах и одной нижней рубашке. Меня засмеют друзья и это просто недопустимо!

— И что ты предлагаешь? — Я плеснула себе еще, на сей раз даже не подумав предложить мужу.

— Передай учеников кому-нибудь другому, вернись в семью, отрасти косы и веди себя, как положено хорошей жене. Роди себе ребенка, или даже двух. Или воспитывай детей от других жен. Ли, кстати, недавно родила мне сына.

— И все? — Обманчиво спокойно спросила я. — Кстати, поздравляю.

— Да. — Ответил муж. — Я не буду терпеть твои закидоны. Но император ясно дал понять, что моя должность зависит только от тебя.

Я пожала плечами.

— Так ли уж тебе нужна эта должность? По-моему, ты был вполне счастлив и не в столице.

— Но в столице я был бы более счастлив. — Заметил муж. — И твоя задача, как жены предоставить мне все это.

— Я никогда не хотела быть хорошей женой. — Ответила я.

— Тебе придется. — Взгляд мужа стал тяжелым. — Иначе я начну тебя наказывать.

— Например? — Я наклонила голову к правому плечу, по новому присматриваясь к супруг. Он был довольно высок и широкоплеч, под нижней рубашкой пряталась весьма неплохая мускулатура.

— Изобью тебя для начала. — Отметил муж.

Я удивленно вытаращилась на него. Раньше он частенько так поступал, но мне казалось, что я уже стала другим человеком, но для мужа я так и осталась той бедной девочкой, что не могла ему и слова поперек сказать.

— А ты не знаешь, за что меня наградил Император? — Удивилась я.

— За помощь в обороне города. — Ответил муж. — Наверняка перед кем-то ноги раздвигала. Чем еще ты могла помочь городу? Это со мной не хочешь. Жен моих обижаешь. Давай, раздевайся и ложись. Пока предлагаю по-хорошему.

— Давай сразу по плохому. — Вздохнула я.

И тут он меня ударил.

Вернее, попытался. Я легко уклонилась от его кулака, и сместилась немного вбок. Но мой муж не остановился на достигнутом и попытался еще и еще. Я пока не отвечала, просто уходила с линии атаки, что его здорово злило.

— Не смей убежать! — Крикнул он. — Принимай мое внимание как положено хорошей жене.

— Мы же вроде выяснили, что я не она?! — Я в очередной раз уклонилась и легко толкнула его. Он упал на спину и ударился головой о ножку кровати.

Испугавшись, я кинулась проверять, не убится ли он. Он коварно схватил меня за рубаху и повалил на пол, беспорядочно нанося удары. Пришлось сгруппироваться и перекатиться. Я с трудом поднялась, он тоже. Мы зло сверлили друг друга глазами.

— Ну, все! — Выдохнул он. — Шутки кончились! Сейчас ты получишь за все.

Я молча отступила. Он схватил низкий стул и бросился на меня с ним. Пришлось поднырнуть под удар, и ударить его в подмышку и по колену. Со стоном он уронил стул, попав себе же по ноге.

— Как ты неаккуратно, любезный муж мой. — Попеняла я ему, подхватывая стул и ударяя им по его ноге. Когда он согнулся я помогла ему распрямиться, ударив его в лицо. Своими ударами я вымещала все, что у меня накопилось внутри. Я весь и впрямь долго время пыталась стать хорошей женой. Даже родила ребенка. И не просто так моя Мэйлинь родилась мертвой. И когда мой муж упал, заливая ковер кровью из сломанного носа мне наконец-то стало легче.

— Было бы неплохо стать вдовой. — Заметила я, ломая ему пальцы на правой руке. — Но, пожалуй, мне и так хорошо. Прощай, мой дорогой, передавай своим женам привет от

меня. Знаешь, я не буду по вам скучать. Последний раз я ударила его еще раз по лицу, и ему пришлось сплюнуть пару зубов.

После я спокойно оделась в штаны и рубашу, забрала в его комнате его теплый халат и сменную одежду. А также прихватила все деньги, что были. И покинула гостиницу.

В императорскую канцелярию я отправила длинное письмо, полное слов благодарности, а также просьбу оставить за моим дорогим мужем должность. Также я написала, что пока не имею возможности продолжить дело дедушки, написав, что уезжаю ухаживать за своей пожилой бабулей и, к сожалению, не смогу пока уделять достаточной внимания своей семье и полученной школе. Но обязательно вернусь туда, где была у дедушки школа и наведу там порядок. Закончила я письмо еще раз изъявлениями своего почтения и словами благодарности.

Я покинула гостиницу и побрела куда глаза глядят.

— Эй, госпожа. — Окликнул меня знакомый голос. — А вы еще берете учеников?

Я оглянулась, и в темной подворотне увидела вора, что пару дней назад помогал нам патрулировать улицы.

— Я, госпожа, вас не сразу узнал. — Признался он. — Кто вас таким фингалом наградил?

Я потрогала лицо. Скорее всего там и в самом деле огромный синяк. Когда я падала, я немного не удачно приложилась лицом о бортик кровати. С другой стороны, моему мужу все равно больше досталось.

— Ерунда. — Улыбнулась я уголком рта, вторая часть лица плохо двигалась. — Не удачно упала. А ты хочешь пойти ко мне учеником?

— Да. — Пацан вышел из подворотни на свет. Я обратила внимание, что его глаз украшал такой же фингал как у меня, только с другой стороны. — Но только к вам.

— А тебя кто так украсил? — Спросила я.

— Ерунда. — Шмыгнул он носом. — Не удачно упал.

Я усмехнулась.

— Ты знаешь. — Призналась я ему. — Я ведь отказалась от школы, что пожертвовал мне Император. — Так что мне просто некуда тебя забрать.

— Но учеников-то вы же можете брать? — Звонко спросил он. — Вы не переживайте, госпожа, вам не придется меня кормить. Я могу и для вас украсть еду.

— Заманчивое предложение. — Пробормотала я.

— А вы мне покажете свой диплом? — Вновь пристал мальчишка.

— Как тебя зовут, скоростной? — Спросила я.

— Ли. — Произнес он. — Ну, как груша. Так что там с дипломом.

— Ну, он остался у старой Цинь. — Призналась я. — Если она, конечно, не выкинула его.

— О! — Просиял мальчишка. — Хотите, я сбегая попрошу ее отдать его?! А вы пока меня подождете. Да, хоть бы и здесь? — Он кивнул мне на таверну, что не смотря на столь поздний час все еще была открыта.

Я пожала плечами.

— Ну, сбегай.

Он убежал, сверкая грязными пятками. Интересно, кто бы его такого оборванца пустил в богатый дом господина Чжао.

Я в самом деле вошла в таверну и заказала себе острые куриные крылья и кружку

сливового вина. Гадость, конечно, к тому же здесь оно было здорово разбавлено водой.

Но не успела я одолеть и половину крыльев, как ко мне подсел неприметный господин.

— Ли уже нашел вас. — Утвердительно заметил он.

— А вы я так понимаю, его духовный наставник. — Улыбнулась я, пододвигая ему миску крыльев, показывая, что хочу решить это дело миром.

— Он очарован вами. — Признался господин, в самом деле беря одно крылышко. — И, хотя, он показывал весьма не плохие результаты, я решил все же дать ему шанс.

— Весьма благородно. — Заметила я, некрасиво вгрызаясь в очередное крыло. Мужчина как раз ел очень тихо, в то время как у меня жир летел во все стороны, и я порядочно чавкала.

— Но я был бы весьма благодарен, если бы вы вдруг сделали посильное пожертвование в адрес нашей общины. — Признался господин.

Я сунула руку за пазуху и пошарила там.

— Вот. — Высыпала я деньги. — Все что отобрала у мужа. Больше нет.

— Негусто. — Признался господин. — Я так понимаю, вы теперь вдова?

Он внимательно взгляделся в мое лицо.

— Думаю, нет. — Призналась я. — От сломанных пальцев не умирают. Просто ими больно собирать свои выбитые зубы.

— Теперь я понимаю, что в тебе нашел мой непутевый ученик. — Хмыкнул господин. — Что ж. — Он разделил деньги на две неровные кучки. Ту, что побольше пододвинул себе, а ту, где было больше меди, и пара серебряных монеток ко мне. — Желаю вам обоим удачи и легкого пути.

— И вам, почтенный господин. — Закивала я, разбрызгивая жир по сторонам. — И вам!

Не успела я справиться с крыльями, как рядом плюхнулся Ли.

— Вот! — Он гордо плюхнул мне на стол свиток.

Я развернула его, проверяя. И впрямь, подлинный диплом Академии. Одновременно я пододвинула мальчишке миску еды. Тот не стал отказываться, вгрызаясь в угощение.

Я сунула свиток за пазуху.

— Доедай и пойдем. — Кивнула я. — Надо тебе тапки какие купить. И рубаху. А то позоришь меня.

— Зачем купить? — Он поднял глаза. — Я щас сбегая, украду.

— Нет уж. — Я тяжело вздохнула. — Мы с тобой начали новую жизнь. Никакого воровства.

Моя внутренняя лисица ехидно рассмеялась.

К городским воротам мы подъехали на рассвете. Оставленных мне денег хватило на то, чтобы купить пресных лепешек в дорогу, да мягкие тапки для Ли.

— Надеялись бросить нас? — Ехидно спросила Цинь, отлепляясь от городской стены. — И почему ты сама не попросила свой диплом? Зачем надо было подло обворовывать старушку?

Я с укором посмотрела на Ли.

— А вы, что, отдали бы? — Вместо нотаций спросила я учителя.

— Конечно. — Так лживо ответила она, что я не стала ругать своего ученика. — Заодно тогда заberi и другие свои вещи.

Старушка гневно впихнула мне сверток, где я точно знала лежала моя лопатка. Что ж, все самое ценное вновь было со мной.

— Куда путь держите? — Вежливо спросила я, с тем, чтобы ответить, что нам в другую сторону.

— Так в твою. — Ответила Цинь. — Куда ты денешь своих учеников, туда и я поеду.

И тут из подворотен появились остальные ученики. Большая их часть пережила осаду города, и нынче их осталось двадцать восемь человек.

— А вы разве не хотите в Академию? — Уныло спросила я. — Я бы вам даже еще одного подкинула.

Тот подпрыгнул и с укором уставился на меня. Остальные тоже принялись бухаться на колени.

— Не гоните, госпожа! — Воскликнул Дин. — Куда мы пойдём.

— С ней! — Я ткнула пальцем в Цинь. — У нее есть Академия. Она может привести толпу учеников и нянчиться с вами.

— Можно подумать. — Хмыкнула Цинь. — Тебе есть куда идти. Пока я думала, что ты вернешься в семью и заживешь приличной жизнью я молчала, но если ты собираешься вновь бродить по дорогам и искать приключений, то я тебе не позволю. В конце-концов это просто подло бросить старенькую меня на такую толпу активной молодежи.

— Вот они бы и позаботились о старенькой бабушке. — Предложила я. — Тем более старенькая бабушка пол армии врагов одна убила.

Ученики заулыбались, правда пряча ухмылки.

— Поехали! — скомандовала Цинь.

— На чем? — Удивилась я. — Вы где-то украли коней? Или, может повозку?

— Лучше! — Цинь просияла. — У нас есть два ослика. Ну, те, что мы покупали, когда ты убивала Жирного Маня.

— Мы все поедem на двух осликах? — Уставилась я на нее. — А по очереди, или по пятнадцать человек на осла? Боюсь, они не справятся.

— Вот баба дурная! — Разгневалась старушка. — Мы с тобой поедem, а они пойдут пешком. Небось, молодые, не притомятся.

— Так сразу и говорите. — Усмехнулась я. — Где там мой осел?

Наконец мы выехали из города. Наши ученики уверенно держали, заданный ослами темп, и до полудня мы преодолели немало ли. Но, остановившись на обед, обнаружилось, что из еды у нас только те лепешки, что я припасла из расчёта на нас с Ли двоих.

Голодные мальчишки смели недельных запас, а я пригорюнилась.

— Хотите, я украду в ближайшей деревне котел и курицу? — Предложил услужливый Ли.

Цинь с интересом прислушалась, но пока она не успела вернуть моего ученика на путь криминала, я ответила.

— Нет. Мы с тобой поедem в деревню и попробуем поменять наш ударный труд на еду и котелок.

Пацан вздохнул, но подчинился.

ГЛАВА 4. СНОВА АКАДЕМИЯ

В деревне нам почему-то не были рады. Я таскала за собой ученика от одного дома к другому и везде предлагала наши услуги, и почему-то ни у кого не могла найти отклика в сердце. В одном месте на нас спустили собаку, так что пришлось треснуть ее по морде, так, что она, скуля убралась домой, что тоже не добавило нам популярности.

Наконец, в одном доме мне доверили почистить курятник, отчего с добрым словом вспомнила учителя Цинь.

Этот чертов курятник, кажется, не чистили с момента постройки, мы вдвоем потратили на его чистку почти полдня, выползли взмыленные и уставшие. Я рассчитывала минимум на курицу, но суровая хозяйка протянула нам две луковицы и одну лепешку.

— Не так уж вы и устали. — Заметила она. — Да тут и работы-то было не много.

— Знаешь, — сказала я Ли, когда мы отдыхали после скудного обеда, — я пересмотрела свое мнение. Можешь наворовать в этой гадской деревне все что хочешь и сможешь унести. Только всем остальным скажем, что мы все заработали честным трудом. Нечего ронять мой авторитет.

Ли понятливо кивнул и исчез.

Я потихоньку отправилась в сторону остальных и не успела пройти и половины пути, как меня догнал радостный Ли: он тащил котел, который ради удобства передвижения надел на голову. Руки его были заняты, под мышкой еще слегка трепыхалась остывающая курица, в руке он нес мешок риса, а в другой руке мешок с чем-то еще.

— Госпожа, — шепнул он мне, — побежали быстрее, а то, я когда овощи нагребал, меня какой-то крестьянин видел. Боюсь, им может не понравиться, что мы без спросу столько всего взяли.

Я послушно прибавила шаг. К нашей стоянке мы выбрались взмыленные и призвали всех прерывать отдых и продолжить наше движение.

Все послушно поднялись, а Цинь понимающе усмехнулась.

Ли так и продолжил тащить наворованное добро, и лишь котелок доверил мне, как соучастнице. Я прикрепила его к боку своего ослика.

Мы двигались без остановки весь оставшийся день и лишь к вечеру моя тревога начала отступать. Хотя Ли уже через совершенно непродолжительно время снова стал бодр и весел. Судя по всему, он гораздо лучше меня знал, когда крестьяне устраивают погони, а когда прощают наглых воришек.

Вечером мы наварили овощей с куриным мясом и все до отвала наелись. Котелок правда оказался маловат на всю нашу компанию, так что пришлось заполнять его аж три раза, но овощей было много, а курицу мы постарались поделить поровну на все порции. Так, что у нас даже на утро осталось немного подливки, пахнувшей курицей и мешок риса. Так что за завтраком тоже никто не голодал. Но проблема пропитания все равно стояла перед нами очень остро. Не так-то просто накормить отряд из тридцати очень голодных человек, большинство из которых к тому же никогда толком не ели до отвала и теперь смотрели на меня как на сошедшую с небес Гуаньинь, и я просто не могла не оправдать их ожиданий.

Поэтому утром я опять ломала голову, где же мне взять столько еды, чтобы нам хватило на все путешествие.

— Сегодня я сама решу вопрос пропитания. — Ответила Цинь, поравняв своего ослика

рядом с моим.

— Одна? — Даже немного испугалась я за нее.

— Зачем, — отмахнулась старушка. — Возьму твоего Ли. — Я смотрю, он парень шустрый и сильный. Поможет мне дотащить.

Я согласно кивнула, хотя в мою душу и заронились зерна сомнений. Так, что, когда Цинь и Ли поехали куда-то добывать пропитание, я поручила Динь следить за стоянкой, развести костер и начать варить оставшийся рис, а сама проследовала за ними.

Я кралась очень тихо, так что они меня не видели, и была порядком горда собой, пока не услышала их разговор.

— Хорошая она девка, — произнесла Цинь. — Но ты ее Ли не всегда слушай. Честный труд — это хорошо, но ты успеешь еще натрудиться в этой жизни. А нам надо торопиться, да и остальных пацанов надо кормить, и кормить сытно. Так что я пройду по деревне сейчас, пошумлю немного, а ты тащи все, что плохо лежит. Бери побольше, чтобы нам не приходилось делать это слишком часто. Лучше возьми здесь все по максимуму.

Ли понятно кивнул и просиял. Еще бы, сегодня ему не придется выполнять нудную тяжелую работу, а разрешили сделать все так, как он привык и умел делать.

Я раздраженно скрипнула зубами, но промолчала, и последовала за ними.

Открывшаяся мне в деревне картина была достойна постановки в провинциальном театре. Цинь шла по центральной улице и так натурально причитала. Говорила, про то, как солдаты Ма Луня шли по стране, как они грабили мирных жителей и как она страдала, видя все это. Я даже не уверена была, что Ли было необходимо обворовывать этих несчастных крестьян, поскольку они сами радостно давали ей еду. Вот кто-то сунул ей теплый платок, какая-то старушка обняла ее и вынесла фляжку молока, кто-то подарил котелок, и это, не считая мешков еды, которые ей давали крестьяне. Цинь не переставая рассказывала о нелегкой судьбе своих деток, и том, как они бедняги нынче у нее голодают.

Она благодарила крестьян, кланялась им и легко тащила мешки, полные еды.

Когда деревня осталась далеко позади, а ее догнал Ли, так же тяжело нагруженный, я вышла из кустов.

— Даже не знаю, — произнесла я, — ругаться мне, или благодарить вас.

— С чего вдруг ругаться-то? — Весело спросила старушка, протягивая мне пару мешков. — Мы добыли нам еды почти на все путешествие.

— Но способ, которым вы это сделали я не могу одобрить. — Я неодобрительно покачала головой.

— Ой, — Цинь махнула сухой ручкой, не выпуская из рук добра. — Не будь занудой. У нас была проблема, мы ее решили. Что тебе еще надо?

Я промолчала, сберегая дыхание, пока перла неподъемные дары крестьян к нашей стоянке.

На месте мы уже распределили поклажу по нашим заплечным мешкам и Цинь прочитала нудную лекцию о том, что лично оторвет руки тому, кто что-то нелегально слопают, что она запомнила в лицо каждую луковицу и рисинку.

Звучало устрашающе и лично я прониклась, а вот ученики, по-моему, не особенно.

После грабежа и вымогательства в этой деревне мы продолжили путь. На обед в этот раз мы не останавливались, и я в общем-то это решение полностью разделяла и поддерживала.

Расположились мы вечером возле ручья. С двумя котелками приготовление пищи пошло гораздо веселее, тем более что оказалось, что Ли успел и ложек всем наворовать. Чувствую,

что следующим пунктом обзаведения будут миски, а в Академию мы приедем с кучей вещей.

— Эй, ты почему вперед меня черпаешь? — Воскликнул безухий ученик, пихая Ли в бок. — Ты-ты! Я только что видел!

— Но я не черпал! — Воскликнул Ли. — Ты, Цзин что наговариваешь на меня!

— Я тоже видел! — Воскликнул долговязый парень.

— А я видел, что он не черпал! — Вступился за Ли маленький но шустрый пацан.

— Ах так? — Цзин встал. — Так пошли выйдем, поговорим! Вы, тут без нас не жрать!

Ребята отошли недалеко, а мы и впрямь прекратили есть и с комфортом устроились посмотреть на выяснение отношений. Признаюсь, вначале я хотела вмешаться, но Цинь дернула меня за подол рубахи, и я послушно села, позволив мальчикам самим решать свои разногласия.

Ли и Цзин отошли от стоянки на более-менее ровную площадку и замерли напротив друг друга.

Так они стояли какое-то время, пока кто-то не закричал:

— Эй, вы чё, постоять пришли. Жрать охото. Давайте быстрее!

И еще прозвучала пара обидных прозвищ.

Это привело к тому, что Цзин первым кинулся на Ли и промахнулся, потому что Ли хоть и был ниже ростом, но был вертким и быстрым. Да, в отличие от Цзиня Ли не обучался боевым искусствам, но он рос на улице, и явно умел за себя постоять. Ли крутанулся вокруг себя и легко ушел от непродуманного удара. И тут же сам взорвался серией быстрых ударов. Он сыпал их казалось на первый взгляд бессистемно, но приглядевшись повнимательнее, я обнаружила, что в их последовательности все же была определенная логика. Он наносил несколько ударов по корпусу, заставив сосредоточиться на обороне середины тела, и сработав таким образом, наносил удар в голову или по ногам. Цзину пришлось поначалу уйти в глухую оборону, но вскоре он тоже понял этот принцип и, притворившись, что отбивает удар по корпусу, быстро выкинул правый кулак вперед. Ли не ожидал и его второй глаз украсился синяком. Лицо стало более симметричным, но не слишком внушающим доверие. По крайней мере я бы не стала доверять такому подозрительному мальчику. Ли тоже не остался в долгу и залепил с ноги по Цзиновской груди, и удар оказался так силен, что Цзин отлетел на несколько метров и сполз по стволу дерева, что так некстати оказалось у него на пути.

Мы посидели какое-то время в тишине, ожидая, что Цзин поднимется и потасовка продолжится, но этого не произошло. Цинь кряхтя поднялась и отправилась приводить в чувство мальчишку, а гордый Ли приступил с остальными к трапезе. И не иначе как в честь победы, ему разрешили черпать аж по две ложки в свою очередь.

Ночь прошла спокойно, а вот утром мы незаметно для себя вышли к лагерю разбойников. Причем вышли шумно и прятаться было уже поздно.

Да, лагерь разбойников вел себя гораздо тише, чем наш маленький но плохо организованный отряд. Скорее всего они нас давно заметили, а вот мы обнаружили, лишь оперевшись в них.

— Какая стремительная карьера! — Протянул хозяин тигра. — Бедная бабушка со своим непутевым внуком. Вы мало того, что живы, так еще и обзавелись еще толпой внуков.

— Да, мой мальчик. — С достоинством кивнула Цинь. — Я рада, что и у вас все хорошо.

— В гости заглянула? — Опять произнес разбойник. — Случайно проходила мимо и

решила справиться о нашем здоровье?

— Не поверишь, милый, случайно на вас тут наткнулись. — Поморщилась Цинь, и я разделяла ее мысли. — И мы уже уходим.

— Стоять! — Воскликнул разбойник. — Ты нас обманула, а такое не прощается.

— В чем же я вас обманула? — Удивилась Цинь.

— Вы не шли к Императору. Иначе вы бы тут не стояли.

— Вот и нет! — Выкрикнул Динь. — Они спасли императора и он их наградил нами.

— Не уверена, что здесь уместно использовать глагол «наградил», — поправила Цинь, — но в целом все верно.

Разбойник нахмурился.

— То есть, вы утверждаете, что видели живого Императора и все еще живы?

— Мы даже все еще можем видеть своими глазами. — Мрачно заметила Цинь. — Мы не ослеплены его неземным сиянием.

— А, что, император реально сияет? — Глупо спросил большой детина, в чьих руках я заметила свой старый меч.

Я подмигнула ему:

— Сияет его трон, одежда и все такое. А сам император обычный человек, просто очень умный и все такое.

— Хм. — Самый главный разбойник задумался. — Ладно, допустим, я вам верю. Выглядите вы порядком побитыми, особенно вон он. — Палец разбойника ткнул в Ли, отчего тот просиял. Впрочем, мое лицо явно было не сильно лучше. Я только вчера смогла начать двигать второй половинкой рта, и это не приносило мне большого удовольствия.

— Так мы тогда дальше поедем? — Робко предположила я.

— Что, даже не покушаем вместе? — Удивился крупный разбойник. — Нам же интересно как вы съездили.

— Покушаем. — Решила Цинь. — Мальчики, доставайте провиант, будем делиться.

На стоянке разбойников была развернута бурная деятельность. Под чутким руководством старушки, разбойники и ученики бодро готовили что-то вкусное. У самих разбойников старушка тоже нашла припасы и сейчас вовсю что-то мастерила. Вернее, она руководила, но почему-то ее все слушались и даже были рады этому.

Я послушно принесла котелок воды и на этом решила, что помогла достаточно. Поэтому я присела в уголочке и с удовольствием смотрела за бурной деятельностью остальных. Через какое-то время рядом со мной сел господин Ван.

— Как ни странно, но я скорее рад, что вы живы. — Признался он.

— Я тоже рад. — Произнесла я осторожно. — И что вы живы тоже. Все же профессия разбойника полна опасностей.

— Это да. — Мечтательно произнес разбойник. — Но и ужасно романтичная.

— Чем это? — Непочтительно фыркнула я.

— Лес кругом, романтика... — разбойник оглянулся и вздохнул.

— Комары и прочая радость. — Буркнула я себе под нос.

— Людей нет. — Продолжил разбойник.

— Вон их сколько. — Не согласилась я.

— Не романтик ты, дурак. — Вздохнул разбойник. — Как баба прям.

Я хрюкнула от смеха, а тот продолжил:

— Также все бурчала, давай денег заработаем, детям нужно все самое лучшее. Мне

нужны шпильки, платье, тебе надо найти другую работу. Тьфу!

— И что? — Заинтересовалась я личной жизнью главаря разбойников.

— Да, ничего. — Печально вздохнул он. — Когда меня первый раз поймали на взятках, казнили всю семью. Их первых, чтоб так сказать мне было приятнее, а я стоял и смотрел, потом должны были и меня казнить последним. А когда до меня дошла очередь, в нашу деревню ворвались разбойники и в общей потасовке я сбежал. Прибился к этой банде, потом свалил в поединке их главного, стал сам предводителем. Долго наводил в банде порядок. И сейчас, как видишь, у нас все хорошо.

Я покивала, но из врожденного чувства противоречия добавила:

— Баб вам тут не хватает. Уж больно стирки много.

— Это да. — Вздохнул он. — Мы это как наказание используем. Кто сильно провинится идет на весь день стирать. Иногда помогает.

— Жестоко. — Заметила я.

— Эй! — Рядом с нами возникла Цинь. — Долго вы тут лясы будете точить? Мы там все накрыли, идемте, будем отмечать победу Императора над этим подлым Ма Лунем.

Мы послушно подошли к импровизированному столу. В центре полянки была расстелена ткань, плотно уставленная кушаньями: здесь были и курячьи лапки с коготками в сладком соусе (и как они интересно, умудрились сделать это на костре), и поросячьи ушки мелко порезанные (видимо, чтобы компенсировать их незначительное количество), и даже свиной пяточок в бульоне. Пяточок был один, бульона было много. Мы послушно присели и нагребли в индивидуальные тарелки, коих у разбойников было в избытке, кто чего хотел. Алкоголь у разбойников был, но Цинь сурово на всех зыркнула и разлила всем по капле в кружки. Мы дружно восславили самих себя и выпили. После приступили к трапезе.

Мне нынче не хотелось деликатесов, так что я взяла риса и острых овощей. Было ужасно вкусно. Честно говоря, моих скромных кулинарных способностей не хватает на приготовление таких изысков в походе. У разбойников же вся жизнь проходит в походах, и похоже вреди них хватало талантливых людей. По крайней мере, отличные повара явно были.

— Ну, рассказывайте. — Кивнул главный разбойник. — Вы попали к Императору?

Неожиданно слово взял Динь и заговорил.

— Мы бывшие ученики... — начал он свой рассказ и поведал всем, как им тяжело жилось у Жирного Маня, как он издевался над ними, и как я одержала над ним победу и забрала бедных учеников к себе.

Видавшие всякое разбойники заслушались и сидели тихо, лишь изредка поднося палочки с едой ко рту. Динь говорил и впрямь интересно, в его изложении я выглядела великим героем древности, который просто разил врагов направо и налево. Причем из его рассказа было никак не понятно, что я не внук своей бабушки, а сама женщина. Он, судя по всему, очень быстро сориентировался. Я, конечно, не думала, что разбойники нас побьют за этот обман, но все равно, предпочла бы, чтобы эта не поднималась.

Потом он поведал, как мы пришли к Императору, и тот нас ласково принял. Как мы обороняли город, и какую страшную смерть принял тот несчастный ученик.

Кстати, его смерть впечатлила разбойников не так сильно, как рассказ, как Цинь убила Ма Луня.

Конец рассказа разбойники встретили одобрительными выкриками и громкими хлопками. Они хлопали в ладошки и били друг друга по плечам, одобрительно ворча при

этом.

— И как вас наградила Император? — Спросил главный разбойник, и поскольку смотрел он на Цинь, то я промолчала.

— О! — Воскликнула старушка. — Он мне предлагал золото. Но я отказалась.

Все разбойники и даже ученики ахнули.

— Я уже старенькая бабушка. — Заметила Цинь нравоучительно, как она умела делать. — Куда мне золото. Я все равно возвращаюсь в Академию, а там что с ним делать?

— Купить на него много вкусного и полезного? — Бесхитростно предположил Динь.

Цинь задумалась.

— Хм... эта мысль не приходила мне в голову. — Призналась она. — Я подумала как везу золото, как вы, милые, меня грабите, и подумала на что оно мне.

— И чем же тогда он вас наградила? — Удивился главварь.

— Я выпросила указ об освобождении от налогов для Академии на десять лет.

— А разве Академия платит налоги? — Удивилась я.

— Милый мой внук, — произнесла Цинь, — ты, конечно немного дурак, но даже ты должен понимать, что налоги платят все.

— Все же вы нас обманули. — Произнес главварь. — Вы не бедные деревенские жители.

— Мы почти говорили правду. — Произнесла Цинь примирительно. — Да, мы жили при Академии, но сами мы обычные бабушка с внуком.

— Ну, что ж, пусть будет так. — Расслабленно кивнул разбойник. — Мы сделаем вид, что верим вам.

— Особенно после рассказа этого малого. — Кивнул здоровяк.

— Эта молодежь вечно все преувеличивает. — Ровно заметила я. Внутренне я подобралась и была готова вскочить в любой момент, но это не потребовалось.

— Расслабьтесь. — Махнул рукой разбойник. — То что вы не так просты, как хотите казаться я понял еще когда вы белье стирали. Как бы не были сильны крестьяне, но перестирать такую гору белья, а наутро быть полными сил мало кто сможет. Так что я верю, что вы из Академии. Закончили? Или просто учились там.

— Да, так, — Цинь махнула рукой, — нахватались там по верхам всякого.

— Ммм... — протянул здоровяк. — Я бы тоже хотел похватать там немного.

— Тяжело там. — Вздохнула я. — Чуть что побить норовят.

— Смотрю, тебе нередко доставалось. — Пожалел меня разбойник.

— Еще не слишком. — Вмешалась Цинь. — Учителя частенько жалеют дураков. Мол, им дуракам и так в жизни досталось. У нас одного ученика вообще как-то насмерть забили.

— Всего одного? — Удивился разбойник. — Я думал, они там у вас толпами мрут. Естественный отбор и все такое.

— Ну, учителя стараются не допускать смерти учеников. — Произнесла старушка. — Но, конечно, до выпуска доживают не все.

И она так зловеще это произнесла, что многие из учеников тяжело сглотнули. Можно подумать, у Жирного Маня много доживало.

Но я не стала ничего этого говорить, а мудро промолчала.

Наша трапеза подошла к концу, и ученики мирно с разбойниками убрали ее остатки. Никто не спорил и не дрался за еду, наоборот, разбойники были настолько гостеприимны, что сложили нам в дорогу немало вкусностей. И мы продолжили наш путь. Разбойники были так любезны, что отдали мне мой меч, и, хотя, у меня теперь был другой, я все равно была

рада. Второй меч я пристроила в сумки, что гордо нес мой ослик.

Следующие дни ничего интересного не происходило, мы шли и шли, и казалось, что этой дороге не будет конца.

Однако, рано или поздно все имеет обыкновение заканчиваться, и к вечеру двенадцатого дня мы вышли к горе, откуда и начинали свой путь.

— Зайдем к этому старому хрену. — Кровожадно предложила Цинь. — Имею горячее желание дать ему по его лысой голове.

— Не будем терять времени. — Миролюбиво предложила я. — Мы все устали, и у нас есть возможность уже сегодня добраться до Академии.

— Переночуем у него. — Безапелляционно произнесла старушка. — Я жажду его крови.

— Поехали дальше. — Предложила я. — зачем нам тратить время на бессмысленные занятия.

Но тут раздался старческий дребезжащий голос.

— И тебе привет, старая карга. — И на тропинку вышел старец Чжан. — Вижу, что ты уже соскучилась по мне.

— Ты мне сейчас ответишь за то, что отправил нас в лагерь разбойников.

— Судя по тому, что я вижу, — заметил старец, — они не только не обидели тебя, а даже наоборот часть из них раскаялась и попросилась тебе в ученики?

— Это ее ученики. — Кивнула она в мою сторону.

— В самом деле. — Поднял брови старец. — Удивительно. И что вы будете делать?

— Еще не знаю. — Честно произнесла я. — Проводим бабушку в Академию и поедем ко мне на Родину. Буду восстанавливать Школу моего дедушки. Ему вернули его доброе имя. Или нет.

— Что ж, желаю удачи. — Уважительно протянул старец. — А ты старая перечница?

— А я сейчас буду тебя бить. — Грозно произнесла Цинь, спрыгивая с ослика.

Грандиозной драки не получилось. Стоило старушке в красивом прыжке долететь до деда и попытаться ударить его в длинном шпагате ногой по голове, как старец согнулся в поясице.

— Ох, — простонал он. — Радикулит, проклятый. Не бейте, тетенька.

— Что, опять?! — Простонала учитель, разом растеряв весь свой воинственный пыл. Иди уже в свою хижину, больной.

Старец, прихрамывая и постанывая подозрительно быстро взобрался по крутой тропке по горе вверх.

— Устраивайтесь на ночлег. — Приказала нам Цинь. — Я вернусь утром, ручей там, сами сообразите как вам быть.

— А можно нам тоже... — Динь махнул рукой куда-то вверх, но я торопливо наступила ему на ногу.

— Идите. Мы справимся.

Цинь еще раз строго оглядела нас и бодро ускакала вверх за дедом. А мне пришлось обустроить лагерь.

Ночь прошла беспокойно. Мне пришлось буквально за полы рубашек ловить любопытных учеников, которых недоступная хижина буквально манила к себе. Что они рассчитывали там узреть мне было неизвестно. Вряд ли их интересовали новейшие разработки медицины, да и радикулитов в их возрасте не должно было быть. Но после того, как я настучала по лбу Диню в третий раз, мое терпение лопнуло, и я устроила тренировку для

всех.

Причем в конце нее, когда многие уже откровенно падали от усталости я к собственному педагогическому провалу обнаружила отсутствие Ли.

Разложив порядком уставших учеников по циновкам, я нервно прождала непутевого ученика до самого рассвета. И он явился с первыми лучами солнца, счастливый и улыбающийся.

— Ты где шлялся. — Грозно рыкнула я.

— Воздухом дышал. — Безмятежно улыбнулся он. — А что?!

— Разве я недостаточно ясно высказалась, что всем надлежит делать?

— Простите, учитель. — Безмятежно улыбнулся он. — Но я же ничего плохого не делал.

Я не хотел спать, и решил прогуляться по округе. Можно сказать, охранял ваш покой.

— Десять ударов. — Глядя ему в глаза. — Произнесла я.

Он вскинул на меня безмятежные глаза.

— За что?

И, хотя мое сердце обливалось кровью, я лично ответила ему эти удары. Во время экзекуции он не проронил ни слова и после тоже спокойно встал и отправился вместе со всеми готовить завтрак.

Вскоре к нам присоединились и Цинь со старцем. Последний выглядел бодрячком, но на предложение Цинь все же померяться силами опять схватился за поясницу. Старушка была подозрительно довольной, и упорно не замечала всеобщей небольшой напряженности.

Мы позавтракали и уже к обеду достигли Академии.

Академия встретила нас огромными воротами у подножья гор. Они просто нависали над нами. Цинь тоже уважительно задрала голову и повела нас в обход. Сбоку от ворот оказалась маленькая калиточка, которую учитель, усмехнувшись легко отворила. За ней начиналась лестница на тысячу ступеней, которая произвела на учеников неизгладимое впечатление, а следующие ворота впечатлили еще сильнее.

— Как же сюда попасть?! — Простонал Ли.

— Стоит ли? — Тихо заметил Динь.

— Это же Академия! — Мечтательно закатил глаза Ли.

На что Динь лишь презрительно фыркнул.

Но я тоже крутила головой по сторонам, подумывая, а если бы я решила в самом деле возродить школу дедушки, то, как бы я все организовала. Тысячу ступенек мне было взять не откуда, но некоторые вещи можно было и позаимствовать. Поэтому я всю крутила головой, и неожиданно столкнулась с Роландом.

— Привет, мелкая! — Воскликнул он, появляясь слева от меня и пытаясь схватить меня в охапку. Я сделала шаг в сторону и легко увернулась из его объятий.

— Как ты здесь живешь? — Спросила я его.

Он здорово похудел, а обнаженный торс украсился парой свежих шрамов, но несмотря на это он просто сиял.

— Отлично! — Воскликнул он. — Я сдал внутренний экзамен и перевелся во внутренний круг.

— Рада за тебя. — Задумчиво произнесла я. — А в целом тут как?

— Да, нормально. — Пожал плечами рыцарь. — В целом все спокойно. Мы помимостроительных работ и заниматься успеваем. Так что все хорошо.

— Не смотря на то, что ты переведен во внутренний круг, я смотрю, ты легко разгуливаешь на свободе. — Пошутила я.

— Ну, я же нет. — Усмехнулся Роланд. — Это ты настолько опасна, что тебя нужно держать взаперти.

Я тоже усмехнулась.

— На самом деле нас пока здесь мало. — Признался рыцарь. — Поэтому для создания видимости стабильности и процветания, мы ходим где угодно.

Я понимающе покивала головой. Вот это было похоже на правду. Что может быть страшнее, нежели «потерять лицо»? Академия может лежать в руинах, но все будут старательно делать вид, что все под контролем и в полном порядке. Как это знакомо.

Неожиданно я представила своего мужа, как он объясняет всем, что не удачно упал с лестницы, а все делают вид, что верят ему. Хотя вряд ли кто-то свяжет его состояние и мой отъезд. Скорее всего, он и мое отсутствие будет долго скрывать.

Я вновь огляделась по сторонам, возвращаясь в эту реальность.

Академия была по-прежнему прекрасна: высокие горы, прохладный воздух. И не скажешь, что внизу уже всюю стоит жара, здесь было вполне чудесно. Я вдохнула воздух полной грудью.

— А вы как съездили? — Спросил рыцарь, вставая рядом.

Мои ученики разбрелись кто куда.

— Отлично. — Кратко ответила я. — Мы победили и все такое.

— Знаешь, Ша. — Заметил Роланд, — меня всегда в тебе бесила эта краткость. «Мы победили!»- передразнил он меня. — А где кровавые подробности? Описания схваток? И все такое?

Я махнула рукой в сторону учеников:

— Вот они расскажут поподробнее. У них этих подробностей хоть отбавляй.

Рыцарь воспрял духом, приглядываясь к ним внимательней.

— А они откуда? — Воскликнул он.

— Не поверишь. — Хмыкнула я. — Это мои ученики. Пожалованы мне Императором. Понятия не имею что с ними делать.

— А что ты вообще хочешь делать? — Проницательно спросил рыцарь.

Я пожала плечами.

— Буду бродить по дорогам как раньше. — Вздохнула я. — Наймусь в охрану. Проживу как-нибудь?!

— Проживешь. — Кивнул рыцарь. — А чего ты хочешь сама?

— Восстановить школу дедушки. — Призналась я.

Я вспомнила свои чувства, когда Император сказал мне о такой возможности. И как я представила себя в кресле учителя и том почете, что мог бы у меня быть.

— В чем же проблема? — Удивился рыцарь.

— Я баба. — Вздохнула я. — Это моя самая главная проблема.

— Знаешь. — Роланд критически оглядел меня. — Ты многих долго водила за нос. Опять же Цинь это совсем не мешает.

— Она уже старенькая. — Вздохнула я. — ей можно.

— Опять эти ваши заморочки, которых я не понимаю. — Вздохнул парень.

— Разве у вас женщина может выбрать карьеру воина? — Удивилась я.

— Нет. — Усмехнулся Роланд. — Но такое случалось. Прекрасная Брунгильда побеждала на ристалищах, сражалась наравне с лучшими воинами и с огромным почетом похоронена на семейном кладбище. Жанна еще была, или Изольда. Но это скорее исключение. Тем не менее

— Вот и у нас это исключение. — Мрачно заметила я. — Никто не пойдет ко мне.

— Уже же пошли. — Заметил рыцарь.

— Пошли. — Кивнула я. — И легко уйдут от меня, как только запахнет жареным.

— Хм... — Роланд задумался. — А ведь мы никто не убежали из Академии, когда у нее настали трудные времена.

— Разбежались. — Заметила я. — Но многие остались.

— Так, может, ты зря себя накручиваешь?

— Может. — Кивнула я.

Я вновь уставилась на горы.

— Привет. — Рыцарь оказывается отошел от меня и присоединился к моим ученикам. Я отошла за угол, но сама продолжила наблюдать за ними. Впрочем, им меня было не видно.

— Ну, как вы сюда попали? — Спросил Роланд.

Постепенно они разговорились. Динь вскоре опять рассказывал о наших приключениях, размахивая руками и расписывая свою доблесть. Постепенно он практически становился просто героем древности, разя врагов направо и налево, наши же подвиги стали не настолько значительными. Но я с удовольствием послушала о наших приключениях еще раз.

— И что вы будете делать теперь? — Перед тем, как задать этот вопрос, рыцарь огляделся. Но меня он не увидел.

— Я бы хотел остаться здесь. — Произнес Ли.

— Разве вы не поедете дальше за своим учителем? — Коварно спросил рыцарь. — Ша крута как яйца дракона. Вы бы видели, как она дерется.

— Я видел. — Произнес Ли. — И я ужасно хотел идти с ней, пока не попал сюда. Тут нереально круто. Хочу учиться здесь.

— Я бы хотел чтобы она тоже осталась здесь. — Признался Динь. — Тут на самом деле очень здорово. И иметь самый настоящий диплом, что может быть лучше. Семейные школы — это хорошо, но школа, которую держит баба, это не круто. Понимаешь?

Остальные ученики молчали, но я и так знала, что они были согласны.

Что ж, я получила ответ на свой вопрос. Они не хотели учиться у меня. Я не стала слушать дальше, и тот кусок, где рыцарь расписывал все мои достоинства я уже не услышала, потому что тихо ушла.

Я покинула Академию около полудня. Никто не вышел меня провожать, никому не было до меня дела. Не думаю, что они вообще скоро обнаружат, что я пропала. Я забрала своего осла и один из мечей, тот, что остался у меня после битвы в Запретном городе, меч же Академии, что мне вернули разбойники, в Академии я и оставила. За пазухой у меня лежала лопатка и диплом, а в сумке, что была перекинута через осла полно еды. Я больше собиралась голодать.

Перед тем, как окончательно впасть в тоску и отправиться бродить по дорогам Царства,

я решила все же наведаться в заброшенную школу дедушки, и попробовать навести там порядок. Я же обещала Императору, ну и просто посмотреть, как там все обстоит. Возможно, заглянуть к матери и отцу. Хотя они и ни разу не поинтересовались моей жизнью после того, как выдали меня замуж. Раньше, я ужасно обижалась на это, и даже мечтала вернуться к ним, но сейчас я поняла, что я со всем могу справиться самостоятельно.

Путь мой вновь лежал на север, и я подумала, что ни капли не жалею, что теперь путешествую одна. Кажется, я совершенно не готова отвечать еще за кого-то.

Вечером я расположилась на ночлег, а перед сном, решила размять лапы, чего уже давно не делала.

Лопатка легла на голову, как родная, я сделала всего три поклона, и мор вокруг меня изменился. Это было странно и непривычно, ведь сегодня на небе вообще не было луны. А когда я перевернулась в воздухе, я узрела позади себя сразу три хвоста.

Я задумчиво грызнула их по очереди. Все они были настоящими.

— Но как? — Взвыла я в небо.

— Мы же тебе обещали. — Демон возник как всегда неожиданно.

— Почему? — Я с удивлением узнала, что моя лисья пасть издаёт вполне себе человеческую речь.

— Ты прошла ряд испытаний и обрела новые возможности. — Ответил демон, разваливаясь возле моих вещей. Ничуть не стесняясь, он вытащил из моей сумки пару полосок вяленого мяса и смачно вгрызся в него. Правда, краем глаза я уловила, что он сунул мне в сумку какой-то фрукт.

— А когда я познала боль или горе, — со вздохом заметила я, — никто мне не дал такого бонуса.

— Познать горе много ума не надо. — Задумчиво прочавкал демон. — Вы жалкие людишки, вообще очень легко познаете горе. А вот не убежать из Академии, когда ее готовы захватить враги, или не бросить своего Императора, когда проще бросить, на это уже не все способны. Так что, считай, ты еще немного повзрослела.

— Мне не нравится. — Призналась я, вновь бросая взгляд на свои хвосты. Признаюсь честно, я лукавила: хвосты были шикарны и ужасно мне нравились. Всегда хотела себе такие, девять хвостов- об этом мечтает любая лиса. Теперь у меня было больше хвостов, чем у матери, и она больше не могла распоряжаться моей жизнью. Признаюсь, на самом деле это был шикарный подарок.

— Можешь не благодарить! — Махнул демон вновь чем-то смачно чавкая. — Я знал, что тебе понравится.

Он похлопал когтистой лапой рядом с собой и я послушно шлепнула свою тело туда, куда было указано.

Он поскреб когтем мне за ухом, и я неожиданно для себя заурчала. Так мы и сидели, демон что-то жевал, и чесал меня когтем, я же урчала и медитировала. Так я и заснула.

А утром я обнаружила, что моя сумка битком набита персиками, но в ней больше нет ни кусочка мяса. Демона, впрочем, тоже уже не было.

Персики были чудесны. Я сама не заметила, как умяла сразу два. А после я почувствовала небывалый прилив сил и легко отмахала тысячу ли за один день. Мой ослик тоже неутомимо перебирал копытами. Так что устен родного дома я оказалась гораздо раньше, чем думала.

Вначале я отправилась за город, где прошло мое детство. «Школа Темного Дракона». —

Гласила покосившаяся вывеска. Она печально скрипела на ветру. Дом пришел в запустение, он грустно чернел разбитыми окнами, двери тоже не было.

Я прошла во двор. Под ногами скрипел песок, что больше никто не убирал. Везде валялись листья и мусор.

— Чё тебе здесь надо? — Раздался грубый голос, и я стремительно развернулась на него.

Возле стены сидел оборванец.

— Ты кто? — Спросила я его.

— А ты? — Злобно спросил он. — Сейчас вернутся остальные, и тебе не поздоровится.

— Разбойник? — Удивилась я. — Но, почему здесь?

— А где? — Зло спросил он, не торопясь, впрочем нападать на меня.

— Ну не знаю. — Я пожала плечами.

— А ты здесь что делаешь? — Спросил он меня, продолжая сидеть.

— Зашла посмотреть.

— Воровать здесь все равно нечего. — Отметил разбойник. — Все более-менее ценное растащили много лет назад, нам уже не нашлось чем поживиться.

— Сочувствую. — Произнесла я. — Но я не за этим. Я просто мимо проходила, решила зайти полюбопытствовать.

— И как оно? — Спросил разбойник, более похожий на бродягу.

— Выглядит плохо. — Честно сказала я. — Пожалуй, проще все сломать и построить заново.

— Да. — Признался разбойник. — Говорят, тут была какая-то крутая школа, но потом учитель то ли проворовался, то ли переворот замутил и казнили его. Дрянная жизнь.

Я на это промолчала.

— Ладно. — Махнула я ему. — Было приятно поболтать, но я поеду дальше.

— Бывай, малый. — Доброжелательно кивнул мне разбойник. — Постарайся нашим остальным не попасться, они могут быть не так благожелательно настроены.

Я выехала за ворота и побрела в сторону города.

Да, я была потрясающе наивна, когда хотела возродить школу дедушки. Одной мне здесь не справиться. И Императору было мало вернуть дедушке все привилегии, здесь понадобились бы годы, чтобы изменить общественное мнение.

Я развернула осла и отправилась в город.

К дому родителей я подъехала в странном состоянии. Все выглядело вроде бы как в детстве, и одновременно не так. Вот здесь раньше был другой забор, а вот колодец совсем не изменился.

Я постучала в двери.

Дверь мне открыла мать.

— А Лия? — Удивилась она. — Ты здесь откуда?

Я завела ослика во двор и прошла с ней на кухню, где она заварила мне чаю и накрыла на стол.

Отца не было, в это время он был еще на службе, но я специально пришла в это время, не уверенная в том, как именно они меня примут.

— Ты изменилась. — Произнесла мать.

— А ты нет. — Вздохнула я.

— Да. — Мама тоже вздохнула. — Ты же знаешь, мы, хули, мал меняемся с возрастом.

— Как бабушка? — Вновь спросила я совсем не то что хотела.

— Хорошо. — Мама тоже чувствовала эту неловкость, но тоже ничего не делала, чтоб переломить это. — Она вновь вышла замуж и вполне счастлива.

— А ты? — Спросила ее я.

— Конечно. — Мама подняла на меня глаза.

— Почему вы меня бросили? — Наконец спросила я то, что меня беспокоило все эти годы. — Почему не пришли, когда мне было плохо. Неужели вам на меня настолько все равно?

— У нас, у лис не принято слишком сильно опекать свое потомство. — Медленно произнесла мама. — Я вижу, что ты справилась со всем сама.

— Бабушка тебя не бросила. — Горько произнесла я. — Она всегда была рядом, а вот где ты была, когда мой муж избивал меня?

— Ты справилась сама. — Твердо произнесла мама. — Я хотела, чтобы ты выросла сильной. Ты знаешь, у нас в семье не мало детей, но ты всегда была себе на уме. Я не могла передать тебе никаких знаний. Ты была плохой лисой, и либо ты бы стала простым человеком и прожила бы короткую простую жизнь, либо выросла бы и приняла свою лисью сущность. Судя по тому, что я вижу, ты справилась.

— Это было не просто. — Горько произнесла я, улыбаясь.

И тут я заметила, что улыбаюсь я легко. Мне больше не было больно это делать. Я вскочила и кинулась в комнату, где жадно припала к зеркалу. Оттуда на меня смотрела молодая девушка, с чистым лицом. Да, на щеке была видна застарелая полоска шрама, но больше не было никаких следов увечий.

— Куда ты так стремительно убежала? — Мама вошла в комнату.

— Демон! — Воскликнула я, проводя рукой по щеке.

— Не без этого. — Согласилась мать. — Ты останешься на ужин?

Я опять потрогала щеку и отрицательно покачала головой.

— Я тороплюсь. Спасибо за гостеприимство.

Мать пожала плечами и не стала настаивать.

Ослик был не слишком рад продолжению нашего пути, но и не протестовал, когда я вновь уселась на него и заставила ехать.

Позади меня остался мой родной город, и я молча пообещала себе, что обязательно когда-нибудь сюда вернусь. В конце концов у меня впереди длинная жизнь. Я все успею.

ГЛАВА 5. КАРАВАН АДИЛЯ

В это время года всегда сильные ветра, они поднимают целые тучи из пыли и песка, так что люди, которые все же решились путешествовать в это проклятое Аллахом время, вынуждены заматывать головы платками так плотно, что остаются только маленькие щелочки для глаз.

Остановившись доводилось редко, только в специальных, защищенных от ветра местах, готовить еду быстро, и то, в процессе в пищу обязательно попадает песок, он потом противно скрипит на зубах, заставляя богохульствовать и сквернословить.

Это был мой второй день пути с караваном. Наняться охранником в караван для меня оказалось не легче, чем попасть в ученики. Все хозяева смеялись, или предлагали присоединиться к каравану, но совсем в ином качестве. А если же я предлагала испытать меня, то некоторые становились серьезными и отвечали, что я, возможно, хороший ученик, и, возможно, не плохой воин, но охраннику редко доводится сражаться один на один, а путь через пустыню опасен, полон трудностей и лишений. Что я не переживу его, даже если Аллах будет милостив и отведет от каравана разбойников. И даже мой диплом не помогал.

Но жизнь научила меня не отчаиваться после первой же неудачи, и однажды мне повезло. Я столкнулась с караваном Адиль. Дела его шли не так уж плохо, но и не сказать, что хорошо. Чем уж я его расположила к себе, дипломом ли, или же своим, не внушающим доверия видом, но он взял меня на работу, положив мне стандартную плату.

Форму Адиль мне не дал, но у меня был мой ослик, и мой выдавший виды халат. Странно выглядел наш караван, купец на мощном арабском скакуне, три его охранника на низких крепких лошадках и я — на ослике. Впрочем, я не отставала, а это главное. У нас еще было две лошади, где ехал наш немудреный скарб.

Через пески обычно ходят на специальных животных, они немного похожи на лошадь, но у них два горба на спине, и называются они по-другому, но нормальных лошадей у нас было мало, и торговец, у которого мы хотели поменять их на тех, специальных, предложил плохую цену и торговец отказался.

Постепенно спустились сумерки, и караван стал готовиться ко сну. Сегодня мы опять вовремя достигли места ночевки и, расчистив занесенный песком родник, напоили лошадей.

Адиль вез пряности. Места товар занимал немного, но в далеких странах, куда направлялся караван, они стоили баснословных денег. Так говорил Адиль, и у меня не было причин уличать его во лжи.

Всего нас было пятеро: Адиль, его трое охранников и я. Я и Азис, худой, молодой наемник, расседлали лошадей, напоили их, стараясь, чтобы в поилки не попал песок и, стреножив, устроили на ночь. Здесь быстро холодало, и когда мы закончили с лошадьми, на костре уже была готова похлебка.

Мы устроились в круг, и Надир, с одобрительного кивка Адиль, достал бутылку слабого вина.

— Что стало с твоими волосами, змееныш? — спросил Хасим. — Ведь длинная коса для воина честь. Или чему тебя учили в твоей академии?

— Иногда в дороге они только мешают. — Как можно равнодушнее произнесла я. — И не в волосах мужская сила. Когда ученику впервые обрезают голову- это честь для него. Мои

вот сгорели.

— Был пожар? — Адиль отхлебнул вина и передал бутылку мне, но я покачала головой и передала ее Хасиму.

— Нет, они сгорели в пламени страсти моей супруги, очень страстная была женщина. — Снова усмехнулась я.

— А ты был женат? — Вновь удивился Адиль. — Разве, вы- неверные, привыкли рано жениться?

— Кто как. — Я понимала, что после бедного на впечатления дня, когда вокруг был только песок, всем хотелось пообщаться. И я привычно ткала паутину лжи, придумывая жизнь того парня, который устроился охранником в караван.

Впрочем, мы все были утомлены длинным переходом, и вскоре, когда вопросов к новичку не осталось, мы распределили вахты и разошлись по местам. Моя оказалась первой.

Я привычно всматривалась и вслушивалась во тьму. Мощно храпел Надир, раньше меня бы это сильно раздражало, но сейчас я просто отстранилась от этого звука и продолжила слушать голос пустыни. Испуганно всхрапывали лошади, шумно переступая с ноги на ногу, и тихие крадущиеся шаги.

— Сейчас моя смена. — Тихо произнесла я, не поворачивая головы.

— У тебя тонкий слух. — Асим, поняв, что тихо подкрасться не удалось, уже спокойно сел рядом.

Я промолчала. Асим подвинулся ближе.

— Ты очень красивый. — Неожиданно произнес охранник, словно невзначай кладя руку мне на плечи. — Даже слишком симпатичный, для мальчика.

Я рывком скинула его руку, и отодвинулась подальше.

— Ну, ладно тебе. — Асим басовито расхохотался, оглаживая бороду. — Я же пошутил. Я не люблю мальчиков.

— Ты пьян? — Я еще немного отодвинулась.

— Вовсе нет. — Охранник не стал сокращать разделяющее нас расстояние. — Просто мне не спится.

— У людей с чистой совестью нет проблем со сном. — Пробормотала я себе под нос, но он услышал.

— Я не очень хороший человек. — Охотно признался он. — Я, бывало, грабил, и убивал. Но я никого не принуждал силой. Никогда. — Асим вздохнул. — После знакомства с тобой я пребываю в странном состоянии. Не знаю, что делать.

Я пожалала плечами. Решать его проблемы я точно не собиралась.

— То есть ты мне не будешь помогать? — Мужчина придвинулся ко мне буквально на волос, но я вновь молча, отодвинулась. — Понятно. — Разочарованно протянул он. — Тогда не жди поблажек.

— Я их никогда не ждал. — Произнесла я. — Уходи, Асим, еще длится моя смена. Тебе нечего здесь делать. Я бы посоветовал тебе выспаться. А возможно и проспаться.

Охранник вскочил, зло пнул воздух рядом со мной, подняв тучу песка, и тихо ушел в темноту. Остаток ночи прошел без происшествий. А Надир как раз дежурил после меня, так что ничей храп не мешал мне уснуть.

— Эй, змееныш, а тебе удобно ездить на осле? — Рядом со мной поравнялся Асим,

свысока глядя на меня. Но я только обрадовалась: он хоть ненадолго, но загородил мне солнце.

Мне показалось, он не помнит события ночи, и я охотно поддержала разговор. Ведь, пока он едет рядом- он загораживает мне солнце.

— Многие великие мужи ездили на ослах. — Спокойно ответила я. — Не осел умаляет достоинство мужа, а муж сам бывает, умаляет личность осла. — Честно говоря, я сама не больно-то поняла, что сказала. Но было приятно поглядеть на озадаченное лицо охранника, когда даже его весьма выдающийся нос удивленно повис. После эпохи ученичества мне было легко нести разный бред с умным видом. Впрочем, это умение не слишком-то пригодилось мне в жизни.

— И в кого ты такой умный, а? — Восхищенно спросил он. — Учился, наверное.

— Так вы же все знаете. Академия. — Улыбнулась я.

— Так, ведь то воинская Академия. А не медресе. — Разочарованно покачал головой Асим. — Руками-ногами махать я и сам обучен.

— Воинская доблесть не только в грубой силе заключается. — Покачала головой я, вспомнив учителя Мао, маленького, еще ниже меня, но гибкого как змея и столь же смертоносного. — Порой мудрость воина заключается не в умении выиграть схватку, а в умении ее избежать.

— Ха! Что умного, чтобы не драться! — Воскликнул Асим. — А мне вот интересно, кто из нас сильнее: я или ты? — Улыбнулся он, поигрывая мышцами под рубахой.

— Если ты про поднятие тяжести, то не буду с тобой спорить, разумеется, ты. — Попыталась я свести все к шутке. — А то вдруг кони падут, и нам придется нести поклажу на себе. Пусть тебе побольше достанется, как самому сильному.

Асим довольно захохотал.

— То есть ты отказываешься со мной драться? — Он пустил коня в обход моего осла.

— Конечно, отказываюсь, вдруг враги, а я уставший. — Улыбнулась я ему, надеясь, что это его успокоит.

— А мы на привале. — Подъехал, вплотную ко мне охранник, таинственно подмигивая. — А что значат эти твои палочки на твоей татуировке? — Внезапно спросил он.

— О! Это значит, во время испытательного боя я сражался сразу с восьмью мечниками и всех победил. — Как можно таинственнее произнесла я. — Это у нас там такие цифры.

— А, так, те воины, небось, были размером с кошку? — Засмеялся Асим, и, наклонившись, шепнул:- Сегодня на привале, как все уснут. Выбор оружия за тобой. До первой крови. Ну и дурацкие же у вас письма! — Добавил он опять громко.

Мне не оставалось ничего иного, как кивнуть. Впрочем, Асим моего согласия уже не увидел, уехав далеко вперед. Я пожала плечами, мне было все равно. Вот только жаль, что солнце опять палит невыносимо.

— Какие уж есть. — Мрачно буркнула я себе под нос. Не нравятся им наши письма. Можно подумать, их сильно лучше. Я долго училась считать на их наречии, мне-то демон не подарил внезапного знания языка. Но у меня была время, и я постепенно научилась и читать, и считать. Даже немного говорить, самое простое и понятное. Так что сейчас я говорила на их наречии, просто бедно и не всегда все понимала. Иногда Адиль сжаливался и переводил мне.

Стоянку мы на сей раз разбились поздно, уже затемно. Резко похолодало. Дневной

переход оказался неожиданно трудным, и сил на вечерние посиделки уже не осталось. Поэтому мы быстро поужинали и, распределив вахты, легли спать. Моя вахта оказалась вновь первой.

Подождав, чтобы все уснули, Асим тихонько встал.

— Ну, что, решим наш спор? — Он почти неслышной тенью встал за моим плечом. Я, не поворачивая головы, ответила:

— Сейчас моя вахта. После нее. — Асим недовольно поморщился, но протестовать не стал, присев рядом.

— Расскажи что-нибудь о себе. — Попросил он.

— Что еще ты хочешь узнать? — Равнодушно спросила я. — Ты же, вроде бы, уже все знаешь.

— Зачем ты солгала? — Он повернулся ко мне всем корпусом. — Ведь ты не Ша, в дипломе стояло женское имя: Алия.

Я хмыкнула.

— Мало кто умеет читать наши иероглифы. Так что я не лгала. Просто не стала развенчивать ваши собственные заблуждения. — Я подняла глаза на Асима. Он тоже прямо смотрел на меня. — Ша- это мое ученическое имя. И оно мне ближе, чем А Лия. Тем более иероглифы так похожи между собой.

— Почему ты не спрашиваешь, как я догадался о твоём маленьком секрете? — Усмехнулся охранник.

— О каком секрете? — Я так и не отвела взгляда. — Не было же никакого секрета. Все обманывались добровольно. Академия легко позволяет обучаться женщинам, и наши дипломы ничем не отличаются от мужских. Так что никакой вины я за собой не чувствую. А что касается того, как ты догадался... — Я замолчала.

— Ты ходишь немного по-другому. — Произнес Асим. — Ты очень миловидна для парня. У тебя нет растительности на лице.

— Разумеется, есть еще пара признаков и привычек. — Закончила я. — Не стоит перечислять их все.

— Что еще ты скрываешь? — Асим попытался взять мои руки в свои, но я спокойно их убрала.

— Я открою тебе секрет. — Мрачным голосом начала я. — На самом деле я оборотень. В сумке у меня человечья лопатка и в полнолуние я превращусь и буду вас домогаться, а потом загрызу.

— Ха-ха-ха. Очень смешно. — Засмеялся охранник. — Скорее уж ты- ламия.

— А кто это? — Настал мой черед удивляться.

— Ламия? Это змея с торсом прекрасной девы. Но я не вижу у тебя хвоста. — Он протянул руку, чтобы незамедлительно потрогать ту часть моего тела, откуда должен расти хвост.

— А как же наш поединок? Ты же должен убедиться в уровне моей квалификации. — Я, засмеявшись, скинула его руку.

— Я думаю, диплом- лучшее подтверждение квалификации. — Усмехнулся Асим, вновь пытаясь ненавязчиво пристроить свою руку у меня на плече. — Я же не могу бить прекрасную деву, хоть она и ламия. — И он мне подмигнул.

— Отлично. — Я рывком поднялась. — Тогда я пораньше лягу спать. Тем более что моя смена закончилась. — И добавила, уже расстилая свое спальное место:- Спокойной ночи.

— Спокойной. — Разочарованно произнес Асим, покорно присаживаясь на освободившееся место.

Ночью мне было очень холодно. И снились змеи с человеческими лицами.

Утром мы все держались, как ни в чем, ни бывало, Асим, как и прежде, подкалывал меня по поводу и без. Впереди нас ждал еще один тяжелый дневной переход. А дальше, как поговаривали, прекрасные оазисы. Адиль, подгонял нас и сам торопливо проверял упаковку и сохранность тюков, а также все крепления. Не переставая ругаться и ворчать, он успевал упомянуть о горячих источниках, бьющих прямо из-под земли, которые ждали нас уже завтра вечером, если мы успеем пройти два дневных перегона вовремя. Надир мечтательно прищелкивал языком, на каждом слове купца, а Асим лишь мечтательно закатывал глаза. Я, молча, паковала свой мешок, благо у меня было не много вещей.

— Ты любишь змей? — Рядом с моим осликом вновь поравнялся Асим.

Я пожала плечами.

— Я к ним равнодушен. — Подумав, призналась я. — Я их не люблю, но могу съесть. Не хотел бы готовить сам, но если придется, то приготовлю.

— То есть ты не находишь змей красивыми? — Асим внимательно смотрел мне в лицо. Правда, для этого ему пришлось перегнуться через коня. Подозреваю, что со стороны это выглядело презабавно.

— Что за вопросы? — Немного раздраженно спросила я. — Второй день тебя интересуют змеи.

— Просто ты похож на змею. Красивую, но холодную. — Серьезно произнес охранник. — И безопасную, если змеи могут быть безопасными.

— Змеи не холодные. — Я ответила первое, что пришло мне в голову. — Они довольно приятны на ощупь.

— Интересно. — Задумчиво протянул он. — Ты хорошо знаешь змей. Вы точно не родственники?

— Нет. Но моя прабабка- лиса. — Произнесла я.

— У всех свои недостатки. — Философски пожал плечами Асим. — Моя вторая жена вообще корова. А за столом так свинья свиньей. И живу же с ней.

— Эй, Асим, ты не слишком ли много времени проводишь со змеенышем? — Окликнул приятеля Надир. — Раньше я не замечал у тебя тяги к симпатичным мальчикам.

И он захохотал. Азис и Хасим усмехнулись.

Асим открыл рот, потом посмотрел на меня и закрыл его.

— А ты бы хотел, чтобы я больше времени проводил с тобой? — И он, развернувшись, направил своего коня к Надиру. Тот засмеялся и отгородился от приятеля конем с поклажей. Преследовать насмешника Асим посчитал ниже своего достоинства. Ко мне он так и не вернулся, а занял место во главе каравана, рядом с купцом, заведя с ним неспешную беседу.

Этот переход был тяжелым. Солнце палило немилосердно, так, что уже к полудню, я дышала, как выброшенная из воды рыба, и практически не следила по сторонам. Понимая, что от такой охраны мало толку, я мучилась угрызениями совести, но продолжала тяжело дышать и обливаться потом. Впрочем, видимо, разбойникам тоже было невыносимо жарко, потому что мы преодолели этот дневной перегон спокойно.

Лагерь разбивали уже в темноте. Переход дался нам очень тяжело, и по времени мы не

уложились. Ночь спустилась резко, так же резко похолодало. Теперь мне было невыносимо холодно. Впрочем, легкая пробежка вдоль нашего лагеря и разминочный комплекс упражнений, исправили ситуацию. Я натянула теплую кофту поверх уже имеющейся, и пристроилась к костру, баюкая в руках кружку с теплым варевом.

— Еще завтра. — Устало произнес Азис, плюхаясь рядом со мной. — А потом нас ждут источники.

— О! Это такое наслаждение! — Закатил глаза Асим, тоже подсаживаясь рядом. — Ты вряд ли испытывал что-то подобное.

Я пожалала плечами. В мире столько всего, что я еще не испытывала. Посмотрим на источники завтра вечером.

Все настолько устали, что, быстро поужинав, разбрелись по лежакам, распределив смены. Мне досталась под утро. Вместе с утренней готовкой.

Едва моя голова коснулась жесткой подушки, как я сразу же провалилась в сон без сновидений. Утро наступило слишком рано.

— А что это ты тут делаешь? — Был мой первый вопрос, когда я, проснувшись, узрела рядом с собой, сидевшего на корточках и щекотавшего мне нос травинкой Азиса. Травинка была сухая, перенесшая на своем веку множество тяжелых испытаний. Даже не знаю, каких трудов охраннику стоило найти ее в этой пустыне.

— Вот, люблюсь самой прекрасной женщиной на земном шаре. — Серьезно ответил он, ничуть не смутившись, и продолжил разглядывать мое лицо.

— Каком таком шаре? — Удивилась я, приподнимаясь на локтях. — Ведь земля- это диск.

— Как тебе будет угодно. — Легко отмахнулся он, покрутил травинку в руке и, случайно задев свой нос, чихнул. — Ох, прости.

— Ничего, ничего. — Я перевернулась, бездумно глядя в небо. Какое же сегодня чудесное утро.

— А если серьезно, то солнышко уже давно встало, а кто-то сегодня дежурный, и я не хочу остаться без завтрака. Тем более такого вкусного, как у тебя. — Он лукаво мне подмигнул.

— Ох, а ведь и точно! — Я торопливо вскочила, приглаживая вставшие дыбом волосы. — Спасибо, что разбудил. — Я торопливо соорудила свою лучшую прическу: замотала волосы в пучок на голове. Подозреваю, что это выглядело ужасно, но я уже давно путешествовала с такой прической, и, хотя, порой мне хотелось вновь обрить голову, я продолжала отращивать их.

— Да, не за что. Я же говорю, что действовал в своих же интересах.

— Ладно. Пойдем. Будешь моим первым дегустатором. — И я уверенным, хромающим шагом направилась в сторону нашей походной кухни. Но негромкий шепот сбил меня с толку:

— Как первый дегустатор? А я? — И Надир, до сих пор успешно притворяющийся спящим, открыл глаза, лукаво усмехнулся и сделал попытку ухватить меня за ногу. Причем довольно успешную, надо признать. Я неловко поднялась, сплевывая песок.

— За такие шутки останешься голодным! — Честно призналась я.

— Да, и ладно. — Махнул он рукой. — Отрезать себе холодного мяса я могу и сам, а вот уронить столь великого воина... в общем, мне будет что вспомнить и что рассказать друзьям. — И он довольный захохотал.

Впрочем, мысли о предстоящем дне вытеснили мое позорное падение. Так что все, споро позавтракав, вновь двинулись в путь.

Переход этот мы преодолели без проблем, и едва мы дошли до стоянки, как все ощутимо расслабились. Меня же не покидало дурное предчувствие. Отговорившись надуманным предлогом, я не пошла вместе со всеми в купальни, а вместо этого обошла кругом нашу стоянку, проверяя все, что только можно было проверить. На первый взгляд все было вроде бы спокойно. В оазисе сегодня был только наш небольшой отряд. И вряд ли кто-то придет сюда позднее, обычно переходы старались распланировать так, чтобы оказаться в безопасном месте до наступления ночи, в то время как сейчас уже было весьма поздно. Успокаивая себя подобным образом, я обошла все еще раз по периметру, и начала готовиться ко сну. Чувствуя себя в безопасности, Азис сегодня решил не назначать караульных, уверенный в том, что в оазисе на нас точно никто не нападет.

Вскоре вернулись все остальные, шумно делясь впечатлениями. Они распечатали еще пару бутылей вина, отмечая практически подошедшую к концу поездку. По словам Азиса, дальше начинались спокойные земли, где каравану уже ничего не грозило.

— Эй, змееныш, выпей с нами. Раз уж ты стесняешься раздеваться, то хоть не нарушай законов гостеприимства, и подели с нами трапезу. — Изрядно захмелевший Хасим приглашающее махнул в мою сторону кружкой с вином.

Пришлось встать и присоединиться. Пила я всегда мало, потому что быстро хмелела и могла потерять контроль. А я очень не любила терять контроль над своим телом. К этой моей особенности быстро привыкли и теперь частенько подкалывали по этому поводу, Впрочем, насильно напоить никто не пытался, за что я была благодарна.

— Я так рад, что мы прошли эту пустыню без потерь. — Надир первым пригубил кружку. Все последовали его примеру.

— Да, первый раз мы так спокойно совершили этот переход. — Осторожно признался Адиль. — Даже странно немного. Но я рад, что все прошло благополучно.

— Да, за успешное завершение дел. — Снова взлетели в воздух кружки.

— То есть наше путешествие закончено? — Удивилась я. — Я думала еще долго.

— Наше нет. Да и твое тоже. — Ответил мне купец. — Но самую сложную часть пути мы прошли. Пустыня осталась позади, дальше будет легче.

— А дальше разве безопасно? — Удивилась я.

— Нынче нигде не безопасно. — Не рассмеялся моему наивному вопросу Адиль. — Но переход через пустыню считается самым сложным. Виной тому и климат, выматывающий все силы путников, и банда «коршунов пустыни», как они сами себя называют. Слава Аллаху, что на сей раз мы с ними не встретились.

Разговор плавно перешел на предыдущие путешествия, и вскоре воздух наполнился пустыми похвальбами и обещаниями будущих подвигов. Мне стало скучно, и я вновь отправилась спать. На сей раз мой уход остался незамеченным.

Я легла спать, но мне почему-то не спалось. Не отпускала смутная тревога, и было невыносимо обидно, что я так и не посмотрела эти горячие источники. Но пирующая компания отбивала всяческое желание идти к воде. Я лежала и бездумно смотрела в небо, где черноту бархата оттеняла почти круглая луна.

«Скоро полнолуние»- Подумала я скорее машинально. Я уже давно не обращалась, и сейчас остро чувствовала, как моя вторая сущность тяжело ворочается во мне. Лисы-свободолюбивые существа, ее нельзя надолго запирают в тесном человеческом теле.

Постепенно на наш лагерь спустилась ночь, и мои спутники расползлись по своим спальным местам. Вскоре воздух наполнился мощными звуками храпа. Мой сон окончательно испарился.

Я слышала, что вода в этих источниках считается целебной и отовсюду сюда едут люди, чтобы искупаться и, по слухам, встретить свою судьбу. Не то, чтобы я так уж хотела встретиться с судьбой, вдруг встреча не принесет нам счастья, а судьба окажется страшной, но слава этого места все же манила меня со страшной силой. Полежав какое-то время и придя к выводу, что любопытство меня погубит, я убедилась, что мои спутники спят крепким, немного алкогольным сном, я подхватила смену белья и рубашку и отправилась к источникам.

Источники не оправдали моих ожиданий. Это оказалась просто чаша, выдолбленная в камне, где на дне били горячие ключи, к чаше начале вел подъем, а потом резкий спуск.

Я разделась и замерла в нерешительности на краю чаши. Внезапно мне подумалось, что не стоит играть в такие игры, и пусть уж лучше здесь и дальше справляют обряды жрицы. Но...

— Купаешься? Или гадаешь? — Я обернулась, непроизвольным жестом вскидывая руки к груди, прикрываясь.

Сзади стоял Асим, внимательно рассматривая меня.

— А ты, ничего, красивая. — Он еще раз окинул меня бесстыдным взглядом. — На лицо, правда, не очень, а так ничего. На один раз сгодится.

— Ты- пьян! — Я не успела испугаться. Уж он-то мне точно не соперник.

— Не настолько. — Он сделал шаг ко мне, протягивая руку. — Был бы трезв, еще долго не решался бы поведать о своих чувствах.

— Ты ужасно пьян. — Повторила я.

Я растерялась, не зная, что и предпринять. Пройти мимо и одеться, или все же рискнуть и залезть в эту чашу. Давно я не чувствовала себя так глупо. Любой из вариантов он обсмеет.

— Я так глупо себя чувствую. — Пожаловался он. — Испытываю странное влечение к неверной. Я вообще поначалу думал, что ты парень. Видишь, до чего ты меня довела?

Он снова шагнул ко мне. Я все же сделала пару шагов в сторону озера, увеличивая между нами расстояние.

— Что ты ломаешься, ведь ты уже наверняка не девочка. От тебя не убудет. — Зло воскликнул он. — А мне это действительно надо.

— В тебе сейчас говорит вино, и ты не ведаешь что творишь. — Сделала еще одну попытку уладить все миром я. — Остановись. Мы ведь одна команда!

— Обещания, данные неверным, не имеют силы. — Произнес он. — Мало ли что тебе там обещали. Я привык добиваться своего!

— Ну, так добивайся! — Я зло опустила руки и деланно расслабилась, а когда он кинулся ко мне, резким ударом кулака в челюсть отправила его в полет.

Купаться мне расхотелось.

Но я все равно немного поплавала. Просто так, без мыслей о судьбе. Вода была действительно горяча, прекрасно расслабляя все мышцы, и смывая негатив.

Потом тихонько вернулась на свое спальное место, но спалось мне плохо, я все ждала возвращения Асима. Но он пришел только под утро, и, как мне показалось, ничего не помнил.

А с рассветом на нашу стоянку напали.

Образ жизни и выучка приучили меня никогда не расслабляться, поэтому спать я легла одетой, только сняв обувь, что б дать не большой отдых уставшим за день ногам. Сон был крепким и спокойным, в отличие от буйного утра, которое началось шумом побоища. Оглядевшись, я увидела несколько мужчин в лагере, которые вооруженные ножами и дубинками вели бой с защитниками каравана. Долго не раздумывая, схватив меч и не тратя время на обувь, я бросилась на ближайшего ко мне. Пока разбойник не заметил, я со всего размаха нанесла удар в голову, не доставая меч из ножен, тот охнул, падая на колени.

— Не зевай! — Крикнул мне Адиль, добивая моего противника.

Я развернулась и достав меч из ножен, переключилась на следующего нападающего, низкорослого, широкоплечего мужа, с ног до головы замотанного в старое грязное рваньё. Сильный удар и незадачливый коротышка с разрубленной дубинкой и раной от плеча до поясницы упал на землю, заливая все вокруг добротной струей крови. Пока я смотрела на умирающего бандита, его товарищ решил наброситься на меня, что б повалить на землю. Наивный, я видела его еще, когда он только начинал свой бег. Все, что мне требовалось, это слегка отклониться и немного подправить его полет, продолжая начатую им же самим атаку. Теперь, даже если бы он захотел, он бы не смог остановиться- слишком большую скорость набрал, и продолжал двигаться уже по инерции. «Сила противника, если она использована без ума, оборачивается против самого нападающего»- так частенько повторял учитель Мао. Разбойник весьма эффектно полетел головой вперед и притормозил ей же в ближайший камень. Где и затих.

Оглянувшись по сторонам, я увидела, что все уже закончилось. И, к сожалению, не в нашу пользу. Надир умер сразу, не успев даже проснуться, пьянка никогда не доводила до хорошего, Хасим скончался от арбалетной стрелы в глаз, успев зацепить одного из нападающих.

Асим убрал арбалетчика, но сам не успел увернуться от чужого меча. Адиль, дышал, хотя внешний вид его оставлял желать лучшего, множество порезов и глубокая рана в животе не предвещали ничего хорошего.

— Они напали в нейтральной зоне. — Адиль странно улыбнулся.

— Они мертвы. — Произнесла я.

— Не все. Твоих пришлось добиваться. Ты, змееныш, слаб, как баба. Плохой воин. — Купец усмехнулся еще раз, скривившись от боли.

— Я и есть баба. — Призналась я. Тот кивнул. — Но я жива, а вы все- мертвы.

— Да. — Адиль поднял на меня глаза. — Я собирался тебя обмануть. Ведь, ты- неверная. Я не собирался тебе платить.

— И что изменило твое решение? — Я приподняла его голову, помогая напиться.

— Ничего. — Он опять усмехнулся. — Я по-прежнему не собираюсь тебе платить. Но ты можешь забрать все сама. Наша поклажа не велика, а денег у меня не так уж и много. Твой ослик легко все увезет. Дай мне воды! — Велел он мне.

— Это плохая идея. — Произнесла я. — У тебя распорото брюхо.

— Я знаю. — Слабо кивнул он. — Неужто, ты откажешь умирающему в такой малости?

Купец выпил воды, а после умер. Оставив меня в одиночестве, на разграбленной стоянке.

Я грустно оглядела оазис. Он выглядел уже не так великолепно, как пару часов назад.

Все что можно было сломать- было сломано, что можно было вытоптать- было вытоптано. Запах свернувшейся крови висел в воздухе, да и трупы представляли собой ужасно неэстетичное зрелище. Я вздохнула и, схватив ближайшего разбойника за ногу, поволокла его к выходу из оазиса. Могилы он точно не заслужил. Труп оказался неудобный к переноске, все время за что-то цеплялся и всячески мешал своей транспортировке. Перетащив одного разбойника, я смахнула трудовой пот и присела передохнуть. Окружающий меня пейзаж не стал красивее, а лишь украсился длинной бороздой, начинающейся с подсохшей лужи крови.

Неожиданно один из предполагаемых трупов- застонал. Когда он перевернулся и попытался сесть, я узнала в нем своего последнего противника. Все же Адиль был прав- я очень плохо работаю. За мной приходится переделывать. На миг мне стало стыдно, и я уже даже вновь схватила меч, собираясь доделать свою работу, как в мою голову закралась соблазнительная мысль.

Разбойника затошнило. И, слушая издаваемые им звуки, я засомневалась в целесообразности задуманного.

— Эй, ты. — Я потыкала разбойника кончиком меча. — Ты живой?

Тот слабо пошевелился и его снова стошнило.

— Фу-фу-фу. — Я опять потыкала его мечом. — Если ты хочешь еще пожить, то вставай и помогай мне копать могилу.

Разбойник послушно встал на четвереньки и подгоняемый мечом отполз к месту предполагаемой могилы. Лопаты у нас естественно не было, и я предложила ему копать руками. Честно говоря, лично я бы, из принципа умерла бы, лишь бы не копать.

Пока разбойник изображал бурную деятельность, я перетащила еще два чужих трупа, последнего с частыми остановками на отдых. Мне оставалось сделать еще два захода, когда копающий могилу разбойник, упал. И выкопал он совсем неглубоко, где-то по локоть.

Пришлось возвращаться в оазис, где я нашла котелок, и сходяв к источнику, вывернула полный шлем на разбойника. Тот слабо зашевелился и открыл глаза.

— Я смотрю, тяга к жизни в тебе здорово ослабла. — Улыбнувшись настолько ласково, насколько смогла, я помогла ему сесть. Впрочем, мой душевный порыв остался незамеченным, его опять начало тошнить.

— Может тебя добить, хотя бы из сострадания? — Задумчиво произнесла я, шаря глазами по сторонам в поисках того, чем его можно было бы подпереть. Не найдя ничего лучше, я просто усадила его в выкопанной яме, прислонив к холмику выкопанного песка и земли.

— Не надо, пожалуйста. — Тихо прохрипел разбойник. — Я здоров и могу копать.

— Это просто отлично! — Воодушевленно произнесла я, бросив ему на колени котелок и палку. — Тогда я, пожалуй, закончу с твоими друзьями.

Четвертый труп перетащился на удивление легко, видимо, у меня открылось второе дыхание, или же я просто приноровилась. Разбойник, не смотря на свое состояние, копал усердно, углубившись уже по пояс. Яма, правда была узка, и пока коротковата, но думаю, к полудню ситуация изменится.

— Эй, ты, хочешь пить? — Приготовив последнего убитого разбойника к транспортировке, я подобрела и присела на камушек с бутылкой сильно разведенного вина.

— Да, госпожа, если можно. — Разбойник робко высунул голову из выкопанной траншеи.

— Госпожа? — Удивленно приподняла я бровь, протягивая ему бутыль.

— Господин... если вам так будет угодно. — Испуганно замотал головой мужчина, торопливо припадая к бутылки, явно боясь, что я ее отберу.

— Госпожа, господин. — Я усмехнулась, и не думая отбирать бутыль. — Мне все равно. А ты?

— Джалиб, госпожа. — Охотно представился разбойник. — Я все-все сделаю, только пощадите.

— Да я пока и не собиралась тебя убивать. — Призналась я. — У тебя же еще могила не закончена. Вот я сейчас выкину последнего твоего дружка, ты докопаешь могилу, потом мы уложим туда моего нанимателя и его неудачников-охранников, а потом я и буду думать, уложить ли тебя в ту же могилу, выкинуть ли в пустыню, или все же отпустить.

Джалиб слушал, молча, и до унижительных просьб больше опустил, что меня порадовало.

— Но, понимаешь, — продолжила я, с наслаждением глядя на то, как он работает, — если я все же, в несвойственном мне приступе милосердия тебя отпущу, ты, ведь, вернешься к преступному прошлому. Будешь снова грабить, резать и убивать. А также нападать в нейтральной зоне на спящих людей. Аллах должен тебя покарать. А я с удовольствием буду его десницей в таком хорошем деле.

— Я был вынужден этим заниматься. — Вздохнул Джалиб. — Но, госпожа, поверьте, я не хотел.

Я рассмеялась.

— Да, ты, я смотрю, шутник. Копай, копай, не отвлекайся. Тебе немного осталось. — Подбодрив его таким образом, я схватила и поволокла последнего из разбойников. Выкинув тело на песок, где уже лежали другие тела, я с чувством выполненного долга вернулась обратно. Солнце быстро высушит тела до скелета. Но своих, пусть даже они хотели меня обмануть, надо похоронить.

К моему возвращению, разбойник вновь развил бурную деятельность. Словно я не видела краем глаза, что до этого, он отдыхал, прислонившись к стене траншеи. Впрочем, копать отдельные могилы и хоронить со всеми почестями караванщиков, я не собиралась. Так что, мы вместе с Джалибом перенесли тела в траншею, где разложили их согласно их прижизненному статусу. Траншея оказалась все же немного маловата и коротковата, так что тела пришлось уминать, но, я думаю, мертвецы не были на меня в обиде.

— Иди, помойся и приведи себя в порядок. — Я кинула Джалибу чистую рубаху и штаны Асима. Источники мы не успели загадить.

Разбойник осторожно поклонился и ушел.

Пока он приводил себя в порядок, я немного переложила вещи, все самое ценное сложив на своего ослика. Одна лошадь была убита, и мне достались две охранников и одна Адила. Ее-то как раз я рассчитывала хорошо продать. Себе я приглядела низкорослую лошадку Асима. И было еще пять лошадей, оставшихся мне в наследство от разбойников. На удивление хорошие для таких плохо одетых людей. Так что я резко стала ужасно богатой женщиной по меркам этого места. И на своем месте я бы обязательно себя ограбила, ибо не нужно одинокой женщине столько добрых лошадей. Я пожала плечами, не выгонять же теперь лошадей. Придется о них позаботиться, пока не представится случай продать. Тем более, что поклажа у разбойников тоже имелась, хотя и немного. Так что, разберусь.

Джалиб вернулся быстро. Штаны ему оказались немного коротковаты, но в целом

выглядел он гораздо лучше.

— Теперь пойду я, приведу себя в порядок. А ты пока приберись здесь. — Скомандовала я ему. Разбойник, молча, кивнул, глядя на то, как я отбираю себе чистые вещи.

Купальни при свете дня выглядели еще более жалко. Но чудес я от них уже не ждала, а хотела просто помыться. Так что я оставила на краю чистые вещи стопочкой, а грязные покидала рядом. Из кувшинчика достала немного мыла и с наслаждением размазала его по себе. Я успела на краю чаши смыть первую грязь, когда на меня напал разбойник. Честно говоря, я ожидала от него не этого глупого нападения, а того, что он прихватив вещички, попробует убежать. Возможно, даже попытается прихватить пару лошадей. И я уже заранее смирилась с их потерей. Мне и в самом деле столько не нужно, а весь табун он не смог бы угнать за такое короткое время.

Джалибу не удалось застать меня врасплох. Ужом я выскользнула из его рук. В этом мне здорово помогло все еще намыленное тело. Не знаю, по какой причине, но оружия он не взял, видимо, собираясь задушить меня голыми руками. Меч мой лежал рядом с чистой одеждой, но я по-прежнему, не собиралась его убивать. Подхватив с земли грязные штаны, я взмахом захлестнула их вокруг шеи Джалиба. Тот замахал руками, в безуспешной попытке их сбросить. Быстрый рывок и второй конец штанов тоже оказался у меня в руках, а сама я за его спиной, натягивающей штаны, одновременно упираясь ему ногой в позвоночник. Разбойник захрипел и начал падать на колени, руками держась за удушающий элемент, и пытаюсь повернуться ко мне лицом.

— А ты молодец. — Я передвинула ногу поудобнее. — Я была уверена, что ты сбежишь.

— Пощады! — Прохрипел разбойник.

— С какой стати? — Усмехнулась я. — Ты же меня щадить точно не собирался.

— Я бы не стал вас убивать. — Я слегка ослабила хватку и Джалиб смог говорить. — Немного проучил бы, и выкинул в пустыне.

— Обрек на долгую мучительную смерть. — Покивала я головой. — Ты действительно очень милосерден. Даже милосерднее меня.

— Госпожа! Вы ведь женщина! — Попробовал разбойник по-другому. — Женщинам не свойственна мстительность, они по природе своей добры и милосердны. Ведь главное предназначение женщины не убивать, а дарить жизнь. Подумайте о ваших детях.

— Ежедневно думаю. — Зло сказала я, руки сами протянулись, чтобы сильнее придушить и выбросить потом. — Это плохой аргумент. — Добавила я, и, почему-то, отпустила его.

— Спасибо. — Разбойник так и остался на коленях, потирая шею.

— Клятву верности. — Я понимала, что клятва, принесенная под давлением, для него вряд ли много будет значить, и, признаться честно, спать все время вполглаза мне очень не хотелось. А вот меня, принятая клятва свяжет по рукам и ногам.

— Я, Джалиб ибн Манджир сын Ахмеда, признаю...

— А Лия, по прозвищу Ша, уроженку Царства Мин. — Подсказала я. Джалиб послушно повторил.

— Ее своей полновластной хозяйкой и властительницей судьбы моей, клянусь защищать ценой своей жизни, оберегать... не вредить ни словом, ни делом... — продолжал говорить разбойник.

— Я, Алия, по прозвищу Ша, уроженка... обязуюсь давать кров и свою защиту... —

приняла я его клятву. — А теперь поднимайся и дай мне спокойно домыться. Советую тихонько посидеть в тенечке. При травмах головы не показаны активные физические нагрузки, а тем более процесс удушения, ведь нехватка кислорода может негативно сказаться на умственных способностях. — Наставительно произнесла я. Джалиб покраснел и поднялся, но далеко отходить не стал, пересев в тень.

Я закончила процесс омовения без происшествий, но только зашнуровала рубаху и надела стеганый халат, как в оазис ворвался отряд.

— Какая удача. — Ко мне подъехал всадник, в наглухо закрытом шлеме. — Путники, и совершенно беззащитные. И, что самое интересное, богатые. Это ведь ваши вещи тут раскиданы?

Совершенно неожиданно меня закрыл собой Джалиб, он сжимал руки, полные песка, и это было его единственным оружием. Я подняла свой меч, благо он лежал совсем рядом. Вот к этой ситуации я оказалась совершенно не готова. Мне было совершенно ясно, что защитить теперь уже свой караван я не могла, оставалось лишь подороже продать свою жизнь.

— Не стрелять! — Раздался резкий крик и вперед выскочил еще один всадник на рослом коне, к седлу его был приторочен огромный боевой топор. Подняв вихрь песка, рыцарь спрыгнул передо мной, одновременно стаскивая шлем с головы. Соломенные волосы рассыпались по плечам. — Ша, ты в порядке?

— Привет, Ло Надэ. — Я опустила меч.

Вот теперь все точно будет хорошо. Рядом шумно выдохнул Джалиб.

— Роланд, меня зовут Роланд. Ну, сколько тебе это можно повторять. Для тебя можно даже Рон. — Рыцарь широко улыбнулся, прижимая меня к груди. Мои ноги безвольно болтались в воздухе.

— Отпусти. — Из последних сил прохрипела я.

— Какая же ты маленькая. — Умильно чмокнул меня в макушку Рон, опуская на землю. Я с облегчением перевела дух.

— Руку держи ровнее! — Крикнула я. — Не опускай руку!

Ли поморщился, но руку послушно поднял. Рука дрожала. Пот тек по лицу юноши, но он даже не думал отереться плечом. Еще бы, ведь тогда он нарушит гармонию стойки и ему порядком не поздоровится.

Ветер гонял упавшую листву по двору дедушкиной, а теперь моей собственной школы. Вопреки сложившимся стереотипам, прошлый набор учеников меня здорово порадовал. Первый год, когда Рональд все же смог уговорить меня вернуться и все же попробовать, я смогла набрать всего пять учеников. Трех привел сам рыцарь: это Ли, Динь и еще тот безухий парень из моих первых учеников, что вначале решили остаться в Академии, а потом почему-то одумались и перешли вновь ко мне. Поначалу нам было непросто: никто толком не воспринимал нас всерьез.

Даже моя матушка прибежала, за закрытыми дверями визжала, что не потерпит такого позора, чтоб ее дочь вместо счастливой семейной жизни ерундой маялась. Здорово мы тогда с ней поскандалили, немало посуды перебили, и даже забор немного погнули в процессе установления кто же из нас нынче в семье главный. А самое приятное, что пришлось матушке уйти восвояси. Я оказалась более сильной лисой, а значит не имела она больше надо мной власти.

Нам потребовался почти год, чтобы люди узнали о нас, и немало разборок с другими школами, чтобы отстоять свою независимость. А уж после того, как я уложила учителя из школы «Крадущегося тигра», так о нас заговорили, и из пренебрежительного тон постепенно стал уважительным.

— Руку держи! — Опять прикрикнула я. Ли, видя, что я отвлеклась, попытался утереть пот.

— Так не пойдет.

Я соскочила со своего стула, где возлежала, подобно лучшим разленившимся учителям, и, полулежа, полировала отростки у «волчьей метлы».

— Ли, зайчик мой ненаглядный! — Парень, что уже давно перерос меня на добрые полголовы, поморщился. Он давно просил, чтобы я даже не думала его так называть, и я пообещала, сразу же перестать, как только он сможет выбить у меня из рук оружие. Он с тех пор не оставлял попыток, но пока что безуспешных. — Если ты не забыл, что у тебя завтра экзамен на мастера. — Строго произнесла я, а парень нахмурился.

— Ну и как ты собираешься его сдавать, — прорычала я, — если твои мысли бродят неизвестно где?! Кто будет руки держать? За ногами следи! Спину прямее!

Я поправила ему стойку кончиком «метлы», и парень заметно напрягся. Это он зря, стоять надо расслабленно, готовым в любой момент перетечь из одной стойки в другую.

— А теперь переходи во «всадника». — Велела я. — Плохо. Еще раз. Теперь «дракон атакует свой хвост», а теперь «старый Фэнь гоняет облака».

Парень ужасно старался. Но я все равно была не довольна. Честно говоря, я за него переживала сильнее, чем за себя, когда меня вызвал на поединок бывший хозяин «Крадущегося тигра». Тогда я просто встала и предложила ему выбрать себе оружие.

Он с чего-то решил, что я лучше владею легким мечом и в качестве оружия выбрал «метлу». А я, признаться, со времен моего первого боя с Ли (другим Ли, тем, что был

учеником Мао) здорово зауважала это оружие, и даже написала про владение им трактат. Трактат этот я, правда, никому не показывала, ибо подозреваю, с точки зрения общественности, писать трактаты у меня было еще меньше прав, нежели держать свою школу.

В общем, в той битве я легко победила. Бывший глава школы ушел изрядно побитым, униженным, но живым. После он прислал мне письмо, в котором приглашал объединить наши школы, путем женитьбы. Пришлось написать ему в ответ правду, что я замужем. Потом он предложил поженить наших детей. В общем по-всякому пытался изворачиваться, чтоб сохранить свою школу. Я даже тысячу раз пожалела, что оставила его в живых.

Но мы потом нашли компромисс. Он отдал мне своих пятерых самых младших учеников, а на свою табличку приклеил вторую маленькую: «Побежден Ша». К слову, это не привело к падению его школы. Напротив, даже подогрело к ней интерес, а заодно и ко мне. Люди пошли посмотреть на того самого Ша, и я постепенно начала завоевывать популярность.

Потом мы с моими учениками уничтожили банду хромого Гэ, и после этого нас полюбили простые крестьяне. Этот Гэ, оказывается, здорово безобразничал по округе длительное время, и никто не мог его приструнить. Не могу сказать, чтоб он был великим воином, скорее уж неплохим стратегом, и оратором. Для вящей славы я вызвала его на личный поединок, где красиво нарубила на фрагменты. Меня даже потом почти не тошнило.

— Эй! — Раздался крик за воротами.

Я отпустила измученного Ли и подошла встретить кричавшего.

— Ты сдурела, что ли, — грозно начала Цинь, гордо восседая на ослике, — сама гостей встречаешь?!

— Я тоже рада Вас видеть, уважаемая! — Поклонилась я.

Цинь неожиданно пустила слезу и крепко обняла меня!

— Я так рада за тебя! — Произнесла она.

— М? — Приподняла я одну бровь.

— Указ Императора! — Цинь обернулась, и я заметила позади нее телегу и двух учеников, что снимали с нее огромную вывеску. — Вот, смотри! Император прознал, что ты никак имя для школы не выберешь, и что к «драконам» испытываешь некоторую неприязнь, и решил проблему за тебя.

Они развернули холст с нее, и я остолбенела. Это была вывеска с позолоченными буквами, на которой значилось:

«Школа боевых искусств: «ЛИСИЙ ПУТЬ».

А на следующий день Ли легко сдал экзамен и стал первым младшим мастером. А старушку Цинь мы долго не могли выгнать, так понравилось ей шпынять у меня в школе младших учеников, что пришлось рыцарю взять удар на себя и пригласить ее посмотреть родовой замок к себе на Родину.

— Так, сынок, — шепотом сказала ему Цинь, — ты же, того, не настоящий рыцарь-то! Небось кузнец был, да?

Роланд покраснел. Потом нехотя кивнул.

— Я украл доспех у настоящего рыцаря. — Признался он. — Но я бы мог присягнуть вассалу, и стать безземельным рыцарем.

— Так а в какой замок ты меня тогда приглашал? — Усмехнулась Цинь.

— Не переживай! — Обняла я его. — Мы знали, но для нас это не очень важно.

Главное, что теперь ты получил самого настоящего мастера. А не так, как я путем интриг и шантажа.

— Твой мастер тоже самый настоящий! — Шикнула Цинь. — Я сама татуировку набивала. Чем хочешь поклянись, что настоящий!

Мы переглянулись и рассмеялись. Какая разница, что у нас было в прошлом. Главное, что у нас впереди самое настоящее будущее.

Никто из нас не знал, что через десять лет Хуан Хэ вновь разольется, а Царство опять погрязнет в восстаниях и войнах. Но мы были молоды и уверены, что легко справимся со всем, что может с нами случиться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net